

уральский

следопыт

№7**** 1977

Знамя ЧОНа

ЧОН — часть особого назначения для борьбы с внутренним врагом — в Павлодаре была организована в июле 1921 года. В ее состав по решению укома РКСМ входили комсомольцы, достигшие 18-летнего возраста. Бойцы-чоновцы жили на полуказарменном положении: днем работали на своих рабочих местах, а вечером охраняли военные склады, патрулировали по городу, преследовали банды.

Особенно терроризировала уезд банда Найды; от рук головорезов погибли советские милиционеры-комсомольцы Балтабай Баратбаев и Василий Кунавин.

В апреле 1922 года чоновцы повели наступление на штаб Найды. Особо отличились бойцы 9-го Павлодарского пехотного батальона ЧОНа, сумевшие захватить позиции и отсечь бандитский штаб. Они захватили и главаря. Осенью того же года Найду судили и расстреляли в Семипалатинске.

В августе 1922 года чоновцам было вручено шефское боевое знамя от укома партии и упродкома за разгром банды. Выступая на митинге по поводу вручения знамени, командир батальона сказал:

— Это знамя мы будем охранять до последней капли крови, а кто вздумает вырвать его из наших рук, тот жестоко поплатится!

Ныне боевое знамя 9-го пехотного чоновского батальона — уникальный экспонат Павлодарского областного краеведческого музея.

В номере:

А. Нагибин ЭТО — «ИЖ»!	2
Л. Богоявленский ТРИПЛАН КОМТА	4
О. Головачев ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ	9
В. Чемляков ЧЕЛОВЕК ИЗ КНИГИ	10
В. Денисов, А. Усольцев ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ВОДА	11
А. Кузнецов ЗНАКИ РУССКОЙ СЛАВЫ	17
В. Балашов ТА САМАЯ ИВАНОВКА	23
А. Чуманов БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ... Стихи	26
Б. Алмазов ДЕРЕВЯННОЕ ЦАРСТВО. Окончание	28
Ю. Сергеев ТРАКТОРИСТ	45
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	46
Д. Биленкин, Ю. Школенко ПЛАНЕТА ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ	48
НТ-77	54
М. Найдич ЕСТЬ ТАКАЯ СЛУЖБА	57
А. Нечаев ЛЕЖАЧИЕ ЛЕСА	61
Н. Журкович КУБИК. Рассказ	62
А. Гурулев РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГОРИЗОНТ	68
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30/III 1977 г.
 НС 11173
 Подписано к печати 16/V 1977 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 9,8
 Тираж 275 000.
 Заказ 110.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Н. ПАВЛОВА.
 Оформление 2-й стр. об-
 ложки — **Р. КАПТИКОВА.**

© «Уральский следопыт», 1977 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№7 * 1977

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

20.X.1918 г.

Арзамас, Вацетису

Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Воткинского. Просим принять самые энергичные меры к ускорению. Телеграфируйте, что именно предприняли.

Предсовнаркома ЛЕНИН.

7.XI.1918 г.

Вятские Поляны.

Командующему 2 армией.

Приветствую доблестные красноармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия!

ЛЕНИН.

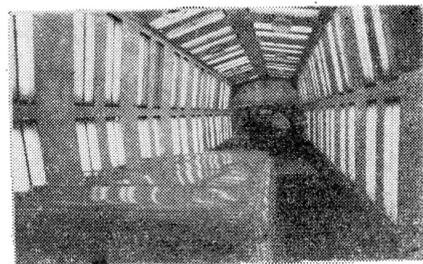
ЭТО -

Как видим, войскам Красной Армии понадобилось всего около полу-месяца, чтобы выполнить наказ Ленина.

Сейчас в столице Удмуртской АССР — Ижевске высятся монумент в честь братской дружбы удмуртского и русского народов. История края, его столицы — история страны.

1917 год резко изменил течение жизни ижевчан. На одном из своих первых заседаний Ижевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил: «Преобразовать Ижевский завод в город «Ижевск»... с 1 января настоящего 1918 года...»

Новое пришлось налаживать с винтовкой в руке — дважды, в 1918 и 1919 годах, город занимали бело-гвардейцы. Первый раз застали вроде бы врасплох. Но колчаковцы так и не воспользовались ни арсеналом, ни заводами: оборудование было мо-

ИЖЖ!

**Алексей
НАГИБИН**

Фото автора

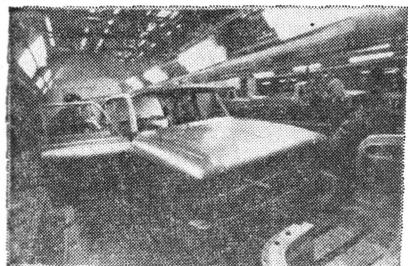
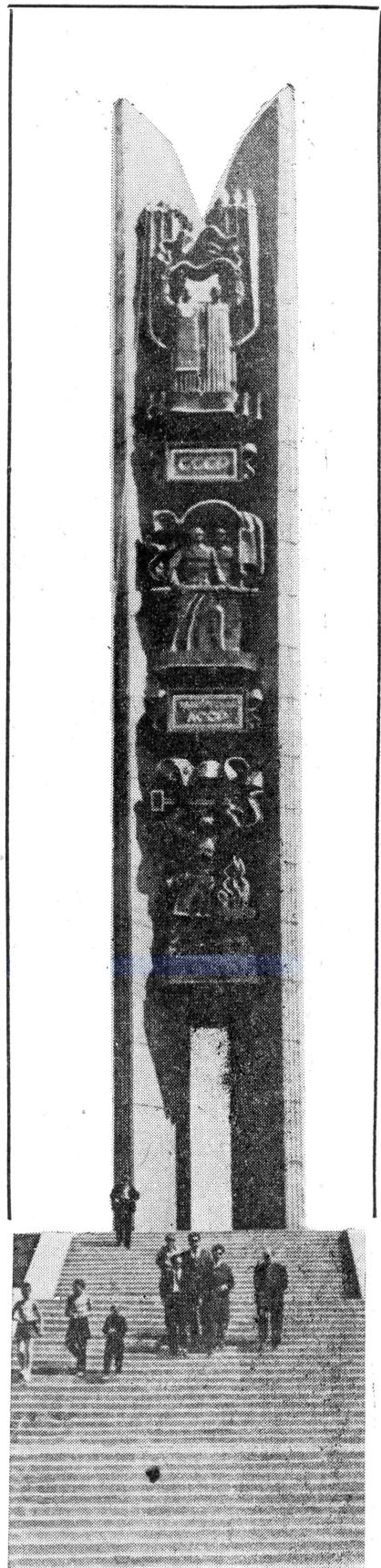
ментально демонтировано, вывезено буквально перед приходом врага. Зато, когда город стал вновь советским, завод заработал в считанные месяцы снова. Другая жизнь пришла в Удмуртию. Теперь это край развитого сельского хозяйства, богатейших разведанных кладовых подземных богатств, точного машиностроения.

Мировую славу Ижевску принесли охотничьи и спортивные ружья. Затем ее умножили знаменитые «ИЖи» — надежные мощные мотоциклы. Последние годы репутацию «ИЖа» с достоинством несут легковые машины типа «Москвич». Ижевчане и здесь сказали свое слово: их машины теперь отличаются элегантным внешним видом, универсальностью и надежностью.

Ижевск стоит на перекрестке дорог. И железнодорожных, и автомобильных, и воздушных. Еще вчера

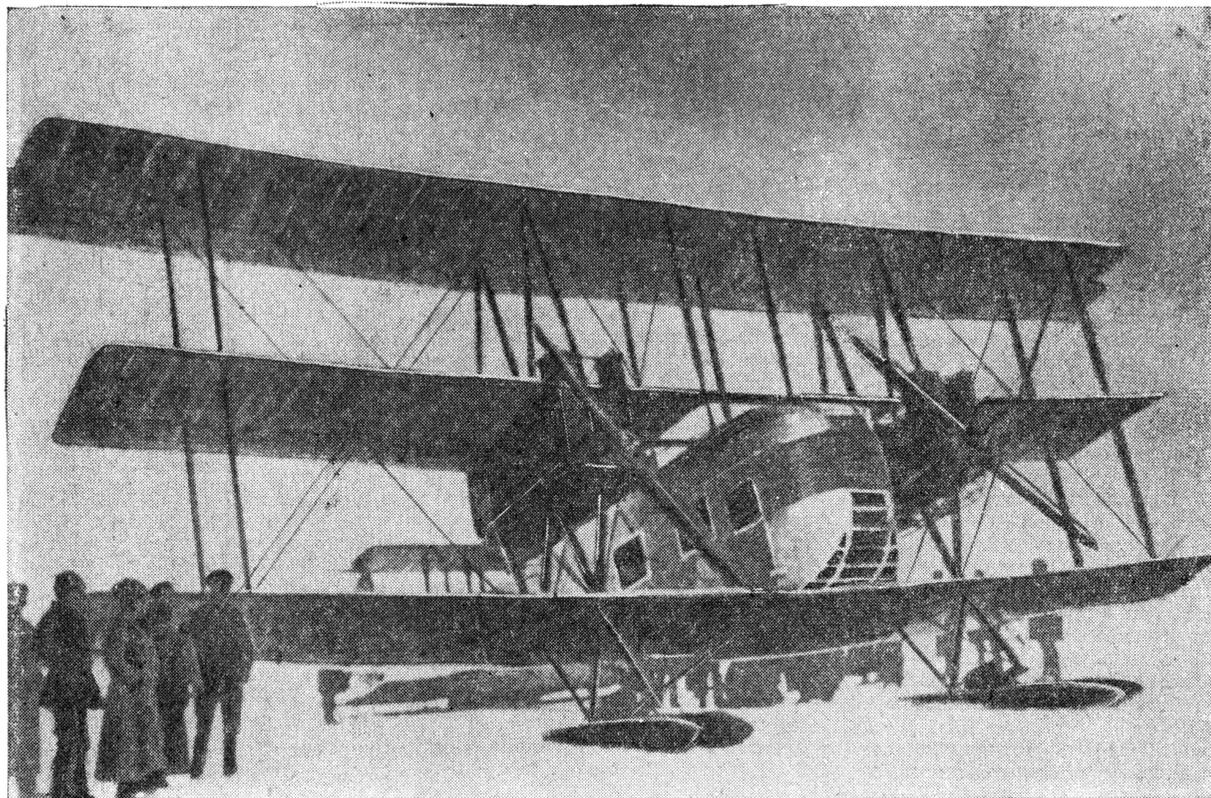
столицу Удмуртской АССР удовлетворял маленький аэропорт с самолетами Ан-2. Сегодня город получил порт, способный принимать самые современные самолеты. Иначе как же: только за девятую пятилетку город вырос более чем на сто тысяч человек. Ветераны узнают и не узнают свой город. Старые кварталы перестроены, а на вчерашних окраинах поднялись жилые массивы удобных многоэтажных зданий.

На с и м к а х: воздушные ворота Ижевска; таков ныне центр города; монумент дружбы удмуртского и русского народов; Виктор Богданов — лучший радиотехник Ижевского авиапредприятия; Вере Солодовниковой повезло — она стала одной из первых стюардесс Удмуртской АССР; мчащиеся мотоциклы — символ Ижевска; с конвейера сходит очередной «ИЖ-Комби».

ТРИПЛАН КОМТА

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Зеленый луг

Холмистая гряда дугой охватывает Сарапул, прижимая город к реке. Крутизна подступает к темной камской воде. Когда смотришь с обрыва на беспрестанно бегущую волну, кажется, что вместе с обрывом падаешь навстречу синему лесу, темному пихтовнику, красному сосняку. Вниз по течению — шестипролетный железнодорожный мост, и чуть ближе, между высокой насыпью и окраиной города, — просторный зеленоющий луг. Видно, как разбегаются по нему маленькие, двукрылые У-2, у моста они зависа-

ют в воздухе и, приподнявшись над горизонтом, кружатся. Переворачиваются в виражах с крыла на крыло, запрокидываются в мертвой петле. Там, на лугу, летное поле Сарапульского аэроклуба.

...Кружатся У-2, поддразнивают сарапульских мальчишек, замирают в восторге наши сердчишки: полетать бы так же.

На лугу собирается народ. Сегодня — воздушный праздник. Те, кто пораньше пришли, заняли скамеечки, опоздавшие разместились на траве. Луг большой — места всем хватит. Тихо, тепло, над лесом солнце сияет, едва вздрагивает черно-белый конус на мачте аэродромного доми-

ка... Пробираемся вперед, к веревочному барьеру, и ложимся на теплую землю.

Начинается запуск авиамоделей. Слышу, как один из завсегдатаев авиационных праздников рассказывает соседу о прошлогодней сенсации. Тогда фюзеляжная модель с бензиновым моторчиком, подхваченная воздушной струей, поднялась над лугом и улетела за железную дорогу. Нашли ее колхозники на пашне, в десяти километрах от Сарапула.

Я тоже мастерил эти хрупкие модельки. И сколько было радости, когда выпущенное из рук бумажно-деревянное сооружение, покачиваясь на прозрачных крыльях, летело вперед, шурша пропеллером.

...Словоохотливый зритель продолжал говорить. Я прислушался. Он рассказывал о каких-то очень больших самолетах, якобы стоявших вон в тех дощатых ангарах, где сейчас виднеются У-2.

Гул самолета, буксировавшего на фалах сразу три планера, возгласы зрителей заглушили слова рассказчика. Так и осталась краем уха услышанная авиационная история зеленого луга глубокой тайной...

Дороги к разгадке

Прошли годы. Судьба подарила мне прекрасную должность учителя. Однажды листал книгу, готовясь к уроку. На странице мелькнуло знакомое: Сарапул! А рядом что-то новое, емкое и непонятное: Комта...

Читаю: Комиссия по тяжелой авиации, сокращенно — «Комта», созданная правительством в годы революции, спроектировала, построила и испытала первый советский тяжелый самолет двухмоторный триплан Комта.

Далее: под наблюдением комиссии в январе 1920 года была организована первая в истории нашей авиации воздушная линия Сарапул — Екатеринбург (Свердловск), на которой летали четырехмоторные воздушные корабли «Илья Муромец».

И все.

Отпуск я решил провести в Сарапуле. Первым делом зашел в краеведческий музей. Старичок, научный сотрудник, развел руками: об авиации ничего не знает. Потом, как о чем-то незначительном заметил: да, в Сарапуле строили большой самолет Комта. Улыбнулся и, будто по секрету, сообщил: «Знаете, где его строили? В подвалах винокуренного завода!»

Комта в Сарапуле? Подвалы? Сплошные загадки.

Завод, который назвал сотрудник музея, стоит на краю луга.

Дорога из города на аэродром идет как раз

подле его высоких своеобразной архитектуры корпусов, сложенных из старинного кирпича вишневого цвета. В облике заводских зданий было что-то от средневекового замка, мрачного, неприступного, но и легкого, устремленного вверх.

Спрашиваю: есть ли в музее хоть что-нибудь о Комте? Ответ огорчает: ничего.

Встретился и с другим известным прикамским краеведом. Историей авиации он не занимался, но все же кое-что припомнил.

С 1919 по 1922 год в Сарапуле находилась авиационная часть Красной Армии — дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец». Видимо, между этим фактом и фактом строительства Комты есть прямая связь. И добавил: в здешних местах живет один из строителей Комты, но где — неизвестно. Конечно, он постарается что-нибудь узнать.

Дело было весной, а осенью получаю весточку от краеведа: юные следопыты 13-й школы города Сарапула, переписываясь с музеями, узнали адрес строителя Комты, отправили ему письмо и уже получили от него альбом с фотографиями.

Встреча в Чайковском

Из окна вагона вглядываюсь во тьму ночи. На белом снегу — темная зубчатая стена леса под чернеющим небом.

По закамским пихтовникам и ельникам поезд бежит к Сайгатке. Воткинская ГЭС, город Чайковский, станция Сайгатка — три названия одного и того же места на Каме, в полусотне километров севернее Сарапула.

Волнуюсь. Как-то пройдет наша встреча?

Я первым заметил его на перроне: Александр Владимирович Соловьев, опираясь на палку, чуть сутулый, в пальто с поднятым воротником стоял в обусловленном месте и напряженно пробегал взглядом пассажиров. Увидел меня, выпрямился. Крепко пожал руку. Первые, какие-то второстепенные слова, и уже ни следа официальности. Это меня ободрило.

Неторопливо шагаем полуночными улицами Чайковского. Александр Владимирович время от времени взмахивает палкой, указывая дорогу. Я всматриваюсь в его профиль и думаю: он из того поколения, перед деяниями которого мы преклоняемся. Его поколение свершило революцию, положило самый первый камень в фундамент нашей нынешней жизни. Славное время, славные люди...

Беседуем на ходу. В его голосе что-то заботливо-отеческое. Возможно, и у него мысли обо мне, моих сверстниках, как о поколении, которому он передает все, что сделал, собрал и сохранил.

нил за многие десятилетия жизни. И все это — и материальное, и духовное — прочно свяжет наши поколения, да еще будет питать живительными соками грядущие.

Щелкнул ключ в двери, и Александр Владимирович приглашает меня располагаться, как дома: «Сейчас и чайку согреем...»

Осматриваюсь. На многочисленных полках объемистые коробки, как узнал позже, с тысячами негативов, на столе — пишущая машинка, стопки тетрадей, портрет Юрия Гагарина.

Александр Владимирович достает папку с надписью «Комта».

Все это: и моя поездка в Чайковский, и эта встреча, и эта папка с чертежами, письмами, документами, фотографиями — похоже на волшебную сказку. Я перенесен к событиям более чем полувековой давности...

Александр Владимирович Соловьев родился в Михайловском Заводе, недалеко от Сарапула. Детство провел у реки. Как все босоногие камские мальчишки стаявал по колено в воде на теплой отмели с удочкой, с завистью поглядывая на красавцы-пароходы, проплывающие мимо. Конечно, мечтал стать речным капитаном, плавать на Волгу, на Оку, в Каспий. Далекие, неведомые страны! Как притягивают они к себе мальчишеские души...

А в десять лет он увидел чудо: в небе Сарапула летал человек! И «капитанская» мечта заколебалась. Знаменитый авиатор Васильев летом 1912 года демонстрировал сарапульцам искусство пилотирования самолетом.

Через восемь лет юноша Соловьев добровольцем уходит в Красную Армию, в дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец», чтобы стать пилотом, или, как тогда говорили, красвоенлетом.

Но судьба распорядилась несколько по-иному. В тот год дивизион готовился строить новый воздушный корабль, и молодой Соловьев становится конструктором.

Энтузиасты

В 1919 году зима рано пришла в Сарапул. В сентябре уже морозило, в октябре выпал глубокий снег. Улицы завалило сугробами, через которые не мог пробиться ни один автомобиль, пришлось воспользоваться крестьянскими дровнями.

В один из таких дней в большой комнате штаба дивизиона собрались инженеры, механики, штурманы, летчики — все, кто имел отношение к проектированию нового воздушного корабля. Поджидали прихода командира, только что вернувшегося из Москвы.

Шофер — жилистый, долговязый паренек

Миша Водопьянов — лихо исполнял роль кучера саней, на которых он и отправился за командиром. Поглядывали в окна: не распахнутся ли ворота, не появится ли возок? В это время присутствующим представили молодого человека в летной форме, который назвал себя фронтовым летчиком Алексеем Туманским. В свете керосиновой лампы, висевшей под потолком, было видно его бледное, худое лицо с большими внимательными глазами.

Тут уместно сказать несколько слов о самом дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», который был единственным в Советской республике соединением тяжелой авиации.

Четырехмоторный транспортно-пассажирский биплан с богатырским именем «Илья Муромец» построили к декабрю 1913 года на Русско-Балтийском вагонном заводе в Петрограде по проекту инженера И. И. Сикорского. «Илья Муромец» признавался самым крупным и самым совершенным самолетом своего времени.

В мировую войну его применяли как тяжелый бомбардировщик. После победы революции строительство «Муромцев» на Русско-Балтийском заводе прекратилось, а в наследство от старой армии Красная Армия получила их всего пятнадцать. Но и эти машины захватили немецкие войска, оккупировавшие Украину в 1918 году. Только одному летчику И. С. Башко удалось вырваться из немецкого плена, перелетев на «Муромце» в распоряжение красных войск. Советская республика осталась, по сути, без тяжелых самолетов. И тогда правительство принимает решение возродить в стране тяжелую авиацию. С этой целью и сформировали дивизион воздушных кораблей «Илья Муромец». Здесь сосредоточились все летные, инженерные и конструкторские кадры тяжелой авиации. В июле 1919 года дивизион передислоцировался из прифронтового Липецка в Сарапул.

В своих мастерских дивизион собирал «Муромцы» из деталей, изготовленных еще до революции в Петрограде и теперь доставленных в Сарапул. Сюда же приехали с Русско-Балтийского завода двадцать квалифицированных рабочих с семьями. Прибыли станки, оборудование, материалы.

Учебный отряд дивизиона готовил пилотов, штурманов, мотористов. Из них комплектовались экипажи на «Муромцы», отряды, сформированные здесь, обслуживали и первые в стране воздушные линии.

Аэродром находился, как мы уже знаем, на лугу, штаб, казармы, мастерские, различные службы занимали здания бездействовавшего винокуренного завода...

Шесть лет воевал «Муромец». У противника появились самолеты с большей скоростью, большей высотой полета и лучшей маневренностью.

Летчики и инженеры дивизиона задумались над усовершенствованием «Муромца». Но модернизация устаревшего самолета не решала проблемы обеспечения армии и народного хозяйства большегрузными самолетами. Требовались новые воздушные корабли. Но где их строить, когда страна в кольце империалистической блокады? Энтузиасты дивизиона решают сами спроектировать и построить новый самолет. Главвоздухофлот республики поддержал инициативу смельчаков. Создается комиссия, своеобразное конструкторское бюро. Она выполняет аэродинамические расчеты и делает несколько эскизных проектов нового самолета.

Над этим же работали ученые и конструкторы Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ). Главвоздухофлот предложил комиссии дивизиона слиться с комиссией ЦАГИ для совместной работы. Кто-то из сотрудников дивизиона поедет в ЦАГИ? Сегодня должен был решиться этот вопрос.

Туманского собравшиеся не знали. Но к удивлению всех оказалось, что дивизион занимает давно обжитые им квартиры. Год назад авиационный разведывательный отряд под командованием Туманского превратил бездействующий завод в авиагородок, а луг — в аэродром. Туманский рассказал: на южном фронте он заболел тифом, в Сарапуле долечивался, но заболел вторично. Здесь он похоронил своего маленького сына. От тифа погибла и его жена, сарапульчанка. Сейчас он возвращается на фронт в свой отряд. Но прежде, пользуясь случаем, хочет познакомиться поближе с воздушным кораблем «Илья Муромец». Еще в мировую войну он был свидетелем боя «Муромца» одновременно с семью немецкими истребителями, три из которых сбил пулеметными и пушечными огнем. А в 1917 году сам Владимир Ильич Ленин расспрашивал Туманского о боевых качествах «Муромцев», но Туманский летал на легких самолетах и не мог дать исчерпывающего ответа.

Рассказ Туманского о встрече с вождем революции заинтересовал всех.

В самом конце 1917 года Туманского командировали с фронта в Смольный с письмом Ленину по проблемам авиации. Владимир Ильич подробно расспросил о состоянии фронтовой авиации и особенно интересовался боевыми качествами «Муромцев». Затем попросил дать оценку самолетам, построенным русскими инженерами на отечественных заводах. Выслушав похвалу Туманского большинству из машин, Ленин сказал: «Стало быть, мы умеем и можем сами строить хорошие самолеты».

...В комнате все оживились, заговорили, вспоминая и Петроград семнадцатого года, и Русско-Балтийский завод. Ведь здесь были и те, кто тогда формировал первые красные авиационные отряды, и те, кто строил первые «Му-

ромцы» на Русско-Балтийском заводе. Слова Ленина явились высокой оценкой как бы их личного прошлого труда и моральной поддержкой в смелом начинании.

У Комты — уральские крылья

В состав комиссии по тяжелой авиации, созданной при Научно-техническом отделе ВСНХ, от дивизиона вошли инженеры-механики В. Л. Александров, М. В. Носов, А. А. Бойков, летчик-инженер В. Л. Моисеенко. От ЦАГИ — Б. Н. Юрьев, В. П. Ветчинкин, В. А. Архангельский, А. Н. Черемухин, К. К. Баулин, А. Н. Туполев. Председателем назначили профессора Н. Е. Жуковского. Ответил помещение по Вознесенской, 21 (ныне — улица Радио).

В комиссии обсудили схему нового самолета. Были сторонники большого, как у «Муромца», размаха крыльев, достигавшего тридцати четырех метров. Но инженер В. Л. Моисеенко и многие другие сомневались в целесообразности таких размеров. И комиссия решила строить двухмоторный триплан с суммарной мощностью двигателей около 500 л. с., размахом крыльев 15 метров и длиной фюзеляжа 10 метров. Компактность схемы обещала много преимуществ.

Модель триплана испытали в аэродинамической трубе Московского высшего технического училища и получили положительные результаты.

Встал вопрос: где строить спроектированный самолет? И тут вспомнили о предложении В. Л. Александрова...

Еще в 1919 году для ремонта, а главным образом достройки «Муромцев», привезенных из Петрограда в Сарапул, потребовалась высококачественная авиационная древесина. До революции ее закупали в Америке. Называлась она «спрус». Запасы «спруса» иссякли.

Начальник технического бюро В. Л. Александров, человек смелый и напористый, решил опробовать уральскую сосну. Многие скептически улыбнулись: нужно дерево с прямым, как мачта, стволом, равномерными, параллельными слоями, гибкое и одновременно прочное. Есть ли такие в Прикамье?

«Найдем такую сосну! — заверил авиаторов сарапульский лесничий В. И. Соловьев¹. — Наш добрый уральский лес несколько не хуже американского».

И верно. Когда обследовали ближайшие уголья, провели специальную, «авиационную»,

¹ В 1928 году ВЦИК СССР за успехи в лесоводстве присвоил В. И. Соловьеву звание Героя Труда.

распиловку кряжей, их лабораторные анализы, убедились: качество уральской сосны выше американской. А запасы ее могут обеспечить сырьем целый авиационный завод. Неутомимый Александров составляет проект небольшого самолетостроительного завода в Сарапуле и отправляет его в Москву. Проект не остался забытым...

Авиаремонтные мастерские дивизиона преобразуют в Государственный авиационный завод № 14, а техническое бюро дивизиона становится техническим отделом завода.

12 января 1921 года из ЦАГИ на завод привезли первые листы проекта. В техотделе завода их превращали в рабочие чертежи для цехов. Началась дружная, слаженная, ритмичная работа конструкторов, инженеров, рабочих. Каждый понимал: здесь, в Сарапуле, строится первый из первых красных воздушных кораблей. Сколько их будет еще построено, и больших, и лучших, но этот навсегда останется первым.

Пятого марта состоялось официальное открытие завода. Второй этаж главного корпуса заняли механической и слесарный цехи, первый — столярный и сборочный.

Бесперебойную работу цехов обеспечивала «семерка» технического отдела. Его начальник, ученик профессора Н. Е. Жуковского, выпускник МВТУ, инженер-механик В. Л. Александров был человек широкообразованный. Высокого роста, худощавый, с пышным чубом, он любил пошутить, посмеяться, а когда надо — подбодрить человека, поддержать уверенность в успехе.

Инженеры-механики М. В. Носов и А. А. Бойков, тоже выпускники МВТУ, отличались вдумчивостью, ровным, спокойным характером. Авторитет их был непререкаем.

Старший техник-конструктор Свешников К. П., техник-конструктор Каперин М. И., конструктор Томилин и младший конструктор Соловьев А. В. (все сарапульцы) вычерчивали рабочие чертежи, проектировали отдельные детали, контролировали их изготовление.

Костяк рабочего коллектива составляли пиетеры, рабочие Русско-Балтийского завода: слесари — Богданов, Смирнов, Литков, столяры-сборщики — Белов, Филипов, Николаев, Шувалов, Матросов, Платонов, Соколов, Лебедев, Бегаулов.

В январе заготавливали деревянные шаблоны для нервюр крыльев. Сами нервюры выпиливали из фанеры. В механическом цехе вытачивали стальные детали кораблю.

Из Москвы привезли полотно для обтяжки каркасов, эмалит, которым покрывали полотно, краски, лаки, прочие материалы. Стекло и многое другое брали из запасов для «Муромцев».

В марте прибыла вторая партия чертежей проекта. А. В. Соловьев изготовил модель триплана в одну пятидесятую натуральной величи-

ны, и ее поставили в конструкторском отделе на видном месте.

Работы шли полным ходом.

Взлет

В Сарапул пришла весна, ранняя, сухая и жаркая. Уже в начале апреля с грохотом, треском, шипением взломало на Каме лед, и поплыл он по течению сизыми островами, громясь и рушась на предместных быках-ледо-резах.

Но не радовала весна людей: в сильные морозы погибли озимые, а теперь суховеи и зной губили яровые посевы. Не поднимались и овощи. Война начисто выгребла из закромов все хлебные запасы. Голод вползал в каждую хату.

Дом, в котором квартировала семья Соловьевых, стоял рядом с базарной площадью, некогда шумной и многолюдной. А нынче она пустовала. Саша Соловьев иногда пробегал по торговым рядам, заглядывал в лабазы. Спекулянты-перекупщики просили за фунт муки двести двадцать тысяч рублей, за фунт масла — десять тысяч. Торговали лаптями по восемьсот рублей за пару. За миллион можно было купить поношенные яловые сапоги и... коробок спичек.

...В понедельник он раньше обычного появился на заводе и сразу же прошел в столярный цех, где выстругивали и сколачивали межкрыльевые стойки. Сегодня должны были быть готовы все двадцать четыре штуки. Но Сашу поразила необычная для столярок тишина. Лишь в самом дальнем углу Бегаулов, длинный и худощавый, вяло постукивал киянкой, да невдалеке, взгромоздившись на верстак, маленький, коренастый Белов выравнивал железку рубанка. Остальные сидели на куче стружек и о чем-то беседовали.

— Саша, — сказал Белов, и его щетинистые усы вздернулись, — ты ведь закамский. Какие деревни там побогаче? Вот мы думаем послать туда ходоков, может, выменяем хлеб на вещишки. У меня, к примеру, «Павел Буре» еще целы. — И Белов достал из внутреннего кармана своей неизменной куртки часы с черной крышкой. — От картошки без соли и хлеба нутро выворачивает.

На другой день в цехах было полупусто: рабочие уехали в деревни доставать продовольствие. В это время из Москвы вернулся М. В. Носов, рассказал: «В Главке не очень-то верят в успех...»

Но работы не прерывались. В апреле собрали первый элерон крыла, в мае — шасси, в июле — фюзеляж. Тут чуточку оплошали. Двери цеха оказались уже фюзеляжа. Пришлось сле-

лать пролом в стене. Потом его заделали, но кирпичом другого цвета.

Третьего августа праздновали День русской авиации. Устроили торжественный вечер. Всех угостили кофе с плюшкой. Правда, кофе был желудевый с ячменем, а плюшки из черной муки, но это никого не огорчило. Вечер прошел хорошо. Забылись невзгоды, на душе стало легче, радостнее.

Двадцать восьмого сентября самолет полностью собрали. Горделивым, серебристым красавцем стоял он в ангаре. Комиссия решила испытать его в Москве. В октябре эшелон с Комтой прибыл на Ходынку. Здесь триплан вновь собрали, отрегулировали, и командир дивизиона летчик В. М. Ремезюк, затем член комиссии А. М. Черемухин выполнили руление и первые пробежки, а прославленный герой гражданской войны летчик-краснознаменец А. И. Томашевский поднял Комту в воздух...

...Я аккуратно сложил все документы на место и захлопнул папку. Прошлое как бы возвратилось на свое место.

— Комта,— сказал А. Я. Соловьев,— была первой школой наших советских авиационных конструкторских кадров. Она положила начало опытному самолетостроению по проектам советских ученых и инженеров. Почти весь наш техотдел вошел потом в состав ЦАГИ.

Из дружной «семерки» ныне здравствуют двое: К. П. Свешников, почти полвека проработавший в конструкторском бюро А. Н. Туполева, и А. Я. Соловьев, летчик и конструктор дирижаблей.

Здание завода, где строилась Комта, прочно стоит поныне. Видна и заплатка пролома, через который выносили фюзеляж из цеха...

Я вглядывался в это красивое, своеобразной архитектуры сооружение. Мне хотелось видеть хотя бы надпись на мемориальной доске, напоминающую о славной странице истории советской авиации.

Это было бы нужное, справедливое свидетельство нашей памяти.

Золотые россыпи

Олег
ГОЛОВАЧЕВ

Золото, как писал Шекспир, способно «сделать все чернейшее белейшим, всякий грех — правдивостью, все низкое — высоким». Золото было первым металлом, который открыл человек. Археологи доподлинно установили, что африканки носили золотые украшения... 11 тысячелетий назад.

Сколько же желтого драгоценного металла добыто людьми за всю историю? Точной цифры, конечно, назвать нельзя — золото всегда было окутано тайной. Примерную цифру специалисты называют — 75 тысяч тонн! В наше время ежегодно добывается около одной тысячи тонн золота.

В течение многих веков Россия покупала золото за границей. Все цари сулили великие милости тому, кто сыщет благородный металл. Шли, однако, века, а золото в России не находилось.

И только весной 1745 года на речке Березовке близ Екатеринбурга (ныне Свердловска) крестьянин Ерофей Марков, разыскивая узорчатые камни — самоцветы,

обнаружил в шурфе крупинки золота. На золотую каторгу на Урал пригнали тысячи государственных крестьян. Рудники закладывались один за другим. И хотя руда оказалась богатой — 23 грамма на тонну породы, — уральское золото, открытое Марковым, не принесло богатства стране.

Россия стала золотой державой только после открытия, сделанного Львом Брусницыным. Здесь же, на Урале, на той же речке Березовке под Екатеринбургом он обнаружил россыпные месторождения — самые дешевые. Потом были открыты другие клондайки — в Сибири, на Алтае, в Казахстане, в Дальнем Востоке, в Америке и Австралии...

В издательстве «Знание» в серии «Наука о Земле» вышла книжка А. А. Локермана «Россыпные месторождения золота». Невелика она по объему, но любопытнейшей информации в ней — тоже россыпи. Автор умеет выгодно подать факт, увлечь читателя. История поисков золота, роль его в природе и обществе описаны обстоятельно, со знанием дела. Книга представляет и немалый научный интерес. Авторские концепции, анализ и обобщение геологических проблем отличаются новизной, но они и убедительны. Автор подчеркивает, что в изучении геологических закономерностей залегания россыпей, в разработке методов и техники их разработки ведущая роль принадлежит русским ученым.

ЧЕЛОВЕК ИЗ КНИГИ

**Виталий
ЧЕМЛЯКОВ**

«Боец Королев, коренастый, круглолицый, в прошлом работник пожарной охраны, человек работающий, особенно тяготился своим положением «босоногого», и он нашел выход.

— Товарищ командир, разрешите отлучиться на тридцать минут в лес! — обратился он к своему командиру отделения Грише Сарапулову.

Через полчаса Королев вернулся. Он устроился на пенке возле костра и начал работать. Из липовой коры надрал лыка, свил два оборника, вырезал из дерева колодку.

Уроженец Рязанской области, он хорошо владел этим хитрым искусством... Через час он уже примерил готовый лапоть».

Здесь я прерываю цитату из книги Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева «Сильные духом» для того, чтобы привести его автограф:

«Товарищу Королеву Петру Павловичу, одному из отважных партизан отряда. Прошу простить меня за то, что в книге сделал я вас уроженцем Рязанской губернии. Это потому, что не знал, откуда Вы родом.

Бывший командир и автор Д. Медведев.

21.01.1950 г. г. Москва».

И вот, много, много лет спустя, мне довелось встретиться с Королевым. Петр Павлович — человек с военной выправкой, подтянутый, словно бы неподвластный годам. Внешностью и выговором — типичный уралец. «Пощупанный немного», — говорит он, намекая на фронтовые раны.

Родился Королев в селе Накаряково Мишкинского района Башкирии. С детства пристрастился ко всякой крестьянской работе. Мог, при надобности, сплести липовые легкие лапти, благо, липы в их местности хватало.

С его-то легкой руки старинная русская обувь сослужила партизанам-медведевцам такую добрую службу.

Как же сложилась фронтовая судьба уральца?

Закончив пожарно-техническую школу в Свердловске, Королев выехал по направлению на Украину. Там его застала война. При переправе через реку Днепр, в августе сорок первого года, пулеметчик Ко-

ролев раненным попал в плен. Прошел пересыльные лагеря в Белой Церкви, Фастове, Ровно. Из Ровно бежал. Некоторое время скрывался у местных жителей.

В мае сорок третьего года в Сарненских лесах он вступил в отряд Героя Советского Союза Д. Н. Медведева. Выйдя к своим, он предъявил кандидатскую книжку члена ВКП(б), почти два года хранимую им в плену, нелегких скитаниях по оккупированной территории.

В отряде Королеву довелось сопровождать на «зеленый маяк» Грачева, под именем которого, как он позже узнал из книги своего командира, воевал легендарный разведчик Николай Кузнецов.

Тяжелое ранение на некоторое время вывело солдата из строя. Свой боевой путь Петр Королев продолжил в составе партизанской бригады «Сергей», которой командовал Герой Советского Союза Н. А. Прокопюк.

А последний бой партизан Королев провел в Чехословакии, на перевале Восточные Бескиды, в сентябре сорок четвертого года. Снова тяжелое ранение, госпиталь и возвращение на Родину.

О том последнем бое спустя годы напомнила Петру Павловичу надпись на книге «Борьба за Бескиды», присланной из Братиславы его бывшим однополчанином, а ныне писателем Михаилом Пителем.

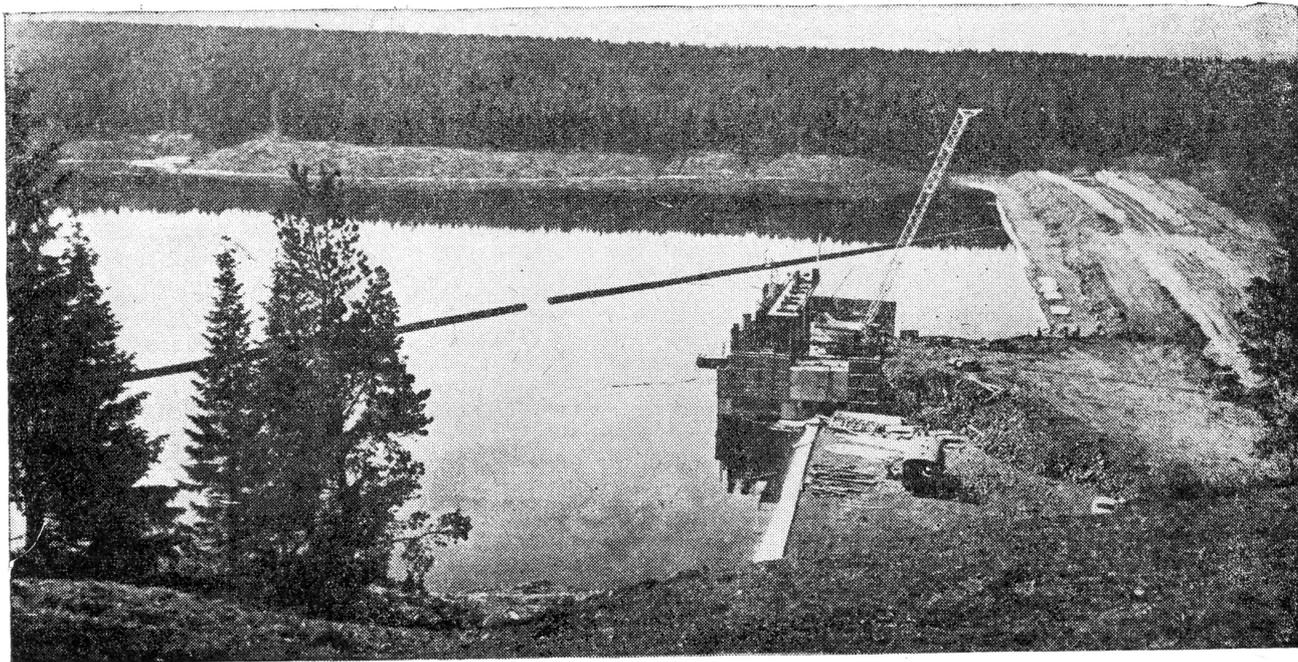
«По случаю 28-й годовщины освобождения Чехословакии героической Советской Армией — от всего сердца дарю боевому другу Петру Павловичу Королеву. Автор.»

После войны Королев до выхода на пенсию работал на Уфимском электроламповом заводе. Сейчас живет в башкирском городе Кумертау.

Петр Павлович имеет боевые партизанские награды Польши и ЧССР. Уралец — почетный гражданин чехословацкого села Гуменное.

На снимке: Петр Королев в 1945 году.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ВОДА

**Владимир
ДЕНИСОВ
Анатолий
УСОЛЬЦЕВ**

*Фото
О. Капорейко*

Даровой не бывает

Казалось бы, что может быть доступнее воды. Открой кран в квартире, опусти ведро в колодец, зачерпни из лесного родника — и пей, пей — холодную, вкусную, живительную. Сколько можешь! Не в жаркой пустыне живем, не в безводных песках, а на лесном Урале, где речек не счесть, где берега озер тянутся на десятки километров.

Это где-то там, в южных Сахарах, возят воду караванами, пьют маленькими глотками, боясь пролить каплю, ибо дорогой ценой оплачена. Пуще глаза берегут в оазисах колодцы и арыки, ведь они — жизнь. Мы же на Урале привыкли: вода — даром.

Но даром ли? И так ли много ее?

Назовем одну только цифру: 170 миллионов рублей. Именно столько стоит первая очередь недавно построенного водовода река Уфа — река Чусовая для снабжения Свердловского промышленного района. Не тысяч — миллионов. Не весь водовод — первая его очередь. Зачем же тратить бешеные деньги, если воды у нас и без того полно? Зачем строить водовод — открой кран в квартире, опусти ведро в колодец, зачерпни из лесного родника... Пей! Если, конечно, кран не пуст, если не ушла вода из колодца, если не пересох лесной родник.

Оказывается, воды и на Урале мало! Речки-то боль-

На фото: насыпная плотина, перегородив Уфу, образовала один из крупнейших на Урале искусственных водоемов.

шие и малые текут мимо городов. А край наш — в основном городской.

Возьмем шире.

На всей нашей планете пресной воды не так уж много. Велика гидросфера — водная оболочка Земли, ее океаны, моря, озера, реки, подземные воды — полтора миллиарда кубических километров влаги, но лишь около двух процентов ее годно для питья, а доступно и того меньше — три десятых процента. Мы пьем из этой же доли.

Но если бы воду только пили! Трудно назвать такую отрасль промышленности, которая могла бы обойтись без воды. Она — и теплоноситель, и энергоноситель, и технологический компонент для варки, растворения, разбавления, кристаллизации, и передатчик давления, и рабочее тело в паровых машинах... Промышленность, как и человек, нередко требует только чистой воды, особенно такие новейшие отрасли, как производство полупроводников, атомная техника.

А на Урале — заводы всевозможных профилей. А на Урале — металлургия, которой воды надо неимоверно много. Один только Нижнетагильский металлургический комбинат потребляет ее тысячи кубометров ежесуточно. А всему городу Свердловску в сутки нужно почти 700 тысяч кубометров.

Казалось бы, так ли уж много воды требуется одному городскому жителю. Летом, в жару — ну, десяток стаканов в день. Зимой — вроде бы и вовсе пить не хочется. Так вот: по нормам водопотребления горожанину, живущему в доме с водопроводом, канализацией и системой централизованного горячего водоснабжения, планируется до 400 литров в сутки — пить, варить обед, мыться и т. д. Причем планируется не вообще вода, а, главным образом, очищенная в соответствии со строжайшими требованиями государственного стандарта.

Знаете, сколько это стоит? Гектар освоенной городской земли с проложенной в ней коммуникацией обходится в 100—150 тысяч рублей.

Язык не повернется говорить о даровой воде. Такой теперь нет.

Как пить из озера

Свердловский промышленный район — это и сам Свердловск, а также Верхняя Пышма, Среднеуральск, Березовский, Первоуральск, Ревда, Дегтярск, Полевской — пьют воду из Исети и Чусовой, на которых построена система водохранилищ. Города растут, население прибавляется, строятся новые заводы и фабрики — и воды надо все больше и больше. Главным полицам — Исети и Чусовой — потребовалась поддержка. Неплохо бы заполучить воды еще одной реки. И специалисты назвали Уфу.

Уфа течет к западу от Уральского хребта. С одной стороны, это хорошо, на западном склоне реки полноводнее. Весной и осенью Уфа собирает куда больше ручьев, чем, например, Исеть. С другой стороны, перед специалистами из Свердловского отделения института «Союзводоканалпроект» встала особая сложность: как перелить уфимскую воду через горы?

Вариантов было несколько. Вот один из них: на Уфе, выше города Нязепетровска, построить водохранилище, из которого насосными станциями качать воду в канал длиной 52 километра до реки Западной Чусовой. А дальше: вода должна по естественным руслам идти к действующим хранилищам.

Но Урал есть Урал. Авторитетная экспертиза, учитывая суровый климат нашего края, предложила вместо самотечного канала строить трубопровод. В 1972 году в Нязепетровске появились строители треста «Уралэнергострой», точнее, его нового, специально созданного управления «Водоканалстрой». Пуск первой очереди водовода сначала намечался на 1975 год.

Не спеша, неторопливо разворачивались строители.

А тут еще засуха последних трех лет. Обмелели реки, далеко от прежних берегов ушли озера. Пришлось вводить в уральских городах жесткий режим потребления воды, своего рода карточную систему на великий источник жизни.

Вот сводка Североуральской бассейновой инспекции, сводка поистине фронтальная: на 15 ноября 1975 года полезный запас воды в водохранилищах Исети и Чусовой составлял всего 15 миллионов кубометров из обычных 180 миллионов. Верх-Макаровское водохранилище было сработано полностью, Исетское озеро и Верх-Исетский пруд выбрали до уровня, ниже которого опускаться нельзя...

Пришла пора чрезвычайных мер.

Поскольку уфимская вода оставалась пока за горами, специалисты занялись ближайшими к Свердловской системе озерами — Таватум, Аятью, Иткулем. Надо было не только взять из них воду, но и оставить ее в таком количестве, чтобы озера не умерли.

Первой в Свердловск пошла таватуйская вода. Озеро убывало на глазах — мощные насосы гнали его по водоводу. Но хватило этой воды ненадолго. Можно сказать — на глоток...

Проблемой занялись Совет Министров СССР, Свердловский обком КПСС, облисполком. Было решено: к январю 1976 года построить 8-километровый водовод с насосной станцией для подачи воды из Аятского озера, к марту ввести в эксплуатацию 7-километровый водовод от озера Итуль.

На берегу Аяти застучали топоры, загудели мотопилы. Это рабочие объединения «Пышмалес» рубили трассу. Окрестности содрогнулись от мощных взрывов — специализированное управление «Гидроспецстрой» приступило к добыче щебня в прибрежном карьере. На трассе заметался свет фар мощных бульдозеров, ровняющих землю под трубы. На вершине увала, за которым укрылось Аятское озеро, рассыпались искры электросварки. Работы шли круглосуточно.

На трассе было что посмотреть. Скоро от озера на ближайший увал уходила уже готовая линия водовода. Огромные стальные трубы добротной сварены в сплошную плеть работниками «Уралэнергомонтажа». Самых монтажников мы нашли, пройдя добрый десяток пикетов. Здесь горели звезды под электродами сварщиков Николая Артюшина, Вениамина Файзулина, Николая Кабанина. А какие были темпы! Монтажники сначала даже растерялись от таких скоростей, привыкли, что их чаще сдерживают.

Понадобился всего месяц, чтобы завершить стройку. Восьмого января в насосной смонтировали оборудование. Вот заскочил в штаб стройки Геннадий Павлович Бельнич, старший прораб из треста «Уралэнергомонтаж». Кто-то пошутил: «Он, если не бог, то его заместитель по монтажу». Среди строителей, как видите, популярен роман Богомолова «В августе сорок четвертого».

После аятской стройки была итульская. И здесь срочно прокладывалась трасса, монтировался водовод, становилась насосная. И здесь работали лучшие из лучших — в частности, бригада Нуруллы Хафизова, Героя Социалистического Труда, почетного строителя цеха холодного проката ВИЗа.

Глоток аятской и итульской воды помогли Свердловскому промышленному району благополучно перезимовать. Пили из озер, как говорится, по-научному. Сохранили их. Главные же дела разворачивались в Нязепетровске.

Человек на гребне

Старожилы Нязепетровска шутят: «Наш город, как Рим, стоит на семи холмах!» Не берем судить, насколько уместно сравнение с «вечным городом», но холмов у нязепетровцев не отнимешь. Местность здесь очень живописная. На подходе к городу Уфу особенно тесно

сжимают горы. В створе двух вершин и решено было строить плотину.

Ее автором стал Николай Петрович Силантьев, работник Свердловского филиала института «Союзводоканалпроект».

Вспоминается март 1976 года. Плотина уже лежала поперек ущелья. В котловане бетонировалось ее основание — плотинный зуб. Теперь сложное гидротехническое сооружение четко обозначило контуры и продолжало расти. Ежеминутно на плотину тяжело взбирались большегрузные КРАЗы, БелАЗы, «Магirusы». Они сыпали камень, песчано-гравийную смесь, суглинок, а 250-сильный электродизельный бульдозер, управляемый Альбертом Чернышевым, казалось, почти без усилий разравнивал грунт. Затем груженный БелАЗ несколько раз проезжал по этому месту, укатывая его.

На гребне часто появлялся невысокий человек. И хотя здесь все насквозь продувалось холодным мартовским ветром, человек часами не уходил с плотины. Это был начальник гидротехнического отдела Свердловского отделения института «Союзводоканалпроект», автор проекта Николай Петрович Силантьев.

Здесь, на гребне, нас и познакомил с ним начальник строительства Николай Алексеевич Попов. Попова, как и Силантьева, заботило тогда одно: качество ядра плотины.

— Отлично укатывается, — сказал Силантьев, приоткнув каблук.

— Да, такой суглинок целовать надо! — энергично

поддержал его обычно спокойный Попов. — А сколько сомневающихся было!

Позднее мы поняли эти эмоции.

Плотина — сооружение сложнейшее. Она состоит из нескольких элементов. Но главным в любой плотине является водоудерживающий слой. Он обычно не очень широк, два-три метра, даже если плотина многометровой толщины. В земляных, каменно-гравийных и других насыпных плотинах воду удерживает ядро из суглинка. Весь остальной грунт лишь крепит ядро. Иногда роль суглинистого ядра выполняет шпунтовая стенка, препятствующая фильтрации воды. Но установка, а главное, изоляция шпунта — металлических пластин особого профиля — сложная, трудоемкая работа. Да и дорог шпунт, — ведь его готовят из дефицитнейшего металла.

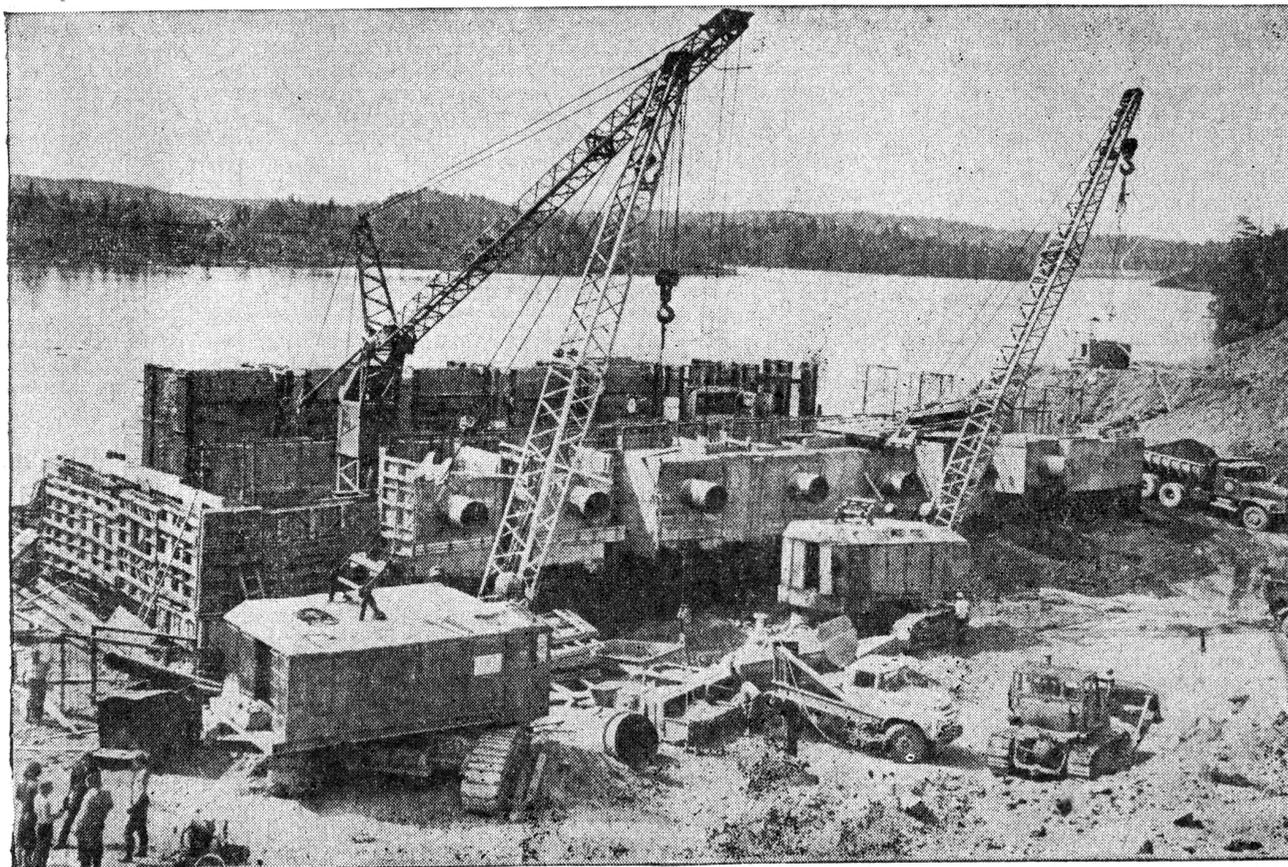
Вот из-за шпунта, а, вернее, против него и выдержал бой Николай Петрович Силантьев.

Нязепетровская плотина была спроектирована работниками Свердловского отделения «Союзводоканалпроект» с ядром из суглинка. Этот вариант ни у кого не вызывал сомнений до осени 1975 года. Но когда в ноябре стали приниматься чрезвычайные меры, когда перед строителями была поставлена задача: к 15 апреля 1976 года возвести на Уфе плотину, возник новый вариант — со шпунтовой стенкой.

Ведь построить плотину предстояло за небывало короткий срок — четыре с половиной зимних месяца. Опыта такого строительства на Урале не было, поэтому не было

Водозаборные сооружения. Отсюда мощные насосы гонят уфимскую воду через Уральский хребет к Свердловску.

и единого мнения. И среди проектантов, и среди строителей появились сомневающиеся. Невозможно, говорили они, построить зимой на Урале плотину с ядром из суглинка. Морозы не позволяют, суглинок не будет уплотняться, смерзнется, и весной плотина расплывется. Этого мнения придерживались даже ответственные работники министерства. Правительство пошло на дополнительные расходы: выделило для Нязепетровской плотины более двух тысяч тонн шпунта.

Силантьев твердо верил в первоначальный вариант. В ноябре он был в отпуске. Когда, вернувшись в институт, узнал про переделку проекта, удивился. Да ведь согласиться на шпунт — значит, сорвать правительственные сроки! Элементарные расчеты говорят о том, что такую плотину невозможно будет поставить к весеннему паводку. И Силантьев поехал в Москву.

Он убеждал руководство своего института, побывал в Минэнерго СССР, заручился поддержкой ученых из научно-исследовательского института «Водгео». Силантьев опровергал доводы оппонентов выверенными расчетами, разбивал эмоции строгостью и четкостью инженерной мысли. И победил. Появился документ, признающий первоначальный вариант вполне осуществимым.

И все-таки рассчитывать на бумаге — это одно, построить — иное. Как, в самом деле, поведет себя суглинок на морозе? Будет ли уплотняться? Устоит ли весной плотина? После, когда было заполнено водохранилище и плотина надежно держала пятнадцатиметровый столб воды, Силантьев сказал:

— Пока карьер с суглинком не вскрыли, я, скажу откровенно, очень переживал, да и другие тоже дрожали. А вдруг суглинок окажется плохой, например, влажнее, чем нужно. Тогда бы он моментально застывал и не уплотнялся. А весной плотину смыло бы. Но анализы наших изыскателей соответствовали действительности. Как они предсказали, так и получилось.

Нервы Силантьева испытывались не только тогда, когда с боем отстаивал он свой вариант или когда вскрывали карьер с суглинком, но и позднее. Плотина, как он выразился, «прекрасно работала», но по стройке вдруг поползли слухи, что сооружение вот-вот размоет, надо принимать срочные меры. Однажды разбудили ночью.

— Что-нибудь с плотинкой? — спросил Николай Петрович.

— Да. Грейфоны!

Специалисту это слово ничего не говорит, но Силантьеву-то было известно — это катастрофа. Грейфоны — явление, когда фультрующаяся сквозь плотину вода начинает бить мощной струей, как из пожарного рукава. Вместе с водой летит песок, глина, щебень, то есть плотину размывает вконец.

Николай Петрович молча оделся и ушел к Уфе. Походил, посмотрел — ничего нет.

— Где грейфоны? — спросил у «доброжелателя».

— А вон, — отвечает тот и показывает на небольшие струйки воды на двести метров ниже плотины.

То была естественная фильтрация, без которой плотина не может жить. Никаких грейфонов.

Силантьев почувствовал, как схватило сердце. Он пошел и лег, но боль целый день не отпускала. Врачи считают, что он перенес микроинфаркт. Нелегко человеку на гребне...

Верный Ивакин

Внешне он напоминает былинного богатыря — этакого Добрыню Никитича. Высокий, сильный, кулаки, что пудовые гири. Кажется, подведи ему коня, дай в руку булаву — и не будет пощады врагам...

А он улыбается широко, открыто, не отводя в сторону глаз. Он садится не на коня, а в свою элегантную «Волгу», и многосильная машина послушна его широкому кре-

стьянским рукам. Да и профессия у него одна из самых мирных на земле.

Есть люди, которые все делают с душевной щедростью. Будь то работа, и будь отдых. Такая уж у них широкая натура. К племени этих людей относится и Николай Константинович Ивакин.

Он вятский. Деда и прадеды Ивакина пахали землю. Землей кормился его отец. Там, в деревне Новая, что затерялась в лесах Кировской области, прошел свою первую борозду и Николай. Но не суждено ему было стать земледельцем.

— Война... — говорит Николай Константинович, как-то враз посерьезнев, — это она все испортила. Нет теперь нашей деревни, а земли, что мы пахали, лесом затянуло...

Горьки эти воспоминания, как был горек хлеб, в который примешивала мать древесную кору. Она плакала втихомолку, а ребятишкам, что были мал мала меньше, все повторяла: «Потерпите, родные, вот побьет фашиста отец, вернется домой — тогда заживем!»

И отец вернулся. Только недолго жила радость в доме. Спустя год после победы скончался фронтовик от тяжелых отметин войны. Да и другим семьям не привалило счастья. Из всех мужиков в деревню вернулись лишь пятеро. Легко ли женщинам да детишкам малым было скудные вятские земли обрабатывать? Вот и разъехались из деревни люди, кто куда мог.

Тридцать лет минуло с тех времен. Сейчас Николай Константинович Ивакин — известный на Урале бригадир монтажников, энергостроитель. Когда надевает парадный костюм, на груди его горит высшая награда — орден Ленина, рядом — орден Трудового Красного Знамени, медали.

Понятие «верность профессии» вряд ли к кому более применимо, чем к Ивакину. Он работал на расширении Березниковской ТЭЦ, реконструкции Кизеловской ГРЭС, строил Серовскую, Яйвинскую, Верхнетагильскую, Среднеуральскую, Иреклинскую, Рефтинскую, Троицкую, Кармановскую тепловые электростанции. Приехав в декабре 1975 года на трассу Аятского водовода, мы, конечно же, встретили там Николая Константиновича с его орлами-монтажниками. А через три месяца — в Нязепетровске. Такая у монтажников кочевая жизнь.

Что движет этими людьми? Романтика? Стремление к большому заработку?

— Жена говорит, не нужны мне твои большие деньги, — отвечает Ивакин. — Когда, говорит, самого тебя каждый день буду видеть? Я сейчас ни в чем не нуждаюсь: квартира, мебель — все это есть. Был мотоцикл «Урал», сейчас купил «Волгу». По личному указанию министра за хорошую работу мне выделена. Так я на этой машине за три года всего тысячу километров наездил. Стоит в гараже, ржавеет, потому что постоянно живу в командировках. Как вы думаете, смог бы я из-за денег по разным городам мотаться? Нет, конечно! А вот не сидится на месте, все тянет в новые края.

Есть море на Уфе!

Десятого апреля 1976 года на нязепетровской стройке не было митинга. Никто не произносил торжественных речей и не гремела медь оркестра. Но событие в этот день произошло не рядовое. Первая шандора, уложенная в средний пролет водосливных сооружений, преградила дорогу Уфе. Началось заполнение Нязепетровского водохранилища — искусственного моря.

Утром с председателем паводковой комиссии, главным инженером треста «Уралэнергострой» Всеволодом Дмитриевичем Ефимовым мы поднялись на плотину. Здесь находился дежурный И. Г. Сердюк.

— Дежурство проходит нормально, все в порядке, — доложил он. — Расход воды — около пяти кубометров в секунду.

А на головной части водосброса кипит работа. Комплексная бригада А. Г. Шарафутдинова принимает бетон. Сварщики А. П. Кузьмина «вяжут» арматуру на передних быках сооружения. Невдалеке монтажники Н. К. Ивакина готовят металлические затворы.

После осмотра плотины и проверки готовности к началу затопления председатель паводковой комиссии дает распоряжение приступить к перекрытию Уфы.

И вот в 13 часов 45 минут машинист крана Федор Емушинцев поднимает первую шандору. Железобетонная балка медленно плывет в воздухе к среднему пролету водосливных сооружений. А там, наверху, ее уже ждут рабочие звена Романа Хамадзянова. Сам звеньевой, в оранжевой каске, перетянутый монтажным поясом, стоя на левом быке, жестами подает команды.

— Майна!

Шандора по направляющим спускается вниз. Ровно идет, без толчков. Ведь конструкции монтировали ивакинцы! Вот шандора коснулась kloкочущей воды, вот замерла, достигнув основания.

А Уфа не желает покоряться. Ее потоки перехлестывают через шандору. И только вторая балка успокаивает реку. Хранилище начинает наполняться... Вот уже совсем немного уровень воды не достает до размешистой надписи на быке: «Даешь!»

В такой момент трудно оставаться спокойным. Рабочие со всего участка собрались у плотины, на обрывистых берегах Уфы. Двое из бригады Ивакина, как кулики на кочке, стоят на крохотном островке. Кругом вода, но разве это беда? Это праздник — их, личный.

Не опоздали строители, удержали весеннее половодье. 70 миллионов кубометров воды плещется в новом водо-

хранилище. Победили солдатская стойкость Силантьева, преданность делу Ивакина и сотен их товарищей.

Через три с половиной месяца вода Уфы, преодолев горы по новому 36-километровому водоводу, пошла в Свердловск.

Итак, в короткие сроки создано уникальное гидротехническое сооружение, выполнено около 1,5 миллиона тыс. кубометров земляных работ, уложено и смонтировано 28 тыс. кубометров монолитного и сборного железобетона, построено четыре мощных насосных станции, уложено 18 километров труб большого диаметра. С пуском первой очереди этой системы город Свердловск стал ежемесячно получать дополнительно семь миллионов кубометров воды...

Беречь воду — беречь живое

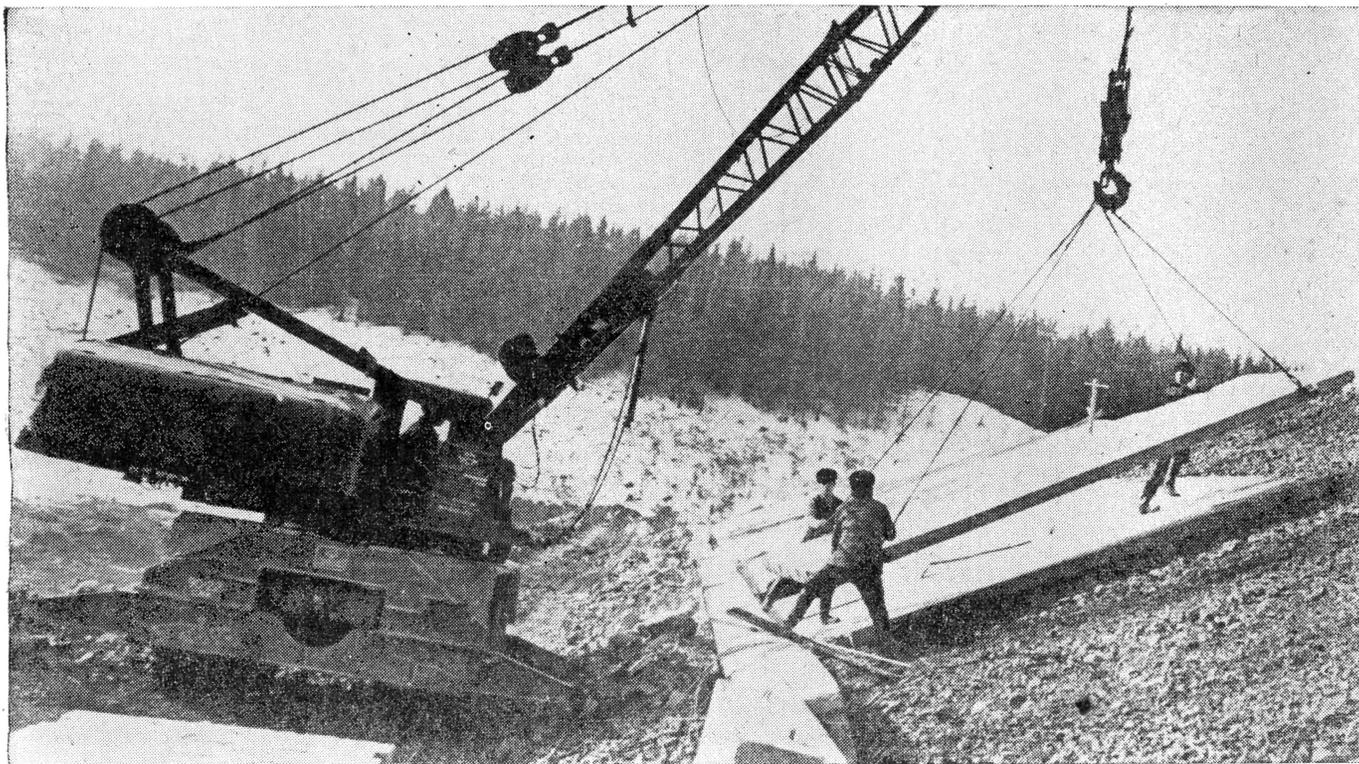
Сегодня в городах Свердловского промышленного района достаточно воды. Ее хватает и людям, и заводам.

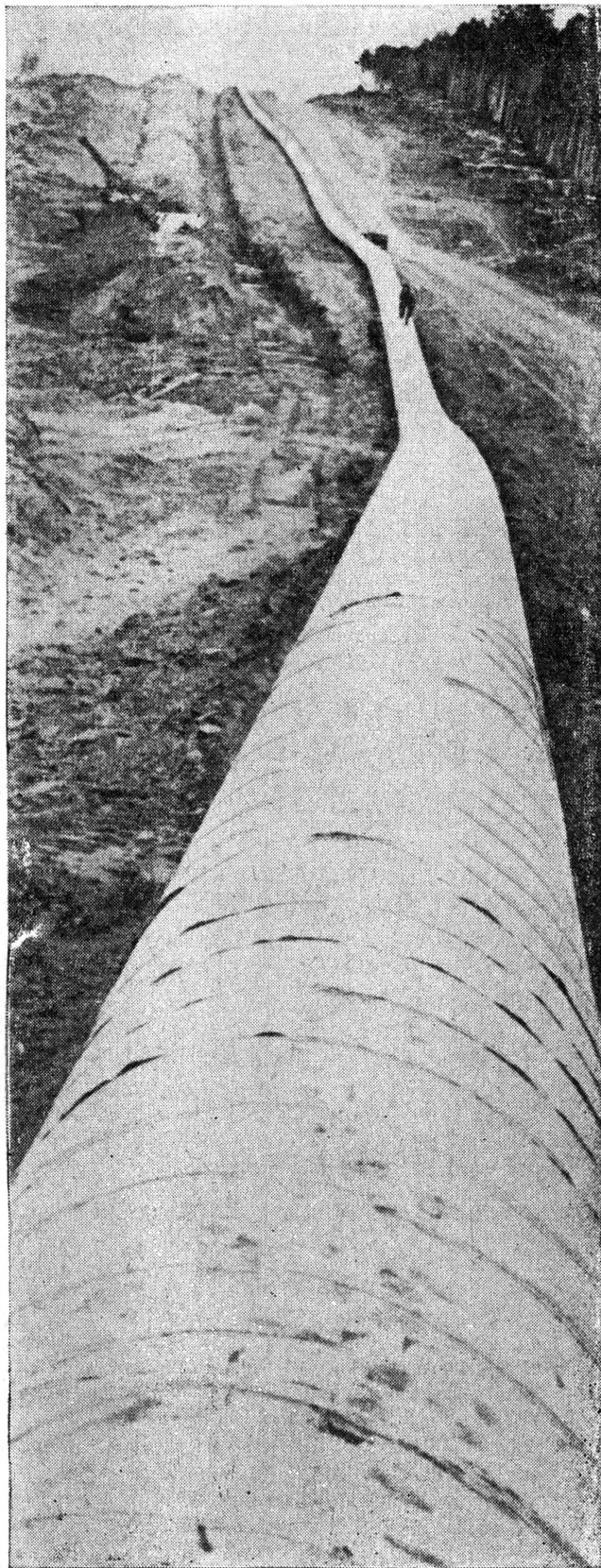
Сегодня хватает. А завтра? Уральская индустрия продолжает развиваться. Неужели завтра снова придет водный голод?

Нет. Уже сегодня разрабатываются проекты обеспечения водой уральских городов вплоть до 2000 года.

Монтажники укладывают железобетонные плиты в откосы плотины, где плещутся сейчас волны Нязепетровского водохранилища.

Сейчас построена одна нитка водовода от Нязепетровского водохранилища до Чусовой. И сразу же сооружается вторая. Она должна быть сдана в эксплуатацию в 1978 году. Свердловский промышленный район будет обеспечен водой на уровне потребностей 1980 года.

Но это далеко не все. Чтобы обеспечить Свердловск на уровне потребления 1995 года, намечается построить в 30 километрах ниже Нязепетровска еще одно водохранилище — Верхне-Араслановское. Отсюда вода будет перекачиваться в Нязепетровское хранилище, а к реке Чусовой протянется еще одна, третья, нитка водовода. Мощность системы достигнет девяти кубометров в секунду.

Таковы ближайшие планы. А дальше... Уже прорабатываются возможные варианты обеспечения Свердловска водой на рубеже третьего тысячелетия.

Если взглянуть на карту Урала, то мы увидим, что большинство северных чистых полноводных рек течет на юго-восток. Это и Тавда со своими притоками — Пельимом, Лозьвой, Сосьвой, Лобвой и Тура с Тагилом, Нейвой, Ницей, Пышмой. Они вместе с Исетью впадают в Тобол, а дальше через Иртыш вливаются в Обь. То есть вода уходит с Урала туда, где ее и без того избыток.

Один из вариантов предлагает северные уральские реки повернуть на юг, пустить вместе с водой проектируемого Обь-Каспийского канала через Свердловскую и Челябинскую области в оренбургские степи, в Северный Казахстан. Для этого нужно построить гигантский комплекс водохранилищ, водоводов и каналов. Это потребует огромных капитальных вложений. Но и выигрыш будет колоссальный. Промышленные центры Среднего и Южного Урала не будут испытывать водного голода, новый мощный толчок к развитию получит сельское хозяйство. Ведь земли станут орошаемыми.

Но, увлекшись дальней перспективой, мы забыли еще об одном, очень и очень важном источнике водоснабжения. Он прост и от большинства людей не требует никаких затрат. Нужно всего-навсего беречь воду.

Задумайтесь: из медленно капающего крана в месяц вытекает до 400 литров воды. А в одном лишь Свердловске кранов — миллионы.

Всеобщая расточительность поразительна. Хозяйка, купив молоко, ставит бутылки под струю воды. Полчаса, как льется драгоценная влага... Владелец «Жигулей» моет машину из шланга — тысячи литров воды ручьями бегут в канализацию.

Бережное отношение к воде нужно и в квартире, и на заводе. Ведь сегодня из Свердловска «убегает» воды почти столько же, сколько течет в город. А если построить водооборотную систему? Одна из проблем экономии как раз состоит в том, чтобы утилизировать воду, использовать ее многократно. Именно с таким расчетом построен цех холодного проката ВИЗа: отработанная вода снова и снова возвращается к «месту старта».

А если то же сделать в жилых домах? Ведь вовсе не обязательно мыть полы чистой питьевой водой. И стирать ею, и поливать машину — тоже расточительство.

К сожалению, сегодня нет дельных проектов утилизации воды в быту. Потому нет, что еще никто этим всерьез не занимался. Разве можно мириться с такой конструкцией крана, когда даже при умывании десятки литров воды пропадают впустую?

«Живой организм есть одушевленная вода», — сказал французский биолог Дюбуа-Реймон.

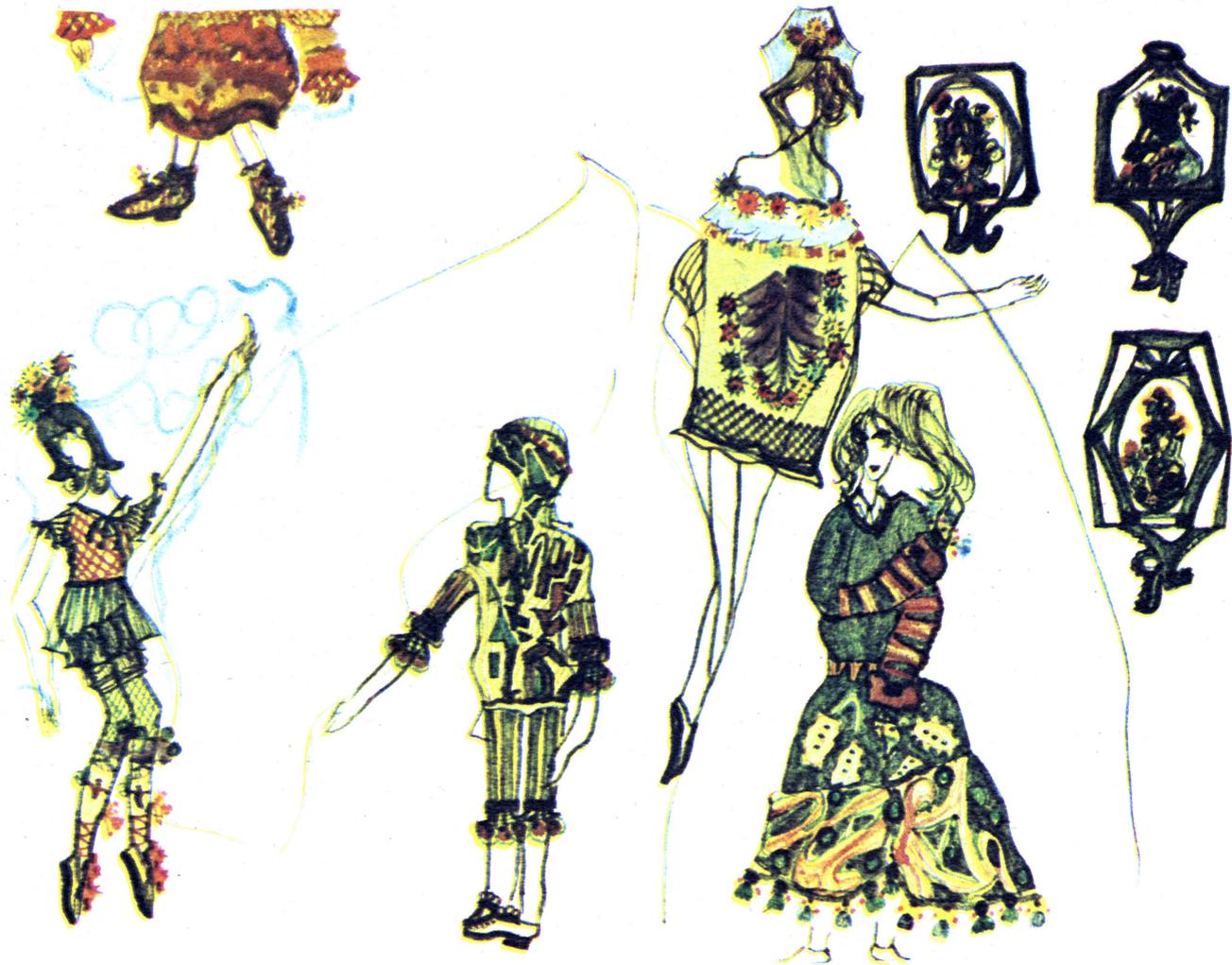
Беречь воду — это значит беречь все живое на земле.

Круто в гору взбирается стальная нитка водовода — рикотворного русла, соединившего Уфу и Чусовую.

Фото Ю. Теуша и В. Швеймера (г. Челябинск)

Пером жар-птицы...

«Я долго наблюдал за рисованием Ады Каплун и много раз в скверные мои дни искал и находил подмогу в рисунках этой девочки...» Так сказал художник Юрий Кононенко, когда его попросили оценить рисунки школьницы из новосибирского Академгородка. В этих искренних словах нет ни капли сиропа, показного любования работами юного таланта. Юрий Кононенко впервые увидел рисунки Ады, когда ей было пять лет. Теперь она уже пятиклассница, а он уехал жить в Москву, но расстояние не гасит дружбу этих людей. Юрий Кононенко налетает из столицы в Академгородок посмотреть новые рисунки Ады, которые расцвели и засыпали квартиру, как разноцветные листья осени. Неуто-

мима девчоночьей рука: в ней то карандаш, то фломастер, то перо, то кисть. А что из этого выходит, вы, уважаемые читатели, и сами видите на наших репродукциях. Мне же было приметно такое, когда я просмотрел сотни Адиных работ, — она с особой страстью рисует фантастические, выдуманные платья, одежды. Ее — внучку украинской цыганки — манит декоративность, внешняя отделка мира... Впрочем, не станем привлекать искусствоведческий анализ, чтобы попытаться объяснить особенности творчества этой девочки. Лучше послушаем еще одного художника — это секретарь Союза художников СССР Борис Михайлович Неменский:

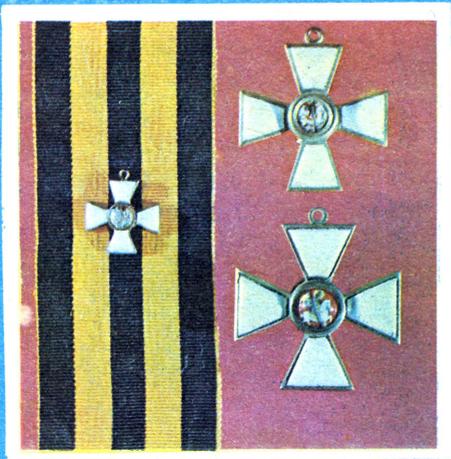
— Несколько лет назад мне по-

казали рисунки Ады. С радостью и тревогой глядел я на эти работы. Судьба одаренного ребенка всегда тревожна. Нередко юные таланты не становятся мастерами. Сколько талантливых детей надорвалось духовно, не осилив крутого перевала от детского к взрослому творчеству. И мне хочется пожелать чудесной девочке Аде одолеть этот долгий, овражистый путь и не потерять радости творчества.

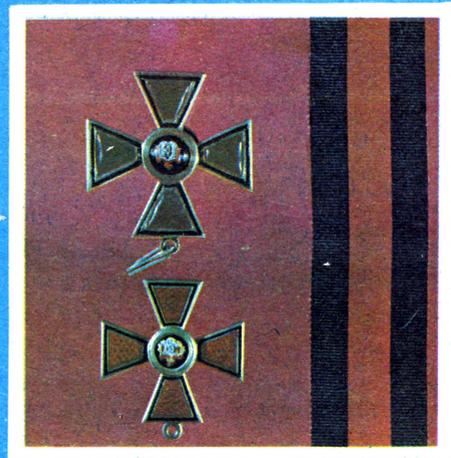
Добавлю от себя и я два слова: пусть перо в руке Ады будет светящимся, как перо жар-птицы!

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

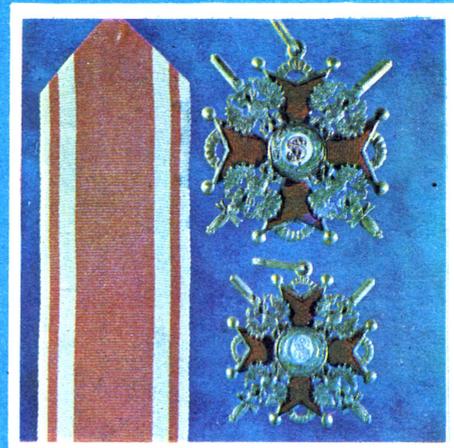
1.

2.

3.

4.

5.

Льва Николаевича Толстого в «Анне Карениной» есть такой диалог Сержи Каренина и его гувернера:

«— Нет, вы мне скажите, Василий Лукич, — спросил он вдруг, уже сидя за рабочим столом и держа в руках книгу, — что больше Александра Невского?»

Василий Лукич отвечал, что больше Александра Невского есть Владимир.

— А выше?

— А выше всего Андрей Первозванный.

— А выше еще Андрея?

— Я не знаю.

— Как, и вы не знаете? — и Сергея, облокотившись на руки, углубился в размышления.

Василий Лукич сказал все верно. А вот среди нас вряд ли найдется много людей, которые смогли бы удовлетворить любопытство Сержи Каренина. Отсюда — досадные ошибки в книгах, описывающих людей и события прошлого и позапрошлого веков, отсюда порою смехотворные ляпсусы в исторических кинофильмах. Большой знаток эпохи декабристов пишет о том, что во время празднования 200-летия Семеновского полка в 1883 году царь обратил внимание на престарелого семеновца с «Бородинским крестом» и спросил:

— Кто это?

Ему ответили, что это декабрист Матвей Муравьев-Апостол. Но дело в том, что «Бородинского креста» не существовало. Был у многих участников Отечественной войны 1812 г. «Кульмский крест», который прусский король пожаловал всем участникам сражения возле селения Кульм в Чехии в 1813 году. Был крест «За службу на Кавказе» или «Маринский знак отличия беспорочный службы». Крестов было много, но «Бородинского» не существовало.

Другой писатель награждает солдат Георгиевскими крестами за взятие Карса в 1829 году, а Георгиевский появился только в 1913 году. До этого он назывался «знаком отличия Военного ордена» и на четыре степени был разделен в 1856 году.

Когда смотришь коллекции рус-

ских орденов и медалей, соприкасаешься с прошлым. Это наша история. Медаль за сражение при Полтаве, за сражение при Чесме, крест за взятие Очакова, медаль за взятие Парижа, за оборону Севастополя в 1854—1855 годах... За каждым из этих орденов и медалей стоит не только эпоха, но дела людей, их судьбы.

Первоначально слово «орден» имело совершенно иной смысл. Орден — это сословие, община, то есть круг людей, объединенных положением в обществе, образом жизни, убеждениями. Первый орден — военно-монашеское братство святого Иоанна Иерусалимского — был учрежден в Палестине в 1098 году. Знаком этого ордена был избран вырезанный из полотна и нашитый на одежду белый крест.

Впоследствии стали возникать разнообразные рыцарские ордена, или братства. Каждый из них имел свой статус, свои права, но обязательным условием для вступления в рыцарский орден было дворянское происхождение. Знаком отличия рыцарских орденов по-прежнему оставался крест. Это отличие постепенно видоизменялось, пока не приобрело смысл награды в виде знака установленной формы.

В России ордена были введены Петром Первым. 30 ноября 1698 года был учрежден первый русский орден — св. Андрея Первозванного. Вторым орденом, введенным Петром, стал женский, так и оставшийся единственным в царской России для прекрасного пола. Он назывался орденом Свободения (Освобождения).

Всего в царской России было восемь орденов, но четыре из них имели по четыре степени. Петр I намеревался учредить орден св. Александра Невского. Однако только после его смерти, в 1725 году, появился этот орден, он имел одну степень. В 1743 году был введен орден св. Анны, а в 1769 году — военный орден св. Георгия. Оба эти ордена имели четыре степени. Орден св. Владимира (четыре степени) был утвержден в 1782 году для награждения гражданских. С 1831 года российски-

ми стали польские ордена св. Станислава (до 1839 года он имел четыре степени, а затем — три) и орден Белого орла (одна степень). Награждали в те годы русских и польским орденом Военного креста (Виртути милитари). Эту награду имели очень многие русские воины. Только в 1831 году первую степень этого ордена получили 14 русских генералов, вторую степень — 188, третьей были награждены 1105 офицеров, четвертой — 5219, а орденов Виртути милитари пятой степени было роздано 100 000 нижним чинам русской армии. Но этот орден, как и учрежденный Павлом I орден св. Иоанна Иерусалимского, не вошел окончательно в состав русских орденов.

Как видим, ордена учреждались в честь святых. В дальнейшем в обиходе их не всегда называли полным именем, обходясь разговорной формой. (Вспомните чеховское — «Анна на шее» или «Получил «Владимира в петлицу» и т. д.)

В России возникали проекты учреждения новых орденов, некоторые из них даже существовали незначительное время на окраинах государства. Военный Екатерининский орден для офицеров должен был иметь две степени (большой и малый крест на красно-зеленой ленте), но Екатерина II не утвердила статуся. При Александре II готовился проект ордена Императорского дома — по образцу фамильных орденов некоторых царствующих домов Запада. При Николае II собирались учредить орден Николая для награждения артистов и художников, а также ордена Николая Чудотворца и Ольги. Но эти ордена так и не появились.

Еще в конце XVIII века планировалось учреждение ордена Заслуг для иноверцев. Затем вместо этого было решено на всех орденах, которыми награждались представители иной веры, заменять изображения святых российским гербом. Непродолжительное время существовали в России ордена Шамиля, которые он сам и раздавал, орден Благородной Бухары, крест св. Нины для Кавказа. Однако все они так и не стали императорскими орденами.

ЗНАКИ РУССКОЙ СЛАВЫ

**Александр
КУЗНЕЦОВ**

Оформление
С. Сухова

До 1826 года, до Николая I, получение любого из восьми русских орденов давало право потомственного дворянства. С 1855 года только первые степени орденов Анны и Станислава сохранили такую привилегию.

Каждый из восьми российских орденов имел свой статус, свои праздники, существовали даже специальные орденские одеяния. Праздники проводились в присвоенной этому ордену церкви, на них представляли новых кавалеров царю, который считался гротмейстером, или начальником, всех русских орденов. Одеяния кавалеров орденов Андрея, Александра, Екатерины и Анны были установлены Павлом I в 1797 году. В 1833 году Николай I учредил одеяние кавалерам ордена Георгия. Кавалерам орденов Владимира, Белого орла и Станислава одеяния не устанавливались.

При орденах существовали капитулы, или думы. Награждение орденами происходило в порядке их старшинства, за исключением орденов св. Георгия и св. Владимира. Высший российский орден — Андрея Первозванного — делал награжденного кавалером орденов Александра Невского, Белого орла и первых степеней Анны и Станислава. Стало быть, получив Андрея, можно было уже не носить кресты и звезды этих орденов, не надевать их ленты через плечо. Но звезды этих орденов в отдельных случаях носились. Существовал сложный порядок ношения орденов и их знаков в виде лент и звезд при мундире, фраке и на другой одежде. Порядок этот несколько раз менялся. Так что правильно нарядить персонажей исторических фильмов и романов дело непростое.

Как правило, низшие русские ордена добывались большим трудом и выдающимися ратными подвигами, в то время как самые высокие награды раздавались царями своим приближенным с необыкновенной легкостью. Георгия 4-й степени удостоивались офицеры за проявленные в боях героизм и отвагу или прослужившие в офицерском звании 25 лет и принимавшие участие в боях. На флоте этим орденом награждались офицеры, совершившие не менее 18 кампаний. Награждение орденом Георгия 4-й степени за выслугу лет и морские кампании было отменено в 1855 году. Георгия заменили орденом Владимира 4-й степени.

Таким образом, четвертая, низшая степень ордена являлась (далеко не всегда) итогом всей жизни русского офицера. Придворным ордена

давались иначе. Так, например, 6 декабря 1828 года, в день тезоименитства, Николай I пожаловал князю А. Н. Голицыну, графу П. А. Толстому и генерал-адъютанту Васильчикову алмазные знаки ордена Андрея Первозванного, графу Нессельроде — орден Андрея Первозванного, генерал-адъютантам Чернышеву и Бенкендорфу — Владимира 1-й степени.

Рассказывая о русских орденах, невозможно опустить еще одну важную сторону дела — не взглянуть на них, как на произведение ювелирного искусства. Делались ордена обычно кустарным и полукустарным способом ювелирами и художниками. Высшие ордена украшались бриллиантами и драгоценными камнями. Золотые кресты покрывались в XVIII веке цветным полированным стеклом, а позже — только финифтью. Изображения в центрах крестов гербов и вензелей, Александра Невского или Георгия Победоносца на конях, Анны или Екатерины также всегда выполнялись при помощи финифти, поэтому были очень яркими и красивыми. Двух одинаковых орденов не встретишь: все они отличаются не только размерами, но и оттенками цвета эмали, подстилкой, решеткой и, главное, живописным изображением. На одном ордене Александр Невский скачет вправо, на другом — влево. На одном ордене Анна изображена на фоне леса, на другом — на фоне египетских пирамид. Разнообразие нет границ. В статусах орденов сказано, что должно быть изображено, но не сказано, как, не оговорены мелкие подробности. Это давало свободу художникам, отступающим иной раз и от статуса.

В центре ордена Георгия, как говорится в статусе, «в красном поле изображен св. Георгий, вооруженный серебряными латами, в золотой епанче и с золотой диадемой на голове; Георгий на серебряном коне, на котором седло и вся сбруя золотые, поражает золотым копьем дракона». Но какова поза героя, как выглядит дракон, каков красный цвет поля — это уже дело художника. Размер кружочка в центре креста, где дается это изображение, колеблется между восемью и двенадцатью миллиметрами в диаметре. Значит, это — тончайшая миниатюра.

В XVIII веке, как и в первой трети XIX, русские ордена изготавливались золотых дел мастерами в Московской Оружейной палате. В 1831 году мастерская эта была упразднена и дело перешло в руки ювелиров Петербурга. Петр I установил для орденов издельное золото

84-й пробы. После 1831 года на ордене шло уже золото 72-й пробы. Имена ювелиров, изготавливающих орден, хорошо известны по клеймам или, как раньше говорили, — именникам. Орден делал даже знаменитый ювелир Фаберже. С сентября 1916 года все орденские знаки делались уже из бронзы.

Теперь о каждом ордене в отдельности. Мы уже говорили, что военный орден св. Георгия стоял особняком и жаловался на особых условиях. С него и начнем.

Орден святого великомученика и победоносца Георгия имел знак в виде золотого креста, покрытого с обеих сторон белой финифтью. На лицевой его стороне в центре изображен Георгий, поражающий копьем дракона, а на обратной — его вензель из двух букв «С» и «Г». По размерам крестов Георгия, так же как Владимира или Анны, трудно определить их степени, ибо установленных размеров не существовало.

Первая степень имела три знака: крест, звезду и ленту. Крест носился на широкой георгиевской ленте (три черных полосы и две желтых) через правое плечо. Золотая четырехугольная звезда имела в середине на золотом поле вензель св. Георгия и надпись «За службу и храбрость».

Вторая степень ордена имела большой крест, который носился на шее, и такую же звезду. Третья степень — малый крест на шее. Четвертая степень — малый крест в петлице (по статусу 1833 года).

Георгий был сугубо военным орденом, создан, как сказано в его статусе, «для награждения отличных военных подвигов и в поощрение в военном искусстве». Это была очень высокая награда. Недаром про нее сказано: «Сей орден никогда не снимать». Орден Георгия любой степени всегда давал права потомственного дворянства. По своей значимости он шел сразу за орденом Андрея Первозванного, хотя в ряд и не ставился.

За 147 лет существования Георгиевского ордена крест 1-й степени получили всего 24 человека, из них восемь иностранцев, преимущественно коронованные особы. Первым кавалером ордена 1-й степени за победу в 1770 году под Кагулом стал

П. А. Румянцев, Александр Васильевич Суворов вместе с 1-й степенью Георгия получил за победу над турками в 1789 году и титул графа Рымникокого. Великий полководец был кавалером трех степеней этого ордена.

За время Отечественной войны 1812 года ордена Георгия 1-й степени был удостоен только один человек — Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев, а за все время войн с Наполеоном (1805—1814 гг.) еще двое — Барклай-де-Толли и Беннигсен. За Бородинское 14 генералов были награждены Георгием 3-й степени. А такие прославленные генералы, как П. И. Багратион, М. И. Платов, М. А. Дохтуров, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов и другие получили Георгия 2-й степени. Эти ордена можно увидеть на их портретах в галерее героев 1812 года в Эрмитаже.

Во многих полках была традиция: после боя выбирать наиболее отличившихся солдат и офицеров для представления их к военному ордену и знаком его отличия (к солдатскому кресту, который потом стал называться Георгиевским крестом). Когда после Бородинского сражения в Семеновский полк прибыли награды, командир его попросил солдат проголосовать за наиболее достойных офицеров, и восемнадцатилетний Матвей Иванович Муравьев-Апостол, будущий декабрист, получил орден св. Георгия «по большинству голосов от нижних чинов седьмой роты полка». Этот крест и был ошибочно назван «Бородинским крестом».

Когда генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову в Вильно за изгнание врагов из пределов России был поднесен на серебряном блюде крест Георгия 1-й степени, царь Александр I сказал генералу Вильсону, непримиримому врагу Кутузова, что удостоивает фельдмаршала высшей военной награды неохотно и делает это «не за действительное отличие, а в угождение дворянству, нарушает статус ордена». Царь недолюбливал генерал-фельдмаршала.

Награждение орденами в царской России часто производилось не столько за заслуги перед Родиной и народом, сколько за заслуги перед царем. Замечательный русский полководец и дипломат Н. Н. Муравьев-Карский, неоднократно отстранявшийся Николаем I от дел за независимость и самостоятельность суждений, уже будучи генералом получил орден Георгия 4-й степени за взятие неприступной турецкой крепости Карс.

А любимец царя граф И. Ф. Паскевич за более легкую победу при взятии Эривана был удостоен второй степени того же ордена.

За всю историю России до первой мировой войны полных кавалеров ордена св. Георгия, то есть имеющих все четыре степени, было всего четверо — М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, И. И. Дибич и И. Ф. Паскевич. Имена М. И. Кутузова и М. Б. Барклай-де-Толли хорошо известны каждому. А кто такие Дибич и Паскевич, за что они удостоились столь высоких наград? Все очень просто: светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич в свое время командовал 1-й гвардейской дивизией, где бригады находились под началом великих князей — Николая и Михаила Павловичей. Когда Николай I стал царем, он продолжал называть Паскевича «отцом-командиром». В 1825 году Паскевич вдруг был назначен генерал-адъютантом и вызван для суда над декабристами. А потом он подавил польское восстание в 1831 году...

Приблизительно таковы же заслуги и Дибича. И. И. Дибич-Забалканский, граф и фельдмаршал, за Балканами в войне с турками дал всего одно сражение и взял одну крепость. Не это его так возвысило. Он тоже был придворным и имел звание генерал-адъютанта. Николай I взял его с собой на Лайбахский конгресс, и с этого времени ловкий Дибич стал неразлучным спутником царя, уверенно делая придворную, а заодно и военную карьеру. Он заслужил расположение Николая донесением об открытии заговора декабристов, принял меры к аресту важнейших из них. А потом он обещал царю подавить восстание в Польше одним ударом, но не успел, умер от холеры. Дело завершил Паскевич.

Местом собрания думы ордена с 1811 года стал Георгиевский зал Зимнего дворца, а с 1849 года имена георгиевских кавалеров начали писать на мраморных стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца. Их можно прочесть и теперь. Черно-желтые цвета георгиевской ленты стали в России символом военной доблести и славы. С 1869 года к ордену Георгия причислено золотое оружие, цвета ордена составляют также принадлежность самых различных знаков отличия, жалующих военным частям, — георгиевские знамена, георгиевские штандарты, георгиевские серебряные трубы и т. д. Медали

за военные подвиги также носились на георгиевской ленте.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что орден св. Георгия был редок. Почему же мы видим так много крестов на георгиевских лентах, скажем, на участниках 1-й империалистической войны? Крест на георгиевской ленте не означает обязательство ордена св. Георгия. Таких крестов было много — более тридцати. Были кресты «За взятие Очакова», «За взятие Измаила», «За победу над Прейши-Элау», «За взятие Базарджика» и много других, которые носились на георгиевской ленте. Но главное не в этом. В 1807 году был учрежден знак военного ордена — серебряный крест на георгиевской ленте. Им награждались нижние чины.

В Отечественную войну 1812 года знаком отличия военного ордена было отмечено 6783 человека. С 1856 года знаков отличия военного ордена стало четыре: 1-я и 2-я степень — золотые кресты, а 3-я и 4-я степень — серебряные. Столько же знаков было учреждено и для иноверцев, на крестах которых вместо святого изображался герб Российской империи — двуглавый орел. По новому уставу в 1913 году эта награда для солдат и унтер-офицеров стала называться Георгиевским крестом. Только первые степени их были уже не золотыми, а позолочеными.

К концу же мировой войны Георгиевские кресты стали изготавливаться из так называемого желтого и белого металла, а не из серебра. С обратной стороны их стояли буквы «Ж.М.» и «Б.М.».

Свои Георгиевские кресты успели выпустить Временное правительство. Они тоже были из желтого и белого металла, а первая степень отличалась от второй, третья от четвертой желтой и белой лавровой веточкой на ленте.

Учрежденная еще в 1878 году медаль «За храбрость» вместе со знаком военного ордена тоже стала именоваться георгиевской. Медаль также имела четыре степени и претерпела ту же метаморфозу, что и крест — от золота и серебра до желтого и белого металла. На медалях Временного правительства вместо профиля царя изображался св. Георгий, поражающий змея. В первую мировую войну (до 23 ноября 1916 года) солдатскими Георгиями было награждено 1366 человек, а Георгиевскими медалями — 1505 человек.

Георгиевские кресты носили на груди многие выдающиеся советские

военачальники. Легендарный герой гражданской войны В. И. Чапаев имел все четыре степени Георгия, а Маршал Советского Союза С. М. Буденный был полным Георгиевским кавалером, то есть был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя Георгиевскими медалями. Георгиевскими крестами была отмечена храбрость и боевая доблесть будущих Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, И. И. Рокоссовского и многих других генералов Советской Армии.

Высшей наградой в России был старейший из русских орденов — орден святого апостола Андрея Первозванного, учрежденный Петром I в 1698 году. Первым его кавалером стал сподвижник Петра генерал-адмирал Головин (1699 год), вторым — гетман Мазепа (1700 год), третьим — бранденбургский посланник Принцен (1701 год), четвертым — генерал-фельдмаршал граф Шереметьев (1701 год), пятым — саксонский канцлер граф Бейхлинг (1703 год) и, наконец, шестым — сам Петр (1703 год). Знаки ордена возложил на него первый кавалер Головин в походной церкви. Петр был награжден за взятие в устье Невы двух шведских военных кораблей, в котором он участвовал в качестве капитана Бомбардирской роты.

Это был орден царей и первых лиц в государстве. Русские самодержцы получали впоследствии голубую ленту через плечо вместе с престолом. Другие же кавалеры ордена не могли находиться на службе ниже, чем в третьем классе.

В России с 1772 года существовал «Табель о рангах» — закон, расписывающий чины по 14 классам. Каждый из классов имел чины военные (морские), гражданские (статские) и придворные. Первый класс — канцлер, генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал. Придворных званий у 1-го класса не было. Второго класса — действительный тайный советник, генералы от кавалерии, инфантерии и артиллерии (в XVIII веке и генерал-аншеф), адмирал и множество придворных чинов: обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-штальмейстер, обер-егермейстер, обер-шенк,

обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер. К чинам третьего класса относились тайные советники, генерал-лейтенанты, вице-адмиралы и придворные — гофмаршал, шталмейстер, гофмейстер. К последнему, 14-му классу принадлежали коллежский регистратор и прапорщик. Все дослужившиеся до первых восьми классов, «хотя и низкой породы были», становились потомственными дворянами. А восьмой класс это — коллежский ассессор, майор (до 1884 года) и капитан-лейтенант (тоже до 1884 года).

Знаки ордена Андрея Первозванного состояли из самого креста, звезды и ленты. Андреевский крест голубого цвета наложен у знака на двуглавого орла под тремя красными коронами. На кресте изображен распятый Андрей Первозванный. С другой стороны знака в середине орла хартия с девизом ордена: «За веру и верность». В определенных случаях крест носился не на ленте у бедра, как обычно, а на шее, на золотой цепи, состоящей из выполненных финифтью на золоте двуглавых орлов, гербов, андреевских крестов на фоне красного круга и других звеньев цепи в виде медальонов. Орден, как и звенья цепи, часто украшался бриллиантами. Недаром в уставе ордена было сказано: «...наследники обязаны при объявлении смерти кавалерской обратно отослать орденский знак к казначею ордена».

К знакам, жалующим за военные подвиги, присоединялись два накрест лежащих золотых меча.

Каждый год, 30 ноября, устраивался грандиозный праздник ордена с торжественным богослужением и обедом при дворе. Кавалеры съезжались в собор Андрея Первозванного, стоящий на Васильевском острове в Петербурге. Все они обряжались в длинную зеленую епанчу из бархата, подложенную белой тафтой и завязывающуюся серебряными шнурками и кистями. На левой стороне епанчи вышивалась серебром андреевская звезда. Под епанчей полагалось иметь супервест из белого глизета с золотым галуном, бахромой и нашитым на груди крестом. Особенно пышно выглядели шляпы кавалеров — они шились из черного бархата и украшались красным пером и голубым андреевским крестом.

Каждый русский орден занимался благотворительностью, орден Андрея Первозванного имел под своим попечительством петербургские и московские воспитательные дома, содержал их на свои средства.

Орден святой великомученицы Екатерины — дамский орден. Учрежден Петром I в 1714 году и назывался сначала орденом Свободения, или Освобождения, в память Прутского похода против турок (1711 год). Золотой крест из четырех лучей с каждой стороны, а в овальной сердцевине при помощи финифти изображена св. Екатерина с большим белым крестом в руках. На банте из красной ленты с серебряной каймой надпись: «За любовь и отечество». К знакам ордена относилась также восьмиконечная звезда, усыпанная камнями, где в центральном круге по красному фону написан девиз ордена, и красная лента с серебряной каймой, носимая через плечо. Орден имел две степени — большого креста и меньшего, или кавалерственного креста. Павел I украсил большой крест бриллиантами, а малый — алмазами.

Орденмейстером считалась царица, а диаконом — супруга наследника. Праздник ордена происходил в церкви Таврического дворца в Петербурге. Этот орден давался редко, гораздо реже, чем орден Андрея Первозванного. Петр I, например, пожаловал его только своей супруге.

Одной из достойнейших русских женщин, отмеченных знаками этого ордена, была княгиня Екатерина Романовна Дашкова — президент первой Российской Академии наук, очень рано проявившая свои поразительные способности к языкам и наукам.

Екатерина Дашкова много сил и все свое незаурядное дарование употребила на служение России, науке. Законченные незадолго до смерти свои записки она заключила следующими словами: «С честным сердцем и чистыми намерениями, мне пришлось вынести много бедствий; я сломилась бы под ними, если б моя совесть не была чиста... Теперь я гляжу без страха и беспокойства на приближающееся разрушение мое».

Статус ордена был утвержден Павлом I в 1797 году.

Орден имеет одну степень и три

знака: крест, звезду и ленту. Крест золотой, покрытый с обеих сторон красной эмалью. На кресте Александра дольше, чем на других орденских крестах, продержались красные полированные стекла, которые были заменены финифтью только после Отечественной войны 1812 года. Между сторонами креста располагались золотые двуглавы орлы под императорской короной и с распущенными крыльями, которыми соединялись между собой. В середине креста финифтяное изображение Александра Невского на белом коне в красно-синей одежде. Конь мог быть обращен в любую сторону. Обычно на этом изображении присутствует рука, благославляющая всадника из облаков. На другой стороне креста — латинский вензель под княжеской короной. К кресту за военные подвиги присоединялись два накрест лежащих меча, такие же мечи могли быть и у звезды. Звезда ордена серебряная, в центре по красному полю золотыми буквами написан орденский девиз: «За труды и отечество». Красная муаровая лента ордена носилась через левое плечо.

Кавалеры ордена Александра Невского отмечали свой праздник 30 августа в Александро-Невской лауре в Петербурге. Проходил он чрезвычайно пышно, с крестным ходом.

Капитулу ордена вменялось в обязанность призрение и попечение над всеми инвалидными домами и всеми училищами.

Орден Белого орла был первым орденом Польши, так же как у нас орден Андрея Первозванного. Установлен этот орден для Польши королем Августом II в 1705 году. Вернее — восстановлен, ибо такой орден существовал с 1325 года. В число русских орденов он был включен в 1831 году, и указом от 17 ноября поставлен по старшинству после ордена Александра Невского.

Русский орден Белого орла имел одну степень и знаками его были сам крест, снятая лента через левое плечо и звезда. Крест Белого орла несколько необычен для русских орденов по форме. Основой знака служил черный двуглавый орел с золотыми головами под красной короной, на него наложен финифтяной красный крест с двойными острыми

концами и поверх него еще белый одноглавый орел. Крест носился у правого бедра на синей муаровой ленте. Звезда золотая, восьмиконечная, в середине ее синий круг, а в центре круга — красно-белый крест. Кавалеры ордена Александра Невского носили орден Белого орла на шею и без звезды. Орден был высоким, занимал пятое место среди русских 20 орденских наград, имел одну степень и поэтому встречался не часто.

Одним из самых достойных кавалеров ордена был адмирал П. С. Нахимов. В сентябре 1854 года англичане и французы высадили в Крыму неподалеку от Евпатория огромный флот временам десант — 62 тысячи человек. Осада длилась 349 дней, и Севастополь был занят только после штурма 27 августа 1855 года. И хотя город был взят, оборона Севастополя стала одной из славных страниц истории России.

В газете «Московские ведомости» от 22 января 1855 года было напечатано такое сообщение:

«Начальнику 5-й Флотской дивизии Нашему Вице-Адмиралу Нахимову 1-у.

В воздаяние отлично - усердной службы вашей, достохвальной порядительности и мужественного хладнокровия, оказанных вами во время бомбардирования и осады г. Севастополя Англо-Французскими войсками и флотом, Всемилостивейше жалуем вас Кавалером Императорского и Царского ордена Нашего Белого орла, коего знаки при сем препровождаю, пребываем к вам Императорской и Царской милостью Нашею благосклонны. Николай».

Так это и писалось: «вашего» — с маленькой буквы, а «нашего» — с большой.

Орден святого равноапостольского князя Владимира был очень высокой наградой, недаром Владимир 1-й степени стоял по старшинству русских орденов сразу за Андреем, если не считать женского ордена Екатерины. Александр Васильевич Суворов, например, получил его за присоединение Крыма, событие по тому времени чрезвычайной важности.

Орден был учрежден Екатериной II 22 сентября 1782 года. На каждом кресте Владимира с обратной стороны его серебром по черному

фону написана эта дата. После смерти Екатерины II, ее сын Павел I, во всем противодействующий своей матери, предал этот орден забвению и никого им не награждал.

Крест ордена Владимира почти всегда был золотым, с обеих сторон покрыт он красной финифтью с черной, тоже финифтяной, каймой. На лицевой стороне креста на черном фоне круга изображение горностаевой мантии, на которой стоит вензель «С. В». Звезда у Владимира восьмиугольная. По красному кругу в центре звезды девиз ордена «Польза, честь и слава». В середине круга золотой крестик с буквами между его концами: «С.Р.К.В.» — святой равноапостольский князь Владимир.

Во время Восточной войны, за несколько недель до начала обороны Севастополя, в небольшом тогда поселении Петропавловске-на-Камчатке произошло сражение англо-французской эскадры с петропавловским гарнизоном и экипажами двух русских кораблей — фрегата «Аврора» и транспорта «Двина». Русские вышли победителями. В этом неравном бою у русских осталась всего одна целая пушка, которую наводил уже сам командир батареи лейтенант Александр Максудов. Все остальные орудия были повреждены, прислуга их перебита. Вскоре и Максудов падает с оторванной рукой. Вражеский десант высадился на берег, и сражение казалось уже проигранным. Но тут лейтенант Анкудинов, мичманы Михайлов и Фесун взяли неприятеля в штывки и опрокинули его в море — враги не выдержали «штывкового дела».

За отличие при отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт в августе 1854 года контр-адмирал Завойко был награжден орденом Георгия 3-й степени, а офицеры Анкудинов, Максудов, Михайлов и Фесун — орденом Владимира 4-й степени с бантом.

Орден святой Анны, пожалуй, самая распространенная награда. Он давался и за военные и за гражданские заслуги, имел четыре степени.

Учрежден орден был герцогом шлезвиг-гольштинским Карлом Фредериком в 1736 году в честь своей жены Анны Петровны, дочери Петра I. К российским орденам он был причислен в короткое царствование Петра III.

Орден Анны представляет из себя такой же равносторонний, как и у других орденов, крест, покрытый с обеих сторон красной финифтью. Пространство между сторонами креста заполнено ажурным орнаментом, в XVIII веке да и в начале XIX часто украшавшимся на знаках высших степеней бриллиантами. В середине лицевой стороны, в круге, изображалась св. Анна, а на обороте знака — латинский синего цвета ее вензель.

Знак 1-й степени носился, как и другие, у бедра на красной ленте с желтой каймой, лента надевалась через левое плечо. Кованая серебряная звезда, в середине которой вокруг красного креста латинский девиз, означающий в переводе на русский язык «Любящим правду, благочестие, верность». В отличие от всех других русских орденов, звезда св. Анны носилась не на левой, а на правой стороне груди.

Крест 2-й степени носился на шее. Крест 3-й степени — в петлице. Знак 4-й степени Анны был не в виде креста, а круглым. Красный финифтяной крест на золотом поле заключался в таком же красном круге, над которым располагалась золотая корона. Знак имел небольшие размеры и прикреплялся к верхней части рукоятки шпаги, сабли, палаша или кортика. В свое время такой знак любовно назывался «клюковкой». На оружии же, на котором был установлен такой знак, полагалась надпись: «За храбрость».

Через месяц после Бородинской битвы одному из ее участников — Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, возглавившему впоследствии восстание Южного общества декабристов, исполнилось шестнадцать лет. К этому времени он уже владел шпагой с надписью: «За храбрость», получил Анну 4-й степени и чин поручика. «Клюковка» была его первым боевым орденом. Закончил войну Сергей Муравьев-Апостол в чине капитана и при пяти орденах, в том числе — Владимира 4-й степени с бантом и Анны на шее. 13 июля 1826 года, перед казнью, эта шпага была сломана у него над головой, а мундир с орденами полетел в костер.

Орден св. Анны отличался еще от других орденов и тем, что он, так же как Георгий, имел свой знак отличия. Его выдавали только солдатам и унтер-офицерам. С 1797 года он был причислен к классу ордена Анны — стал как бы пятой степенью ордена. До 1864 года знаком отличия ордена Анны награждались солдаты и унтер-офицеры за 20 лет бес-

порочной службы. Затем эта награда стала выдаваться только за особые подвиги и заслуги по военной службе — наравне со знаком отличия военного ордена, ставшим впоследствии Георгиевским крестом. С 1888 года знаком отличия св. Анны стали награждаться еще и унтер-офицеры, беспорочно прослужившие десять лет на сверхсрочной службе.

Орден св. Станислава был самым низшим среди российских орденов. Впервые он был учрежден в Польше королем Станиславом-Августом Понятовским в 1765 году. В 1831 году, после присоединения Царства Польского к России, был причислен к русским орденам.

Знаки первой степени ордена Станислава состояли из креста, звезды и ленты. Крест первой степени был золотым, покрытым красной эмалью только с лицевой стороны. Остроконечные стороны креста заканчивались золотыми шариками и были соединены золотыми же полукружиями. Между сторонами креста располагались двуглавые орлы. В центральном круге — веночек из зеленых листьев. Звезда серебряная, восьмиугольная, в середине ее три концентрических круга. В большом кругу золотые листья, в среднем — на белом фоне золотыми буквами девиз ордена: «Награждай, поощряет».

Вторая степень имела такой же крест, только меньших размеров, который носился на шее. Третья степень — крест еще меньшей величины, носимый в петлице.

Станиславом 3-й степени награждались чиновники низших классов и даже домашние учителя, прослужившие не менее пятнадцати лет и имеющие классный чин. Не награждались этим орденом только православные духовные лица. Право награждения Станиславом (кроме 1-й степени) имели даже командующие армиями, тогда как все другие русские ордена жаловались только царем.

К Станиславу 3-й степени был представлен М. Ю. Лермонтов за проявленную храбрость при участии «в деле при Валерике». Правда, сначала генерал Галафеев представил его к ордену Владимира 4-й степени с бантом. Однако высокопоставленное начальство снизило эту награду до Станислава 3-й степени, а еще бо-

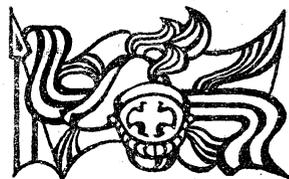
лее высокое начальство отменило и эту награду. Позже генерал-адъютант Павел Граббе пытался наградить поэта золотой полусаблей, но М. Ю. Лермонтов не получил и ее. Увы, опальные поэты, как свидетельствует история, чинов и орденов не имели.

В кратком очерке невозможно рассказать подробно о русских орденах, здесь изложены лишь основные и весьма краткие сведения о них. Если кто-то из читателей захочет расширить свои познания в этой области, то его можно отослать к монографии «Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденов статусов» (СПб., 1892, изд. 2-е). Особенно интересны в этой книге приложения в виде таблиц с правилами ношения орденов, медалей и других знаков отличия. Они могут оказаться весьма полезными для историков, художников, писателей, работников театра и кино, телевидения — для всех, интересующихся русской историей.

ОТ РЕДАКЦИИ: статья о советских орденах будет напечатана в 10-м номере журнала.

См. фото на 4-ой странице вкладки:

1. Знаки ордена св. Георгия. Большой крест, малый крест и френч-ный знак.
2. Знаки ордена св. Владимира. Малый крест, большой крест (темная разновидность).
3. Знаки ордена св. Анны. Большой крест, шейный, 2-ая степень; малый крест с мечами 3-ей степени; знак 4-ой степени («Клюковка»).
4. Знаки ордена св. Станислава. Большой крест, шейный, 2-ой степени с мечами; малый крест с мечами 3-ей степени.
5. Георгиевские кресты и медали.

ТА САМАЯ ИВАНОВКА

*Отечество наше...
Раздолье памятное.
Куда бы ни отправился ты,
всюду ждут открытия,—
прикосновение к истокам родной культуры.
Свердловский драматург Владимир Балашов
побывал в местах,
связанных с именем Сергея Рахманинова.
Он рассказывает об Ивановке —
селе Тамбовской области,
где рос композитор,
где набирал силу его талант.*

**Владимир
БАЛАШОВ**

*Оформление
З. Баженовой*

На Тамбовщине лили дожди, каких здесь не знали полвека. Переночевав в новой гостинице города Уварова, я в семь утра уже «голосовал» у развилки дороги на рахманиновскую Ивановку. Машины не шли: ветер не подсушил за ночь дорогу. Справа и слева — поля. Хлеба полегли под тяжестью дождей, но виды на урожай надежные. Все озабочены уборкой...

На автобусной станции Тамбова никто из пассажиров не знал, где она, рахманиновская Ивановка. Ивановок немало на Тамбовщине. Не знали о ней и шофера. Мне это показалось неммыслимым. Разгадка всему была впереди.

Но вспомнил я у развилки и молодую администраторшу уваровской гостиницы Женю: — «К нашему Рахманинову приехали?» — спросила она, взглянув на командировочное удостоверение.

Я простоял у развилки около трех часов и заволновался: в Ивановку сегодня я, вероятно, не попаду. И добро бы далеко — восемнадцать километров. Но бездорожье после дождей безвылазное. Бросаю за помощью в Обловский совхоз. Угощают первыми яблоками, но машины не дают. Осознаю, что путь в Ивановку для небольшого гостя — путь трудный.

Делать нечего, иду в горком партии.

Раиса Ивановна Тряпицына, секретарь горкома по агитации и пропаганде, — высокая, ладная и спокойная женщина, — узнав о волнениях моих, выходит из кабинета, — телефонная связь с Уварово работает плохо, — и скоро вернувшись, говорит: «Машина сейчас будет». Ивановка стала в мыслях моих уж не такой недосыгаемой. Раиса Ивановна, занимаясь своими делами, попутно информирует:

— В семьдесят седьмом начнем строить в Ивановку дорогу. Будущее строительство запланировано колхозом имени Карла Маркса, на территории которого и находится Ивановка...

Говорит о людях колхоза: там молодой парторг, молодой директор музыкальной школы.

Машина была найдена: оказалось, кто-то из сельхозуправления едет в те же края.

На вездеходике за час мы добрались до места. У въезда в село красивая скульптурная группа, на бетонном постаменте крупные буквы: «Ивановка».

Мелькнула полоска воды. Нет, это не тот, бывший барский пруд, о котором я слышал еще в Уварове. (Сюда из Уварова ездят на этот пруд ловить карасей).

В правлении колхоза знакомлюсь с молодым светловолосым парторгом Александром Ильичем Бовконом, комсоргом и зампределателя Александром Павловичем Уваровым. Рассказываю об Онеге: вспоминаю места, где композитор родился и прожил первые семь лет жизни.

— Онег? — переспрашивает Александр Павлович.

— За Мясным бором. По старой колее туда на 161-м километре выходить надо... Под Новгородом...

— Я воевал там... Стояли мы на 154-м километре. Наша 376-я дивизия получила потом звание Новгородской. В тех местах ничего не оставалось, только рвы противотанковые...

Я вспомнил саперов, залечивших земные раны Онега. Война оставила на земле рахманиновского детства противотанковые рвы, воронки, окопы... Солдаты соседней части, направляемые своим политруком, убрали мины, сравняли рвы — вернули полям их прежний облик. Был какой-то неожиданный смысл в том, что человек, защищавший Онег, родину Рахманинова, живёт и работает теперь в Ивановке, где Рахманинов провёл годы мужания своего гениального дара.

— Сколько же вам было тогда? — сияясь представить статного и высокого Александра Павловича молодым, спрашиваю я.

— Восемнадцати не было. До срока в армию пошел. Мы ходим по новому парку, посаженному с учетом прежней планировки. Впрочем, это сделать было не так уж и трудно: молодые деревца равняются на деревья-гренадеры.

— Это Красная аллея, — поясняет взявший на себя обязанности гида Бовкон. Бывший детдомовец, теперь заочник высшей партийной школы, он располагает своей контактностью, мы тут же становимся давними знакомыми.

— А это сажалка, — указывает он на небольшой, прекрасно сохранившийся пруд. — В нем мальков разводили для барского пруда.

Дошли мы до бугра в парке, на котором когда-то стояла летняя беседка. Беседка, знавшая тайну Верочки Скалон, слышавшая шум самовара, вечерние беседы друзей Рахманинова и его семьи, беседка, слышавшая бас великого волгара Федора Шалапина.

Сейчас бугор стоит молчаливый, могучей муравьиной горой, прикрытой ветвями молодых деревьев.

— Говорят, в беседке летом стоял рояль...

Из парка выходим к дому-флигелю Рахманинова. За домом несколько богатых вязов и два давних клена. За ними бывший Нижний сад...

Дом-флигель был разрушен почти до основания, но теперь заново восстановлен. Восстановлен добротно, мастерски. Выглядит он даже богаче разрушенного флигеля.

— Сам ошалевал (надевал каменную шаль на низ дома), — хозяйски оглядывая флигель, говорит Уваров.

Каменные стены низа толщиной больше метра. Кладка настолько точная и тщательная, что вспоминаешь старинную новгородскую кладку.

Скоро я держал в руках письмо Софьи Александровны Сатиной (свояченицы композитора), где она воспроизводила планировку этого дома-флигеля.

Сергей Васильевич писал М. С. Шагинян: «Ивановка — старое имение, принадлежащее моей жене. Я считаю его своим родным, так как живу здесь 23 года. Именно здесь давно, когда я был еще совсем молод, мне хорошо работалось».

Этот дом и сейчас обрадует любого гостя. Восстановленный нежно и любовно, он живет не только музыкальной жизнью прошлого, но и днем нынешним.

Здесь в просторных классах, которым могут позавидовать некоторые и столичные музыкальные школы, учатся по классу баяна и фортепиано ивановские мальчики и девочки.

— Во многих квартирах в Ивановке теперь музыкальные инструменты, — говорит мне молодой директор музыкальной школы. — Ищем вот только нового преподавателя по классу фортепиано.

С улицы в окна флигеля-музея тянулись ветви великанов-кленов.

— А не повредит, — спрашиваю, — открытие музея музыкальной школе?

— Что вы! Нет.

И верно. Здание очень просторное. И музейной экспозиции здесь место найдется, и комнат для занятий достаточно. В сочетании того и другого есть что-то современное и притягательное.

Большая экскурсионная атмосфера, при всех видимых хлопотах, дала бы новое, более глубокое и обязывающее,

направление не только музыкальной школе, но и всей общественной жизни Ивановки.

Я оставил вместо благодарности молодому хозяину школы лист древней липы из Онега, — сорвал его у обелиска, поставленного в Онеге в память о композиторе.

Вечером в Доме культуры было намечено комсомольское собрание. Решили: после собрания проведем творческую встречу.

А пока мне хотелось побродить в Ивановке одному. Попросил я, чтоб меня познакомили и с теми, кто помнит Рахманинова.

— Жива бывшая прачка Рахманиновых, — был ответ. А потом отговорили меня: — Слишком уж стара она, да и живет далеко, в Сабуровке, куда без сапог не пройти...

Я было согласился с этим. Но случай распорядился иначе.

Под вечер, осмотрев строящиеся в селе медпункт и быткомбинат, я снова — теперь уже один — гулял по парку. Снова ходил вокруг пруда-сажалки, на котором плавали под ворчливое кряканье матери белесые утята, снова стоял под листьями деревьев на бугре бывшей беседки, спасаясь от слепого теплого дождя, сверкавшего на солнце.

Думалось: день текущий длиннее прожитого года. А сколько здесь счастливых дней, составивших счастливые годы, провел композитор? Недаром же он, лишившись родины, уже почти шестидесятилетним стариком купил в Швейцарии участок земли и мечтал устроить так, чтобы все напоминало на той земле Ивановку.

Ивановка была для С. В. Рахманинова частицей великой родины, воспитавшей его как человека и музыканта. Подводя итог пройденного пути, композитор говорил: «В моих собственных сочинениях я не делал сознательных усилий быть оригинальным или романтиком, или национальным, или каким-либо еще. Я просто записывал на бумаге как можно естественнее ту музыку, которую слышал внутри себя... Я русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мировоззрение. Моя музыка — детище моего темперамента, поэтому она русская».

Мимо усадьбы, обогнув новую школу, вышел я к барскому пруду, до которого надо было еще немало идти.

Женщина ехала на телеге, как бы нехотя погоняя лошадей.

Нынешняя деревня урбанизируется. И этот процесс, вероятно, необратимый. Но только жалко почему-то того неповторимого, что увидишь и услышишь только в деревне. Мы, горожане, отзвуки уже от топота лошадиных копыт.

— До прудов подвезете?

— Садитесь.

Я, чуть не опрокинувшись, запрыгнул спиной в телегу на скошенную помятую траву, брошенную в ней.

Лошадь шла неторопливо. Антонина Ивановна Макарова возвращалась с работы домой. В том, что я трясся на телеге, что сидел рядом с уставшей женщиной, весь день развозившей обеды колхозникам на поля и теперь вот через молчание говорившей со мной, в том, что я слышу запах лошади, было что-то простое и неизъяснимо знакомое.

Длинной полосой засверкал пруд. Дальний берег его осажен деревьями, охранявшими его.

— Так вы в Сабуровку?

— В Сабуровку.

— Хотели меня туда вести к старушке одной, помнящей Рахманинова, да вот раздумали.

— К Марье Давыдовне?

— К ней.

— Соседка я ее.

Дочь Марьи Давыдовны Акимовой тихо дала мне понять — мать стала «безрядной», путается в рассказах. Я боялся, что разговора с сидящей на кровати Марией Давыдовной не получится. Все случилось: и знакомство, и разговор.

Есть в русских деревнях лица, поражающие своей интеллигентностью. Таким и было лицо Марии Давыдовны —

некрупное, с прямым носом и озорными серыми глазами. Ум светился в них, как бы она ни наговаривала на себя — мол, не помнит ничего. Помнила она немало.

— Господа примолвливали меня (легко было поверить этому, представляя Марию Давыдовну молодой. Не могла она не нравиться людям лицом своим и речью).

— Всех помните?

— Господ-то? Помню... Корова у матери пала, дали корову... Дело у нас ладило... Моя мать крестница старому барину, а Феодосия Дмитриевна (кухарка, ставшая близкой семье Сатиных.— В. Б.) — крестная мать моему мужу... Господа меня за свою считали. Надеялись. В белье ничего не пропадало. Состелилась я каждого человека...

Вспомнила она Софью Александровну Сатину, письмо которой час назад держал я в своих руках.

— Софья Александровна замуж не вышла. Глазами была слаба, очки носила. Немущая, все-то она не делом занималась: бабочками, цветами, вечно у сажалки... Наталья Александровна — та бойчее... Дочери у нее были: Таня и Ириша. Встретятся, так всем поклонятся.

Помнит Мария Давыдовна и приезд Шаляпина в Ивановку.

— А кто из них выше был? Шаляпин или Рахманинов?

— Шут их знает, кто выше. Знала я — вот барин идет, а вот Шаляпин.

— Пел красиво?

— Голос-то какой был!..

Узнал я от нее, что беседка в парке была обвита виноградом (вероятно, плющом? — В. Б.), что рояль всегда стоял лишь в доме.

За стихи мои, прочитанные в избе, собравшиеся на разговор женщины одолжили мне сапоги, в них и пошел я в Ивановку снова под слепым дождем, прячась от него под трехрядьем молодого фруктового сада, что оберегает пруд...

Комсомольское собрание решало вопрос об участии молодежи Ивановки в уборке урожая. И здесь те же заботы.

После встречи подарили мне сборник материалов и документов «С. В. Рахманинов в Ивановке», составленный Н. Н. Емельяновой. «Помните, что у вас в Ивановке много друзей» — написано на обложке. И подписи, подписи. Автографы ребят — немногословных, но работающих наших кормильцев.

Утром я проснулся рано. Хотелось послушать в парке соловья. О соловьях мне сказал Александр Павлович Уваров.

— Тью-тью-тью-тиуй!.. — неслось в предутренней тишине. Но пели не соловьи, те были прибиты дождями, ждали тепла. И все равно голоса птиц завораживали, совершая что-то в твоей душе.

Я прощался с аллеями парка, с прудами, с бугром, на котором стояла когда-то беседка.

Липкое белое молоко старых братьев-кленов виделось мне жизнью, которая никогда не уйдет из дома, ими охраняемого. И послышалась мне неясная музыка во всем: в еще непроснувшихся прудах, в непроснувшемся доме и в молчании парка.

Я уезжал, так и не повидавшись с Людмилой Федоровной Петровой, общественным хранителем музея. Ее не было в Ивановке, но чувствовалось желание систематизировать редчайшие экспонаты. Очень хочется, чтобы до организации профессионального музея ничто не пропало из собранного ивановцами архива, ничто не пропало из подлинных вещей усадьбы Рахманинова.

Здесь нужна помощь опытных работников, может быть, из того же музея музыкальной культуры им. Глинки. Но это дело одной командировки. Труднее решать вопрос о будущем Ивановки-Рахманиново.

В канун столетнего юбилея композитора все было брошено на реставрацию дома-флигеля: большие государственные средства, средства колхоза, взята под контроль работа строительных организаций.

Рядом с музеем-музыкальной школой выросла совре-

менная общеобразовательная школа со спорткомплексом. Разве что мешает виду отреставрированной усадьбы котельная, вписанная почему-то между школой и музеем.

В самой Ивановке открыто просторное, часто пустующее кафе. Замышлялось строительство гостиницы для приезжих, завозилась уже щебенка для асфальтирования улиц. Но вдруг разом дело прекратилось. Гостиницы нет, а грязища в Ивановке не уступает полевой грязи. После дождя без сапог здесь и шагу не шагнешь. А ночами в Ивановке не только непролазная грязь, но и беспросветная тьма: нет уличного освещения. Хотя сама по себе Ивановка — село современное и просторное по планировке — может стать и пропагандистом, и агитатором за наше время. Говорили мы об этом с Бовконом.

— Без централизованных средств и усилий Ивановка не сможет принимать гостей. Дело не только в асфальте и гостинице, главное — в дороге от Уварово до Ивановки.

И трудно не согласиться с молодым партгором. Может быть, где-то он и приеднётся, как прозорливый хозяин, но это так, без централизованных средств, без участия республиканских организаций Ивановка-Рахманиново останется неизвестной не только для приезжих, но и для тамбовчан, как это и есть на сегодняшний день.

Весною, в рахманиновские дни, приезжают сюда писатели, музыканты, артисты, но это событие все-таки локального характера. Ивановка при всех сделанных уже колоссальных затратах остается вещью в себе, доступной пока лишь заезжим одиночкам.

Создается ощущение недосказанности того большого, что сделано, при виде того, что не доделано.

Глядя на уплывающую за полянами Ивановку, я думал о том, что красота и богатство одного из исторических мест нашей родины ждет многомиллионную аудиторию советских и зарубежных гостей, ибо здесь есть все или почти все, чтобы проводить музыкальные форумы сродни тем, какие проводятся у нас в усадьбе Чайковского в Клину, какие проводятся на родине Шопена в Польше.

БЫЛ МЕСЯЦ

**Александр
ЧУМАНОВ**

*Рисунки
В. Меринова*

Чтоб яснее были дни
И яснее дали,
Ты печали не таи,
Выскажи печали.
И ни грусть,
И ни любовь
Не таи, родная,
От невысказанных слов
Легче не бывает.
Ни к чему к слепой судьбе
обращаться с думой.
Если думать о себе,
О других не думать.

Перепачканное сажей
Разнесчастное лицо —
Потеряла бабка наша
Обручальное кольцо.
Всю избу перевернула,
Что поделать — нет кольца,
И под лавку заглянула,
И под доски у крыльца.
Нет нигде. Какое лихо!
Бабка кончиком платка
Трет глаза, вздыхает тихо.
Бьется жилка у виска.

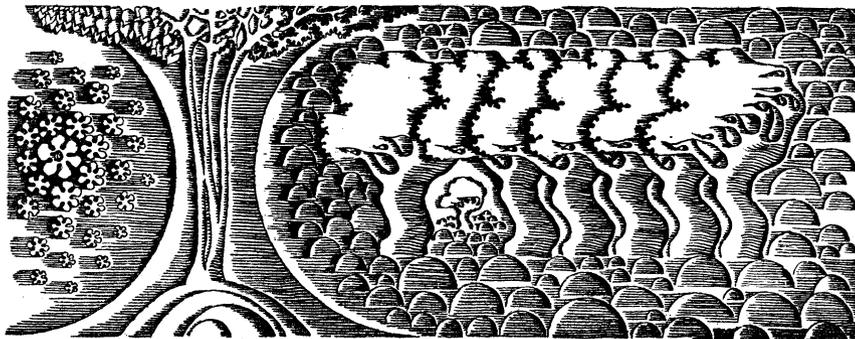
И душа у бабки стынет,
Ей потеря — не пустяк.
А кольцу цена — полтинник,
Что по-новому — пятак...

Я был собою очень горд,
Считал, что вижу всех яснее,
Что у меня-де кругозор
И современные идеи.
Мечтал переустроить жизнь,
Грядущее переиначить —
Я просто рвался разрешить
Лишь мне посильные задачи.
Но все сложнее, боже мой!..
Пошли познания иные —
Я думал, что один такой,
А оказалось — все такие.

Ставни резные, скрипучие сени,
Дым над трубою, дым поколений.
Вместо иконы — буденновцы в раме,
Кто это, кто это? — Это мы сами,
Мы постарели, чего притворяться.
Сколько нам нынче?
Да где-то по двадцать.

МАЙ...

Было и больше на целых полвека,
Мы же тонули на западных реках,
Мы же бинты отрывали от тела.
Милое дело —
Правое дело!
Вот и стоим близнецы-близнецами
С теми, кто нам улыбается в раме,
И подтверждает нетленная память:
Это вы сами,
Это вы сами...

На полках пятистенного сельмага,
Затем, чтобы поддерживать уют,
Поставлены картонные коняги,—
И люди их Пегасами зовут.
Но с давних пор они покрыты пылью —
Товар лежалый, а причина в том,
Что для чего-то сделанные крылья
Мешают позабавиться кнутом.
Оглобли к ним никак не присобачишь,
В упрямый рот не сунешь удила,
А эти непосильные задачи
Смущают покупателей села.
Иной придет, уже и деньги вынет,
Но на расходы тяжела рука,—
В глазах коней — невероятнo синих —
Такая безысходная тоска!..

На старости случаются грехи.
И мама от усердия не дышит,
И пишет неумелые стихи,
Стесняется отчаянно, но пишет.
И вот, не зная хитроумных слов,
Ни ямбов, ни анапестов, тем паче,
Она отныне строчками стихов
Решает нерешенные задачи.
И пусть коряво, пусть смешно чуть-чуть,
Но ведь стихи как будто льются сами,
Стихи от всей души. И я молчу.
И восхищаюсь этими стихами.

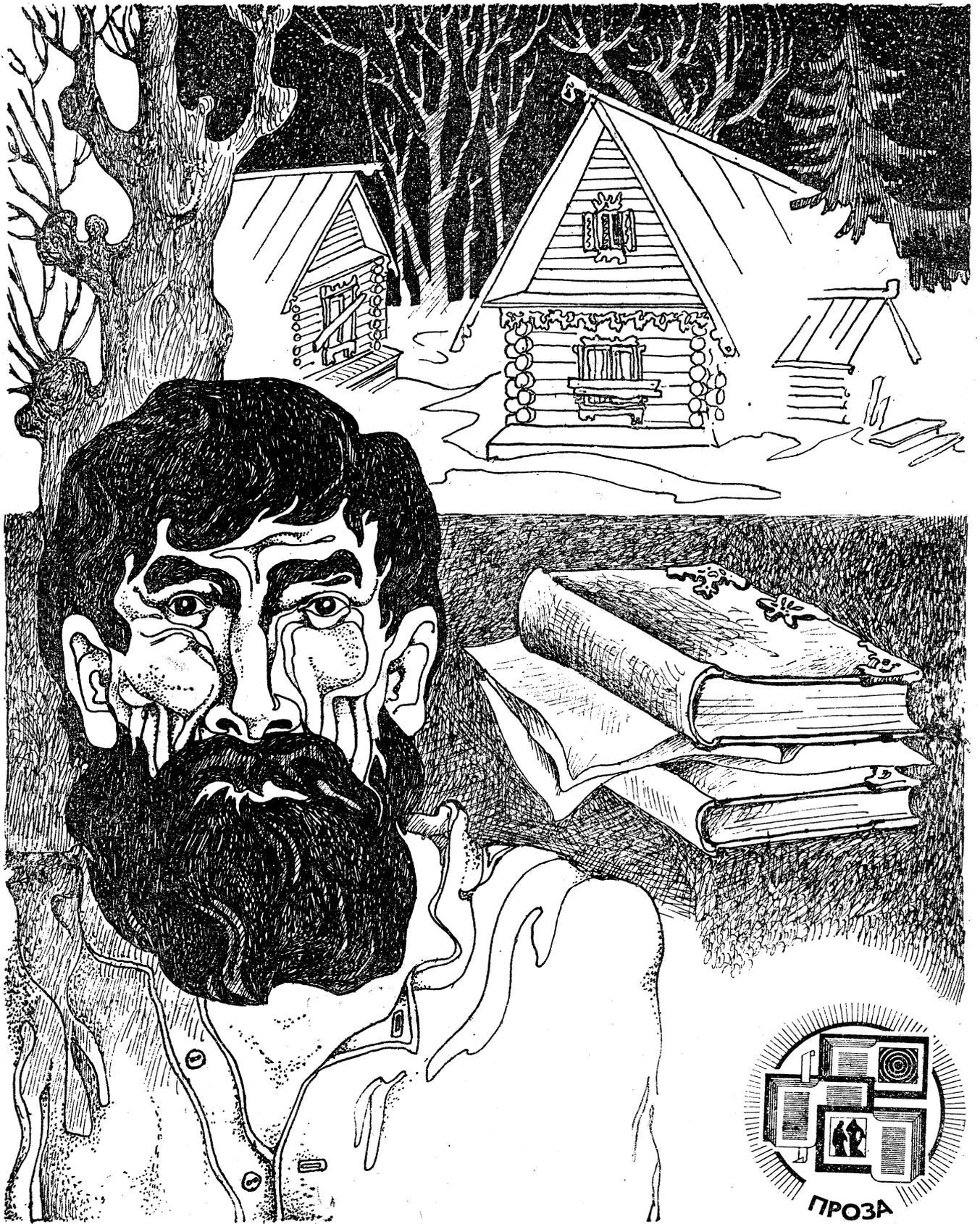

Был месяц май, свистела вьюга в поле
И яркая недельная листва
Погибла, беззащитная, от боли —
Свидетельствует древняя молва.
Конечно, вскоре отошли метели,
Что толку? Виноваты без вины,
Деревья не цвели, не зеленели
До настоящей, будущей весны.

Конь горячий, конь стремительный у Вани,
Ну-ка, встречный-поперечный, берегись!
Слышал Ваня, что на острове Буяне
Очень много незамужних Василис.
И спешит он без конца и без начала,
Кладенец его, как молния, горит,
Но чудес на белом свете очень мало,
Чудеса на белом свете дефицит.
И за морем, где бессмертные Кашеи
Гарнитурами обставили уют,
Василисы, ни о чем не сожалея,
Избавителей-Иванушек не ждут.
Сказку скоро можно кончить, а на деле
Ведь не все среди Иванов дурачки,
Время меряет неделю за неделей,
И стираются парчовые портки.
Ваня плачет в одинокую подушку,
А за окнами осенний карнавал,
Он царевну, превращенную в лягушку,
Как случается нередко, прозевал.
А теперь уже не думай о вкззалах,
Жизнь на месте, как известно, не стоит.
И чудес на белом свете очень мало,
Чудеса на белом свете — дефицит...

ДЕРЕВЯННОЕ ЦАРСТВО

Повесть

Борис
АЛМАЗОВ

Рисунки
Л. Смирновой

Какой же Новый год без елки?

Ночью Петька несколько раз просыпался. Ему все чудилась печка на поляне и плач, похожий на музыку. Никогда и ни к кому Столбов не испытывал особой жалости. Случая не было. И даже если бы Петьку спросили: «Какой он — добрый или злой?» — он не смог бы ответить, растерялся бы.

А сейчас он мучался от нового чувства. Будь он постарше, он бы знал, что это новое чувство называется — состраданием. Что именно с него начинались и подвиги, и революции, и творения гениальных художников. Но так Петька Столбов думать не умел. Он умел выдумывать!

И лежа в душной темноте, он придумывал, как выскакивает на поляну с автоматом, на лыжах. А там цепь эсэсовцев... Огоны! Бьется в руках безотказный автомат мстителя и падают на землю враги! И бегут навстречу Петьке спасенные дети.

Или он в милиции работает, документы изучает, находит всем старухам из этой деревни потерянных сыновей. Светит солнце! Играет музыка! И красивые молодые парни бегут к этим стареньким бабкам в черных платках, поднимают их на руки и несут через поляну, залитую солнцем, мимо печки-памятника, и стираются с обелиска их фамилии...

«Да,— подумал Петька,— только ведь сыновья-то не потеряны, сыновья убиты! Они не придут никогда!» Это слово вдруг предстало перед Петькой большими буквами на книжной странице. «Никогда!» — громыхало над ним, и он завертелся в черной духоте...

— Мама! — закричал Петька и проснулся. Опять в избе никого не было. Но светило веселое солнце. Лазер возился, пытаясь поймать пылинки, плясавшие в солнечном луче. Петька выпутался из одеяла. Встал. В комнате было тепло и весело. Петька впервые заметил, как красиво убрана горница, в которой он спал: белые кружевные занавески на окнах, пестрые половики, ослепительно белый бок печки, резная лавка, расписной сундук. А на полках старинные синие тарелки, на них диковинные леса, охотники в заморских шляпах, олени с человеческими глазами...

Петька быстро оделся. На столе на листочке в клеточку было написано: «Ушел на поле. Ешь. Клавдий. Настя.» Петька быстро выпил молоко. Хлеб спрятал в карман и, схватив в сених лыжи, вылетел на улицу. Снег сверкал так ослепительно, что Петька даже скривился.

— Эх! Как это я темные очки забыл!

Дул резковатый бодрящий ветерок, заметал легкую поземку.

«А мороз-то градусов двадцать пять,— прикинул Петька.— В городе в эту пору в школу можно не ходить». Он решил зайти за Катей и вместе с ней побегать на лыжах.

— А, Петя! — сказала Катина мать. Она кормила с ложки грудного малыша, тот извивался, как гусеница, и норовил заграбастать ложку.— А все наши на горку кататься ушли. У речки, за Макарихиным домом...

Петька еще издали заметил оранжевый Катин полушубок. Вокруг нее, как медвежата, копошились закутанные малыши. Визг и смех доносились оттуда. Петька лихо скатил с горки, обдав ребят снежной пылью. Они даже замерли.

— Привет!

— Здрасси... — сказала Катя, но голос у нее был совсем невеселый.

— Ты чего? — спросил Петька.

— Катайтесь! Катайтесь! — сказала девочка

Окончание. Начало см. в № 6.

насторожившимся малышам, и те покорно потянули большие санки в гору.

— Сегодня тридцать первое,— сказала Катя,— а елки нет. И папа уехал в район, там дорогу замело — он разгребает. И когда придет — неизвестно. А эти,— она кивнула на малышей,— уже пыхтят: «Где елка?» Еле уговорила их, что Новый год послезавтра... Без елки какой Новый год?

— Это точно! — сказал Петька.— Так в чем дело? В лесу живете. Пошли — срубим!

— У нас тут близко елок нет. Это надо за шесть километров в Касьяновский лес идти.

— Ерунда! На лыжах — два часа хода! — сказал Петька.— Знаешь, как я на лыжах бегаю. Момент — и там!

— Вы дорогу не найдете. Это далеко и через лес.

— Найду,— загорячился Петька.— По азимуту. Компас есть?

— Нет уж,— вздохнула Катя,— надо вместе идти. Вот малышня домой загоню и пойдем. Без елки им никак невозможно...

— Идите по тропинке! — наказывала Катина мать.— От леса не отходите, а то в болото попадете!

— А на них волки не нападут? — спросил один малыш.

— Да тут волков отродясь не было,— сказала Катя, хотя немножко и побледнела.

Они взяли хлеба. Молока в бутылке. Нашелся и компас. Петька тихонечко скрал с печи спички. «Мало ли что, придется костер разводить».

Катя в теплых катанках, в пуховом платке крест-накрест стала совсем круглой и похожей на тех матрешек, что они разрисовывали по вечерам. Лыжи у нее были старенькие, плохонькие и надевались прямо на валенки. Петька рядом с ней выглядел чемпионом.

— Слушай! — сказал он.— Уж коли мы за елкой идем, давай и в каждый дом по елке срубим! Всем старикам! А? Пусть у всех будет праздник.

Катя пошевелила губами:

— Не дотащим! — сказала она.— Надо двенадцать штук.

Но не так-то легко было Петьке отказаться от своей идеи. Ему уже виделась деревня, вся в новогоднем убранстве, и сияющие огни елки в каждой избе. И как они с Катей ходят из дома в дом и всех поздравляют. И старики смеются, и всем хорошо.

— Слушай! — вспомнил он.— А Орлик? Давай Орлика возьмем!

— Нельзя! Дедушка Клавдий не разрешит.

— Да его нету, деда-то! Он поле свое смотреть ушел. Когда вернется, Орлик уже на месте будет:

— Старенький он, не надо его мучить...

— А кто его мучить будет? Наоборот — пусть Орлик свежим воздухом подышит!

Хоть и не нравилась девочке его затея, она согласилась, потому что перед Петькиной фантазией трудно было устоять. Они вывели коня. И задами, чтобы никто не видел, пошли к лесу. Орлик плелся, понурив голову и передергивая шкурой. Они вышли за деревню. Здесь была неширокая, но укатанная дорожка. Петька соорудил петлю, прикрепил к оголовью коня. Орлик, действительно, словно ожил от свежего морозного воздуха. Он вскидывал голову и старался пойти резвее.

— Но! Но, лошадка! — закричал Столбов.

Орлик пошел тяжелой стариковской рысью. А Петька и Катя, уцепившись за веревку, покатились за ним.

«Пропadaем!»

Орлик скоро выдохся. Да и дорога кончалась. Петька и Катя весело бежали на лыжах, а старый конь начал проваливаться в сугробы, прихваченные сверху коркой наста. Но все равно послушно шел за ребятами. Только теперь они поменялись ролями. Первым шел Петька. Уцепившись за привязанную к его поясу веревку, поспешала Катя. А завершал шествие Орлик. Шли они довольно быстро, но все-таки не так, как рассчитывал Петька. Может быть, потому, что подул ветер, набежали тучи, Петьке показалось, что до Касьяновского леса они добирались очень долго.

Выбрать хорошие красивые елочки оказалось не так просто. Все попадались какие-то однобокие да кривые, да тощие.

— Петь, а почему в одних местах елки растут, а в других нет? — спросила Катя.

У Петьки уже вертелось на языке этакое необычное. Вроде того, что там, где инопланетяне приземлялись, там и растут елки. Потому что елка — символ ракеты, чтобы мы, земляне, догадались... Но тут вспомнил он, что год назад читал книжку «Занимательная геология».

— Это зависит от состава почвы,— сказал он.— Деревья разных пород разное из земли вытягивают, соли там минеральные... Вот где каких веществ больше, там подходящие деревья и появляются. Иногда по растительности, по цветам, по траве можно определить, что в земле находится. Так геологи узнают, что где искать...

С немym уважением посмотрела Катя на Петьку.

Столбову это было так приятно, что он не стал дальше продолжать, а кинулся рубить еловый ствол. Двенадцать елок он увязал в два вьюка и перекинул Орлику через спину, а чтобы вьюки не свалились, прихватил их веревкой, на

манер подруги. Где-то он видел такую картину. Не то у Купера, не то у Майн Рида...

Темнело, когда они двинулись в обратный путь. Ненадолго выглянуло солнце. Осветило розовым светом старую березу.

— Смотрите! — прошептала Катя. — Глухари!

На дереве сидели огромные иссиня-черные птицы с раздвоенными хвостами и красными бровями. Петька глухарей видел только по телевизору, и у него дух захватило от этой картины. Глухари сидели молча, неподвижно.

Вдруг Орлик остановился. Поднял голову и насторожил уши.

— Что это он? — спросил от неожиданности Петька.

Орлик вдруг храпнул и попятился. Петька схватил его за веревку, а Катя стала гладить старого коня по дрожащей шкуре.

— Орлюшко, милый, чего ты сбаламутился, пойдем, а то стемнеет скоро!

Но старый конь все прядал ушами, нервно переступал и все ловил ноздрями что-то, одному ему понятное в морозном ветре. Неожиданно порыв донес дальний замирающий вой. И в ту же минуту конь скакнул и поволок уцепившуюся за вьюки девочку по сугробам.

— Куда ты, куда?

«Волки, — подумал Петька. — Вот беда». Он почувствовал, как у него холодеет спина.

Орлик рвался и храпел. Катя гладила коня, приговаривая ласково, но голос у нее был такой, что вот-вот расплечется.

«Какая же я свинья! — подумал Петька. — Она устала, а я ушами хлопаю. Это ведь мне шесть километров — ерунда, мы с отцом и больше ходили, а ей трудно...»

— Вот что, — сказал он. — Давай залезай на коня! Быстрее дело пойдет!

Катя покорно полезла на вьюки.

«Так, — лихорадочно думал Петька. — Вперед идти нельзя — там волки. А может, не волки, а ветер воет? Чего тогда конь бесится?» Орлик опять скакнул и пошел через поляну тяжелым стариковским галопом. Катя уцепилась за гриву и моталась из стороны в сторону.

— Петя! Петя! — кричала она.

Петька догнал их. Успокоил. «А вообще-то, все великие путешественники в таких случаях доверялись коням. Надо попробовать!»

— Катя! — сказал он. — Держись крепче и ничего не бойся! Орлик вывезет... Иди! Иди! Но! — крикнул Петька коню.

Орлик развернулся и быстро пошел в сторону, противоположную той, откуда они пришли. Он шел уверенно, словно дорога была ему давно известна. Петька еле поспевал за ним на лыжах. Катя тихонько всхлипывала, и оттого, что она не упрекала, не ругала Петьку, ему было еще хуже.

Быстро темнело. Пошел снег. Ветер гнал его,

закручивая смерчами. По тому, с какой силой он дул, Петька догадался, что они вышли из леса. И теперь где-то на открытом пространстве.

«Идиот! — ругал себя Петька. — Первопроходец! А сам в настоящем лесу первый раз! Это же не парк! Это настоящий лес и замерзнуть в нем можно по-настоящему!.. Меня не будет — лишнего вруна на свете не будет, еще, может, даже и лучше! А вот ее не будет...»

— Катя! — кричал он. — Как ты там?

— Ничего! Не беспокойся, — отвечала девочка.

«Какое там «не беспокойся»! — думал Петька. — Черт этого коня знает, куда он тащится? Может, кругами ходим... Следов-то не понять!» Он глянул вниз, под ноги коню. И вдруг с ужасом увидел, что следы эти черные. Он оглянулся — и лыжня, что тянулась за ним, тоже быстро наполнялась водой. «Болото! — У Петьки оборвалось сердце. — Пропадаем!» Катя, сидевшая на Орлике, была уже совсем как снежный ком. У Петьки от ветра горело лицо.

— Только бы выбраться! Только бы выбраться! Я бы никогда никому не врал... Я бы учился с утра до ночи... — шептал он. И ему казались такими милыми и прекрасными все ребята из класса. И даже его закадычный враг Васька Мослов, который был меньше всех ростом и старался свою власть показать.

— Ой! — крикнула Катя. Под Орликом чавкнуло, и он провалился передними ногами. — Вода!

— Сиди, не двигайся! — крикнул Петька. Он проскочил вперед. Лыжи держали его. На них налипали комья снега. — Сиди! Сейчас я помогу, сейчас!

Орлик пытался вытянуть ноги, но все глубже уходил в воду. Катя откинулась назад и не могла оторвать глаз от растекавшейся лужи.

— Давай елки! — сообразил Петька, вспомнив, что при падении в болото нужно что-то подложить. Катя лихорадочно стала развязывать веревку. Но пальцы у нее заоченели, а узел был мокрый.

— Режь топором! Быстрее! «Хорошо, что я топор плотницкий взял, острый», — успел подумать Петька. — Веревку мне!

Он схватился за веревку и потянул изо всех сил. Катя скинула несколько елок коню под ноги.

— Давай! Давай, Орлик! Давай, милый! — кричал Петька. Он тянул изо всех сил. Как бурлак в картине Репина. Падал на колени, на собственные лыжи. Под ним зыбко ходила трясина. Орлик, увидев елки, забился, напряжился и страшным рывком вышел на твердое место.

— Мамынька моя... — всхлипывала Катя. — Да куда ж это мы попали!

— Не ной! — крикнул Петька, как можно грубее, хотя ему было страшно жаль эту дев-

чонку. — Не ной! Куда бы ни шли! Главное — идти! Не стоять! Замерзнем, если остановимся!

Казалось, они провалились в черную яму и теперь беспомощно тычутся в стены. Орлик, натруженно дыша, все шел и шел на своих старческих трясущихся ногах. У него заиндевели морда, сосульки свисали с гривы. А он все шел и шел, как заведенный. И вслед за ним, теряя счет времени, шел Петька. Так двигались они в ревушей и хлещущей ветром темноте, проваливаясь в воду и снова принимаясь шагать. Петька уже не чувствовал ног. Нейлоновая куртка, которой он так гордился, смерзлась колом и треснула на спине. А он все шел и шел. Обдирал лед с лыж и опять шагал, прячась за конским крупом от ветра. Он уже ни о чем не думал. А только тупо переставлял ноги, подкладывая елки проваливающемуся коню, тянул его изо всех сил за узду. И снова шел... «Пропадем», — билось у него в мозгу.

Неожиданно Орлик остановился. Петька прошел вперед и уткнулся в бревенчатую стену.

«Ну, Катя, живы!»

Сначала ему показалось, что это штабеля бревен. Он пошарил руками. Нет. Это была стена.

— Что там? — стуча от холода зубами, спросила Катя.

— Вроде дом... Эй! Есть кто-нибудь? — ветер заткнул ему рот.

Проваливаясь в сугробы и ушибаясь о бревна, он пошел вдоль стены, волоча за поводья Орлика.

Они обошли стену, за углом ветра не было, идти стало легче. Петька стянул рукавицу, вытер мокрое исхлестанное лицо. Опираясь на стену, побрел дальше. И вдруг его руку что-то обожгло. Железо! Петька нащупал длинную скобу. Ворота! Они были чуть приоткрыты.

— Катя! Ворота! Слезай! — Девочка мешком свалилась с коня.

Цель в воротах была достаточная, чтобы

протиснуться внутрь изгороди. Но конь остался снаружи.

— Сейчас, сейчас,— бормотал Петька.

Он шарил в темноте руками. Ушибался о какие-то углы, бревна. И, наконец, нашел крыльцо. Катя держала его за рукав, и ему приходилось почти тащить девочку. Спотыкаясь, они вошли на крыльцо. С трудом открыли скрипучую дверь.

— Сейчас! Сейчас!— Петька достал спички. Отогрел пальцы дыханием. Зажег. Спичка сгорела быстро. Но он успел разглядеть, что изба устроена так же, как дедова. Они были на повете.

— Эй!— крикнул Петька.— Люди! Кто есть? Никто не ответил. Петька нашарил дверь и ввалился в горницу.

— Спички надо беречь,— сказал он.— Ты смотри в одну сторону, я в другую.

Катя покорно повернулась. Вспыхнул слабый огонек. Петька увидел длинный стол, лавки вдоль стен.

— Лучина!— слабым голосом сказала Катя. Петька оглянулся. В углу у печки стояло ма-

ленькое деревянное корытце, а над ним железный прут, раздвоенный на конце, тут же лежала охапка длинных щепок. Спичка погасла, но Петька на ощупь нашел лучину и зажег ее.

— Погоди,— сказал он,— как это... Я в музее видел.— Он приладил лучину в светец.

Лучина осветила большую горницу, печь.

— Мы, наверное, в пустую деревню забрели. Сейчас печь затопим, отогреемся... Ну, Катя, живы! А я уж думал, совсем пропадем, Катя!

Он оглянулся и увидел, что девочка сидит на полу у стены и глаза ее закрыты.

— Катя! Катюша!— закричал Петька.— Что ты!— Он принялся тормошить ее. Девочка медленно открыла глаза.

— Плохо мне. Пить...

— Сейчас, сейчас!— Петька стал лихорадочно запихивать лучину в печь. Около печи он нашел вязанку дров. Надергал бересты. Зажег. Дрова вспыхнули сразу, как порох. И сразу в избе запахло дымом. Петька глянул вверх и увидел, что печь без трубы, дым выходит прямо в комнату,

— Вот беда! Угорим! — но дым не опускался: он уходил в отдушины под потолком.

— Катя, Катюша... обогрейся! — он подтащил девочку ближе к огню. — Сейчас я молока принесу. У нас ведь молоко в мешке у Орлика. Ты мокрая вся! Погоди, я, может, найду тебе переодеться! Ты только не засыпай, Катя, Катюша! Пожалуйста, не спи!

Он вскочил, кашляя от дыма, заметался по избе. Под лавками стояли сундуки. Он открыл один и стал выкидывать оттуда какие-то тряпки, меха. Лучина догорела и погасла. Но в избе было светло от ярко пылавшей печи.

— На! — говорил он. — Это одежка какая-то... Давай, хозяйка нас не заругают, мы ведь сюда не нарочно. Мы ведь чуть не погибли...

Катя как во сне стала стаскивать тулуп, мокрые чулки.

— Катя, я пойду, коня выручать...

Девочка ничего не ответила. Петька вскочил на повет. Он прихватил с собой головешку и теперь на повети, среди разной рухляди, нашарил длинную палку. С крыльца он стал на колени, взял палку под мышку и, нащупывая руками следы, пополз к воротам. Орлик стоял сразу за оградой. Шкура его покрылась ледяной коркой. Петька стал разгребать палкой снег у ворот, потом отыскал свои лыжи и стал отгребать снег лыжей. Его трясло. В груди словно огонь зажегся. Он вскакивал, пытался открыть ворота пошире. Он уже совсем отчаялся, когда створка вдруг подалась и открылась настолько, что конь смог протиснуться.

За воротами Петька пошел на запах дыма и легко нашел избу. Он нашел и въезд на повет, совсем, как у деда, и завел коня.

— Эх! — сказал он Орлику. — Сена-то тут нет! Ну, ладно. На тебе хлеб! — Он вынул из мешка краюху и отдал коню.

Дверь светилась щелями, и когда Петька вошел, его обдало приятным теплом. Дым облаком стоял под потолком, горела лучина. А у огня сидела Катя, но Петька не узнал ее. На ней была какая-то странная одежда. Короткая кофточка, отороченная мехом, и платье в блестящих нитях. От неожиданности Петька выронил палку, которую нес в руках, и когда наклонился, чтобы поднять ее, увидел, что это копье с широким наконечником и перекладной.

«Рогатина! — догадался Петька. — С ней в старину на медведя ходили».

Тайное жилище

Утром метель не утихла. Но стало посветлее, и можно было осмотреться. Когда ребята вышли на крыльцо, им показалось, что они попали в заколдованное царство. Четыре высоких ста-

ринных избы с скрутыми крышами, все в резных наличниках и полотенцах, напоминали терема. Кое-где подгнившая крепостная деревянная стена окружала их. Огромные деревья росли повсюду. Высокие кусты поднимались до крыш. Почти во всех домах были закрыты ставни. И от этого избы казались уснувшими.

А метель мела такая, что нечего было и помышлять выбраться отсюда. На всякий случай, Петька закрыл ворота, чтобы волки не забрели.

— Нужно по избам пройти, может, где-нибудь сено отыщем Орлику.

Они стали заходить в избы. Везде царило запустение. Но казалось, что люди только что вышли. На столах стояла посуда, кое-где на окнах висели истлевшие занавески. В четвертой избе они увидели странную скамью: наклоненная доска, а под нею ящик.

— Парта! Парта старинная! — догадался Петька.

В этой избе было особенно много икон, они закрывали всю стену от пола до потолка. Здесь стояли какие-то необычные, громадные, почти сплошь окованные железом сундуки. Катя опасно ходила вслед за Столбовым. Испуганно вздрагивала при каждом шорохе. А Петька, хотя и побаивался в душе, первым шел в темные горницы. Зажигал лучины. Открывал сундуки.

— Смотри! Книги!

Под тяжелой крышкой, аккуратно переложенные сукном, лежали толстенные тома с медными застежками. Петька с трудом поднял один, расстегнул замки, открыл. Странные красивые буквы вились на листе. И лист был тоже какой-то странный: гладкий на ощупь, холодный, и гораздо тяжелее бумаги.

— Пергамент! — ахнул Петька. Он подошел к свету и разобрал с трудом несколько слов: «Хождение... Китай... Нипон, Камчатка». — С ума сойти! Рукописная книга! Ты представляешь!

Но Катя не слышала его. Ее давно уже знобило, а сейчас словно молоты стучали в голове.

— Петя! — прошептала она. — Нехорошо мне! Я, наверное, умру.

— Ты что! Ты что, Катюша! Не придумывай!

Он помог ей вернуться в ту избу, где была вытоплена печь. Вытряс из сундуков какие-то бархатные шубы на меху, тулупы. Уложил девочку на лавку, укрыл, но Катя все никак не могла согреться. Петька сделал питье. Для этого специально выбегал на болото и собирал под снегом клюкву. Вот когда пригодились вычитанные четырнадцать способов жить в лесу. Руки у него словно распухли, стали шершавыми и жесткими.

Катя отпила немного. Зубы у нее стучали о край деревянной площадки.

— Не выбраться нам, — тихо сказала она. —

Знаешь, где мы? В скиту! Где староверы спрятались. Сюда дороги никто не знает. Не найдут нас...

— Да ты что! — сказал Петька. — Как это не найдут! Обязательно найдут! Вот буран поутихнет и найдут. С вертолета найдут.

— Нет! — все так же печально сказала Катя. — Здесь с вертолета ничего не видно. Заросло все. Ничего здесь сверху не заметят.

— Вот глупая какая! — закричал Петька. «Господи! — думал он, — она ведь правду говорит: если сами не выберемся — пропадем. Нужно только ее успокоить». — Знаешь что, ты лежи, постарайся уснуть. А я побегу книжку поищу и почитаю тебе. Помнишь, сколько в той избе книг?

Он вернулся в читальню, как прозвал ту избу, лихорадочно стал шарить в сундуках. Открыл одну книгу, другую. И не смог оторваться... «...Возьми доску липовую... левкась добро... закали в печи и пиши с лазури...» — читал он. — Это же живописные секреты! «Что надобно творить для состава красок...» Схемы ловушек! Старинные гравюры! «Город Амстердам». «Во-логда».

У Петьки глаза разбегались.

— Вот это да! Вот это да! — только и шептал он. — Ведь это клад, клад! Это же музей настоящий! Только бы выйти отсюда!

Он схватил несколько книг поменьше, вернулся к Кате.

— Вот, — сказал он, усаживаясь у лучины. — Слушай! «Государю нашему, Атаману войска донского Кондратию Булавину послание...» — прочитал он. И даже взмок. Письмо Булавину!

— Огонь! Горит все, — внятно сказала вдруг Катя.

Петька вздрогнул.

— Мама, не пускайте Колю на улицу без валенок — простудится ведь.

— Что? Что с тобой, Катя? — спросил Петька и понял, что девочка бредит.

Ему стало страшно. Он почувствовал, что и его самого знобит. А не ели они уже второй день. Он уселся у пылающей печи и стал глядеть в огонь. «Вот оно, приключение! — думал Петька. — Да если бы мне рассказали о таком, я бы босиком по снегу сюда пошел! Скит, сотни книг, которым цены нет... Кому расскажи — не поверят. Да ради этого можно жизнь отдать... Да, но только свою жизнь, собственную! А не этой рыжей девчонки».

Он вспомнил деда Клаву, бабушку. Как они, наверное, сейчас тоскуют и мечутся. Как, наверное, едет на тракторе Катин отец, проламывает метель, ищет их. Как наехала милиция, как идут люди сквозь буран с собаками... И ничего отыскать не могут. Он вспомнил отца, маму. И поймал себя на том, что он ничего про них не знал.

— С ума сойти! — сказал он себе. — До три-

надцати лет дожил и не спросил, где мой родной дед и бабушка, пока отец не рассказал.

Сложная, трудная жизнь шла вокруг Петьки, а он ее не видел. Он вспомнил, как однажды отец пришел домой ужасно расстроенным. Как он хватал себя за голову и кричал, что больной погиб по его вине, что он преступник... И два его товарища успокаивали его и говорили, что он напрасно мучает себя, что он настоящий хирург и сделал все, что мог...

А Петьке было смешно смотреть из другой комнаты, как отец еле стоит на ногах. А, может быть, в тот самый момент отец нуждался в нем, в Петьке? Почему он не расспросил его на следующий день, что случилось? А мама? Что о ней мог сказать Петька? Ничего! То, что она физик? И все! Она как-то пыталась рассказать ему о своей работе, но он не стал слушать. А ребята в классе?.. Зачем он дразнил их, зачем рисовал на них такие злые карикатуры? Откуда взялось у него это право насмехаться над другими?

Он вспомнил, как раздражали его бабка и дед Клава. А ведь это, наверное, были единственные люди, которые любили его просто так, за то, что он есть. Ведь они ему были даже не родственники. Ради своей выдумки, чтобы похвастать перед деревенской девчонкой, устроил он этот поход за елками. А теперь смотрит, как она страдает, и ничем не может помочь!

И никто никогда не узнает о том, как погиб он, Петька Столбов. Никогда о нем не заплачут, как о тех погибших героях-партизанах. А еще жальче было, что никто и никогда не узнает о тех сокровищах, что отыскиали они, Петька и Катя. Ведь их находка могла осчастливить десятки людей. Наверняка в этих книгах есть и рецепт золотой россыпи, и старинные сочинения, и, кто знает, может быть, еще неизвестные летописи.

Он вспомнил Николая Александровича. Два года он будет раскрывать книгу, отклеивать страницу за страницей. А здесь десятки книг умирают. Их некому читать. Кто знает, о чем кричат эти страницы? И он, Петр Столбов, ничего не может сделать.

— Нет! — сказал он громко. — Нет! Полумертвый, но дойду до людей! И Катю выручу, и Орлика...

Он представил себя в кабине трактора. Вот он едет по полю и длинные борозды тянутся за плугом. А на краю поля среди берез стоят Катя и дед Клава, и бабушка, и Орлик. Катя машет ему. Он заглушает мотор, идет к ней через борозды. Катя расстилает на траве полотенце, раскладывает деревянные ложки. Дед режет огромный каравай хлеба.

— У нас земля хорошая, — говорит он, — только ее мало. А хлеб хороший родит. Спасибо

тому, кто посеял! Спасибо тому, кто жал! Спасибо тому, кто тесто месил и в печь сажал!

Чудо, как пахнет хлеб. Как прекрасна его золотая пористая мякоть! Как восхитительна его румяная корочка...

Конь на повете вдруг затопал, заходил. Петька очнулся. Ему показалось, что кто-то прошел в сенах. Волки! Он схватил рогатину и вскочил, заслонив собою Катю.

Дверь отворилась. На пороге стоял в клубах морозного пара Антипа Пророков.

— Мир дому сему! — пророкотал он низким басом, снимая шапку и обметая ею валенки. — С Новым годом! Вот вы где. А вас район ищет. Ну, слава богу, живы!

Петька выронил оружие.

Хозяин болота

Антипа поднял рогатину. Усмехнулся.

— Я как узнал, что вы Орлика взяли, — сказал он, — сразу понял, что если вас волки пугнут, конь сюда подастся. Он ведь здесь родился. До году тут, в этой повете, стоял. Я ему сено на болоте косил. Мой это конек. Ну, а потом, как стало мне кормить некого, так я его и отпустил. Клавдий — подобрал. Пошел звонить потом — болотный конек. Я возражать не стал. Он человек хороший — пусть радуется. Мы ведь с ним одногодки.

Антипа говорил очень медленно. Слово от вык он от слов. А руки у него ходили проворно. Он открыл банку с тушенкой, налил из фляги молока, достал из мешка котелок и через несколько минут уже поил с ложки Катю каким-то снадобьем. Петька уплетал тушенку с хлебом, он не мог дожидаться, когда согреется молоко, и пил его так, ледяное.

— А что? — спросил Антипа, глянув искоса на Петьку. — Заколоть меня, как медведя, мог?

Хотел Петька соврать, но не так на него смотрел Антипа, не вранья он ждал.

— Мог! — выдохнул Петька и добавил: — Страшно ведь было. Волки!

Антипа помолчал и только рука у него поднялась, чтобы погладить мальчишку по голове, но не погладил.

— А ведь ты, паря, — сказал он, откашлявшись, — тоже простуженный. Дай-ка и тебя полечу. Я тут, наверное, лет десять не был. А банька-то, поди, цела еще...

Он ушел топить баню. А Петька побежал в читальню. Вытащил книги и стал увязывать их в какое-то широкое полотенце. Два больших тюка набрал он. «Нет! — подумал он, — так нельзя. Всего не увезешь. Надо опись составить. Пересчитать все. Десятки книг! Десятки икон! А костюмы! А утварь! А посуда!»

— Малой! — крикнул из сеней охотник. — Ну, ходи... Взгрел я баньку.

Раздевались на улице, за маленькой загородкой. Одежду Антипа аккуратно раскладывал где-то там, в черном жерле банной двери. Ворочался он медленно, как медведь в берлоге. В дверь плечищи свои старый охотник просунуть не мог. Входил боком. Вот на боку и увидел Петька шрам, похожий на маленькую воронку.

— Попробуй русской баньки, попробуй! — говорил Антипа.

Петька сунулся в темноту, и ему показалось, что он попал в огонь.

— Ходи, не бойся, — рокотал Антипа. — Давай на полок.

Хватая воздух ртом, Петька завалился на горячие доски. Дрожь колотила его, все тело покрылось гусиной кожей. Ему чудилось, что он промерз насквозь, и от жары этот холод стал еще сильнее. Две горячие ладони так опустились на Петькину спину, будто попал он под пресс.

Антипа мял его кожу, кости, суставы, но не было больно от этого. Потом охотник взял два веника и стал махать ими в воздухе, и жаркие волны окатили мальчишку. Затем веники пошли гулять по нему от пяток до макушки, находя остатки холода и озноба, выгоняя их из тощего Петькиного тела.

Стонал и выл горожанин шестиклассник Петр Столбов в древней баньке, собственной шкурой принимая сеансы народной медицины. Антипа окатил его водой. И все Петькино тело налилось упругой силой. Ему показалось, что если он сейчас выскочит наружу, то сможет огромными прыжками понестись по снежной равнине. Легкий, упругий, как пружина!

Антипа парился долго, со стонами и всхлипываниями, несколько раз выбегал и катался в сугробах. А Петька блаженствовал, лежа на полу и чувствуя, как остывает баня, но не уходит ровный жар из его пропаренного тела.

— А что это у вас, Антипа Андреич? — спросил он, дотрагиваясь до шрама.

— Гм... — кашлянул охотник и вдруг спросил заметно дрогнувшим голосом: — А откуда ты мое отчество знаешь?

— На памятнике прочитал. Догадался... — прошептал Петька.

— Гм... — помолчав, сказал охотник. — Это правильно, что на памятнике прочитал. Должен был и я там быть. Да вот... Стало быть, нет моего часа, надо жить. Может, и хранила меня судьба, чтобы вот и вас отсюда вывел. А может, чтобы возмездие свершил... Ты вот рогатиной на меня — это правильно. Бойся коня сади, быка спереди, а человека со всех сторон. — Он поворошил в каменке угли. — Моих-то вот убивали.

— Так ведь это фашисты были!

— Фашисты,— согласился Антипа.— В черных мундирах все. Между собой, как собаки — гам-гам-гам... Я к деревне-то вышел, да опоздал. Там уж и дым развеялся.— Антипа говорил словно сам с собой.— Нагнал я их. «Не в ту сторону, говорю, идете. Давайте я вас через болото проведу, на ту, значит, сторону». Обрадовались! «Гут!» — говорят. Ну, я им «гут» и устроил.— Антипа улыбнулся, глядя в огонь, но от этой улыбки Петьке стало не по себе.

— Что вы с ними сделали? — спросил он.

— Спать уложил! — сказал охотник.— Крепко спят. Постеля мягкая. Антипова трясина называется, в мою память! Один офицерик мне напоследок и сделал меточку.

— А сколько их было?

— Все тута, сколько их было... Вот с тех пор и зовут меня хозяином болота.— Антипа горько усмехнулся, и Петька увидел, какой он старый. Как по-стариковски сутулится его спина, как набухли вены на руках.

— Антипа Андреич! — сказал он.— Приезжайте к нам в город! В гости!

Старик растер грудь холщовым длинным рушником.

— Нельзя мне! — сказал он и погладил Петьку по голове.— Нельзя мне. Какой же я хозяин, если я хозяйство брошу. Мне болото нельзя бросить. А то его начисто разорят. Здесь дичь неуганая, ее моментом всю перебьют. Людишки некоторые жалости не знают. Хорошо хоть волки ныне появились, так народ аккуратнее стал ходить — опасается. Вот его, народ-то, так и надо — страхом держать.

Не понравились Петьке эти слова. Но возражать не стал, да и не знал, что возразить. Он припомнил попутчиков своих, тех, кто рассказывал про лосенка. Но ведь не все же люди такие...

После бани они долго пили чай. И Катя тоже поднялась и сидела с ними за столом. Помогло Антипово лекарство. А еще больше помогла еда и уверенность, что теперь они выйдут отсюда.

— Ну ладно! — сказал после чая Петька.— Пойду в читальню опись составлять.

— Какую опись?

— Книги перепишу, какие тут есть, для музея...

Антипа нахмурился.

— Пустое, брось! Не вороши! Зачем это? Глумиться! Мало тут коробейников этих ходит, у бабок прялки выманивают! А книги — не прялки, это мысль человеческая! Я тебе ни одной книги стронуть не дам.

— Так ведь они пропадут тут! — пытался возразить Петька.

— Двести лет лежали и еще столько же пролежат... А потом пусть лучше пропадут, чем

шаромыжникам каким-нибудь достанутся.— Антипа взял мальчишку за плечи.— Все, что видел тут, забудь! Никому рассказывать не смей! Да тебе никто и не поверит. Скажу, что, мол, замерзали ребята, а я вас в Гончаровке отыскал. Где эта Гончаровка, тебе ведь тоже неведомо! Есть такая — тоже дома пустые. А тропу к болоту — только я и знаю! Ни тебе, никому другому не найти.

Гость гостю рознь

Антипа Пророков был прав. Как ни старался Петька запомнить дорогу — не запомнил. Уж больно много было поворотов. Порой старый охотник останавливался и начинал считать шаги.

— Пятнадцать вправо, семь прямо, двенадцать направо... — шептал Петька, но запомнить невозможно было.

В серых сумерках, в снегопаде, все болото было ровным, белым и одинаковым. По каким приметам вел его Пророков, Петька понять не мог.

Встретили их, как выходцев с того света. Бабушка готова была задушить Петьку, обнимая, дед прослезился и уговорил старушку устроить «особливое угощение». А вот Катя расхворалась всерьез. И Орлик на болоте простудился и так страшно кашлял и хрипел, что было в горнице слышно.

Все — и милиционер из района, и отец Катин поверили, что ребята ночевали в Гончаровке. Хотел Петька сказать, что это неправда. Но глянул на сутулую спину Антипа и почему-то не сказал. «Выйдет, я говорю правду, а этот старый и гордый человек — врун?» — решил Столбов.

Он-то знал, каково быть вруном. Кроме того, хоть и считал он, что Пророков неправ, а все-таки стояли у него в глазах «шаромыжники», как называл их Антипа. Ведь они клад растащили бы моментально. «Нет! — решил Петька.— О кладе можно рассказать только очень верному человеку. Николаю Александровичу, например».

На следующий день он проснулся, как всегда, от беготни Лазера, ст вздохов бабушки, от визжания дедовского станка. Но не было в Петьке раздражения. Наоборот, все это показалось ему удивительно родным и необходимым. И Петька удивился, как это он жил раньше без бабушки и дедушки, без этой лесной радости.

— Дедуны! — попросил, он сразу же, как явился после завтрака в мастерскую.— А дай мне резать попробовать...

Дед засуетился, вытирая рукавом резец, разгребая ногами стружки.

— Ну-ко, ну-ко...

Петька взялся за дрожащую сталь. Дед положил свои крепкие узловатые руки поверх Петькиных.

— Давай, милай, полегонечку... Аккуратно веди, от плеча. Помаленечку. Ровненько, ровненько. Веди-веди...

Петька припомнил, как в первом классе, когда мама учила с ним уроки, она вот так же приговаривала: «Веди, веди, веди...» И он взмок от усердия. Несколько первых заготовок он запорол. Резец вдруг вырывался из рук и получалась такая зазубрина, что все шло на смарку. А один раз Петька чуть себе глаз не выбил.

— Отдохни, отдохни,— сказал дед, усаживая запыхавшегося Петьку.— Ничего! Не враз Москва строилась, научисси...

И ловко, и спокойно стал исправлять те огрехи, что наковырял мальчишка.

— Дело-то не хитрое,— приговаривал старик,— а сноровки требует. Надо помаленечку, не торопясь, веди резец, как песню...

Петька залюбовался им. Щуплый, с остренькими плечиками и тонкой морщинистой шеей, дед был удивительно ловким. Резец, такой непослушный в руках Петьки, был совершенно покорен деду.

Дед вырезал посуду, словно лепил ее, отсекая все ненужное.

— Дедунь! — сказал он восторженно.— А ведь ты художник!

— Эва! — засмеялся старичок. — Хватил! Художник! Я и расписывать-то не умею, как надлежит, а резать да точить — это ума не надо.

— Это талант надо! А рецепт, как краски делать, я тебе достану!

— Ну-ну-ну. Достань! Вот все химии-физики изучишь — и достань!

— Тут химии да физики мало,— сказал Петька задумчиво.— Тут историю не мешало бы знать.

— Это точно! А мне бы топором способнее. Нам хоть избу скласть, хоть часы починить, только в часах топором не развернесси...

Столбов вспоминал обветшавшие избы скита, провалившуюся стену. «Вот бы кого на реставрацию поставить...»

— Мир дому сему! — Он даже вздрогнул от этого знакомого приветствия. На пороге стоял Антипа.

— Антипушка, гостенька дорогой,— захолопал дед Клава.— Милай ты мой, не забыл, вспомнил, сейчас мы ты к столу...

— Не сопоти, Клавдий! Я к тебе за делом. Малого твоего хочу взять. Работа есть.

— Кака-така?

— Он у тебя на лыжах знатно бегаёт. Вот и дело есть — осины со мной для лосей валить... Согласный? Лесничество оплатит.

— Согласен! — выдохнул Петька.

— Вот и ладно! — нахлобучил шапку Антипа.

Они до темноты ходили тропами, ведомыми только Пророкову. Выбирали осины посочней и, подрубив с одного края, брались за двуручную пилу.

— Ты от себя-то не толкай! — приговаривал Антипа.— Ты на себя тяни, а потом отпускаяй и ровней веди!

— Мы ведь хорошие деревья губим! — сказал Петька, когда они уселись на срубленный ствол закусить холодным молоком и хлебом.

— Не губим, а спасаем! — улыбнулся Антипа.— Этого дерева лосю надолго хватит. Он его по всей высоте обгложет, а так — только бы у корня. Там и кора хуже, и больше деревьев зверь губил бы. Да еще сосенками молодыми стали бы лакомиться — верхушки сгрызать. А так и сыт будет, и лес цел. Ну-ка... — Он встал и замер.— Идут!

Темная тень с хрустом двигалась по лесу.

— Становись с подветра! — прошептал Антипа. Они быстро обежали поляну так, чтобы ветер дул на них.— Смотри!

На белый чистый снег, вороша его, вышли лоси. Их было пять. Впереди шел огромный старый самец. Он остановился, чутко принюхался и пропустил остальных вперед. Два голенастых лосенка принялись за только что срубленную осину, а старик стоял, высокий, сильный, мощно вдыхая морозный воздух.

— Вот это да! — сказал Петька, когда они отошли на порядочное расстояние.— Красота-то какая!

Антипа лишь усмехнулся.

— Вы знаете, я никогда не видел диких зверей. Они необыкновенные.— На Петьку напал приступ разговорчивости. Он говорил и говорил. — Спасибо вам большое! Что вы меня взяли с собой! Вы не смейтесь, что я говорю много.

— Я не смеюсь,— ответил старик.— Чего смеяться.

Они вернулись в сумерках. В избе деда громко играла гармошка. Они вошли в горницу, и Петька увидел своих попутчиков по поезду.

— Петяша,— обрадовался дед.— Вот ко мне покупщики пришли. Работу мою покупают.

— Да уж выручим тебя, старик! — сказал длинноволосый парень в свитере, разливая водку и тыча вилкой в капусту.— Пятак штука!

— Да что ты, милай, да побойся бога! По пятаку — это ж насмешка над моим трудом!

— Как хошь! — сказал покупатель и опрокинул в глотку стакан.— Кому твой товар нужен? Так, для любителя, и все. Больше пятака не могу. Это ж деревяшки. Вот иконы если б, тогда по трешнице за доску...

Они пили водку, чавкали капустой. А дед, принаряженный в новую рубаху и пиджак, все

пытался возражать, что, мол, не за деньгами он гонится, а что труд его не ценят.

— Дед, не ломайся,— похлопал старика по острому плечу новоявленный коробейник.

Голова деда мотнулась. Грустно поник задорный вихор.

Петька смотрел на этих наглых парней, на тощего подвыпившего старика, на его острые плечи, на тонкую морщинистую шею.

— Дедуны! — сказал он громко и совершенно неожиданно для себя. — Ты зачем этих в дом пустил?

— Ты что, это ж гости! — ахнула бабушка.

— Какие гости! — закричал Петька. — Я слышал! Они тебя, дедуня, позорят. Они!..

— Ну ты, щенок! — пьяно развернулся длинноволосый в свитере.

— Бабуля! — закричал не своим голосом Петька, и ярость захлестнула его. — Гони их!

— Чокнутый! Ненормальный! — один из покупщиков уже шарил и не находил своей шапки.

— Ты, дед, укороти мальчишку!

— Петя, Петяша... — растерянно заговорил старик.

Антипа Пророков не проронил ни слова, стоял с ружьем за плечом, как изваяние, но по тому, как часто оглядывались на него баракольщики, не трудно догадаться было, что не столько мальчишка их смутил, сколько этот суровый чернобородый егерь.

С грохотом вывалились в сени, на крыльцо подвыпившие городские и припустили через двор. Чувствуя обстановку, забился на цепи, хрипя от злости, Лайнер. Он и в самом деле мог сейчас потрепать этих незваных торговцев.

— Петя! Петяша! — приговаривала бабушка. — Позор-то какой! Да разве можно на гостей-то! Какие бы ни были...

— Ничего, обойдется, — хрипло вымолвил Антипа. — Немцы тоже гостить собирались.

— Так то же война была, — всхлипывала бабушка.

А дед присмирел, склонил голову к столу и молчал.

— Спокойной вам ночи, — сказал Антипа и вышел, плотно прикрыв дверь.

Хожу вперед — смотрю назад

— Далеко ль собрался? — спросил Петьку Катин отец, когда мальчик вышел на крыльцо.

— Пророкову помогать.

— Садись, подвезу, — тракторист приветливо открыл дверцу газика, в котором возили на работу мелиораторов.

Они выехали за деревню. Лес стоял, словно

накрытый матовым молочным колпаком. Беледая дымка застилала деревья.

— Хороший день, серебряный! — сказал тракторист, начиная разговор. — Когда солнышко, тогда день — золотой. А нет его — серебряный. Вот тридцать семь лет живу на свете, а все решить не могу — какие дни мне больше по нраву.

— Здесь хорошо, — нехотя отозвался Петька. — Здесь и морозный туман какой-то сухой. А у нас в городе мороз хуже.

— Стало быть, в деревне лучше?

— Кто где привык, — уклончиво ответил Петька.

— А я вот деревню предпочитаю. Тут природа. Тут хорошо.

— Так что же вы эту природу тракторами переворачиваете?

— Э... — посмотрел на Петьку тракторист. — Где-то эти слова я уже слышал. Не Антипа ли Пророков тебя научил?

— А хоть бы и Антипа?

Странное дело, с Антипой Столбов тоже спорил, а стоило заговорить с кем-нибудь, он начинал повторять все, что говорил ему старый егерь.

— Да, брат, я гляжу вы большие приятели...

— Да уж какие есть, — независимо покрутил головой Петька.

— Человек-то Антипа Андреич не худой, да сложный, не простой человек.

— А простота, по-вашему, — хорошо?

— Не современный он человек, — словно не слыша его, говорил Катин отец, ловко объезжая ухабы. Газик подпрыгнул в обледенелых колеях. Весело было катить по лесной дороге. — Я раз ему сказал, что, мол, устарелые твои взгляды, Антипа Андреич, а он вроде тебя ответил... Уперся твой Антипа в прошлое и ничего кроме него видеть не хочет. Его бы воля, он бы и спички запретил — кремнем да кресалом огонь бы добывал.

«А верно, он вроде и не спичками огонь тогда разводил, а кремнем да кресалом...» — припомнил Петька.

— А так жить нельзя, — продолжал Катин отец. — Это как машиной управлять, да не на дорогу смотреть, а в зеркальце заднего обзора...

Петька посмотрел на Катиного отца, и ему показалось, что тот похож на старого егеря. Такие же густые кудри, только русые, а не черные с проседью, такой же упрямый взгляд. Только лицо молодое, бритое.

— Нельзя жить одним прошлым, — твердо сказал тракторист. — Разобраться надо — все хорошее оставить, а худое долой. Вон у нас избы, как раньше строили, так и теперь — потому опытом выработано. Была изба и осталась. А лучина — шабаш. Нет лучины, Электричество.

— Живой-то огонь красивее...— не уступал Столбов.

— Чего?— тракторист даже руль отпустил.— А ты жил при этом живом-то огне. Вот то-то, что нет... А я в войну при лучине насиделся, так пропади она пропадом. Горит, проклятая, быстро. От ее «живого огня» больше копоти, чем свету... Погоди-ка, у меня тут кормушечка прилажена.

Они вышли из машины, по еле заметной тропке пробрались на небольшую поляну.

— Смотри!

А смотреть было на что. На высокой березе, запущенной инеем, словно малиновые яблоки, сидели снегири. Их было больше десятка. Они тоненько посвистывали и степенно клевали развешанные повсюду гроздья рябины. Тут же snowвали желтогрудые синицы, а чуть подале исследовал дерево красноголовый дятел. Он чем-то напоминал начальника в красной фуражке. Деловито перебирался он по стволу и выбивал звонкую дробь крепким носом.

— Лет пять уж тут им столовую устраиваю,— проговорил тракторист, когда они вернулись к машине.— Когда-нибудь и люди и звери будут вместе жить и друг другу не мешать. А природа будет не дикая, а культурная... И голых на земле не будет, и леса останутся, и поля, и болота тоже, чтобы рекам основание дать... И техника нужна. Сейчас с одним топором много не наработаешь.

Дорога кончилась, впереди слышны были моторы тракторов.

— Твой дед Клава как-то приходил. Я, говорит, раскаялся. В чем дело, говорю, деда? Да, отвечает, милай, ты бы знал, сколько я на своем веку земли перепортил... Как так?— спрашиваю. А так,— отвечает,— лес канавой окопаем, да зажжем. Раскорчует, года три сеем, а потом бросаем—урожай снизились. Новый участок корчует... А земля пропадает—заболачивается... Я, говорит, раскаиваюсь... Видал? Дед-то правильно рассуждает. Нынче без техники нельзя... Старое помни! Старым гордись, а живи по-новому. А то получается: хожу вперед—смотрю назад! Ну, беги—вон тебя твой лесовик дожидается... И насчет земли не опасайся. Мы вам, молодым, значит, ее в полной форме передадим, только работайте...

Мир добром держится

Удивительно, как стало Петьке времени не хватать! Подымался он теперь вместе с дедом и не успевал умыться, как приходил кто-нибудь из соседей или бригадир.

— Клавдий Потапыч,— попросил бригадир однажды, снимая каракулеву ушанку с лысой

головы,—сделай милость. С парнишкой своим двумя санями сгоняйте на станцию. Там, вишь ты, трубки керамические привезли для мелиорации. А у нас послать некого.

И катили они с дедом на станцию. Не успевали погрузить эти короткие, тяжелые, как кирпичи, трубки и накормить лошадей, как приходил Катин отец.

— Петруша!— говорил он.— Ты у нас лыжник, свежи на Касьяновское поле напарнику моему подшипник. У него трактор встал, сейчас по рации передали.

И Петька летел на своих лыжах через Касьяновский лес на край поля, где застыл трактор, и тракторист, промасленный и пропахший соляжкой, ждал Столбова, как спасения!

А после обеда приходил Антипа, и они шли в лес заготавливать осиновые жерди или возить сено на дальние участки, или сыпать соль в лосиные кормушки. Антипа исподволь: учил Петьку разбирать следы, примечать дорогу, обращаться с ружьем и всем тем сложным наукам, без которых не обойтись охотнику.

— Глянулся ты Антипе! Привязался он к тебе!— сказал как-то дед.

Он вырезал ложку, а Петька вытачивал на станке большого деревянного снеговика, Кате в подарок.

— Он мне тоже нравится,— сказал Петька. Точить было сложно: три шара, да еще ведро на голове. А выточить он хотел как следует.

— Мужик-то он золотой!— подтвердил дед.— Да все злодеев вокруг видит.

— Ха!— сказал Петька.— Семью убили! Один на всем свете. Как ему еще на мир смотреть? Озлобишься!

— Так оно, так,— почесал бороденку старик.— Да только мир-то добром держится. И человек злобой да ненавистью жить не может. С ума сойдет... Либо подобрее!

— С его работой с ума сойти не трудно. Он в день по сорок километров пробегает на лыжах, в его-то годы! И видит-то одних браконьеров.

— Да я не к тому!— досадливо сказал дед.— Я тебе толкую, что одинокий он. И в голову себе втемяшил, что так оно лучше. А так нельзя. Я к тому, Петяша, говорю... Ты резцом-то не ковырай, не ковырай! Ты веди плавно! Я к тому, Петр, что вот он к тебе расположен, дак ты его не гони от себя-то. Он душой застыл. Пушай он к тебе привыкнет! А?— И старик жалостно посмотрел на Столбова, словно для себя просил.

— Дед!— сказал Петька.— Знаешь, что?

— Ну?

— Я тебя люблю!— и Петька чмокнул старика в морщинистую щеку.— Ты у меня самый лучший на свете.

— Та наговоришь! — расцвел дед. — Фулюганя!

Петька расписал снеговика цветами и поставил сушиться. А сам взял мороженой рябины и пошел Катю проведать, он к ней все время ходил, а то и по два раза в день.

Катя лежала в светелке. Она очень обрадовалась и Петьке, и рябине.

— Можно бусы сделать, — сказала она, перебирая ягоды тоненькой похудевшей до синевы рукой.

— Ты ешь! Сладко! — сказал Петька. Не мог он спокойно смотреть на эту девчонку, совесть мучила, что загубил ей каникулы.

— Петя! — прямо глядя ему в глаза, сказала девочка. — А что ты не расскажешь, где это мы на болоте были?

— Да не на болоте вовсе! В Гончаровке были.

— Да? А я все царство какое-то деревянное вижу. И будто на мне сарафан парчовый и кокошник, как у принцессы... И огни горели...

— Нет, — отвел глаза Петька. — Это тебе в бреду.

— Зачем обманываешь, Петя? — Катя потянулась и вынула из-под подушки ту самую книгу, что читал ей Столбов там, в скиту. — Это в мешке моем оказалось. Сам же, наверное, второпях положил.

Петька покраснел так, как не краснел никогда.

— Катя! Ты должна меня понять, — запинаясь, начал он. — Это не наш секрет...

Катя внимательно выслушала все, что он сбивчиво говорил ей и про ценность находок, и про одиночество Антипа, и про опасность со стороны барахольщиков, и про совершенно справедливые опасения старого егеря. Девочка машинально перебирала ягоды, рассыпанные на одеяле.

— Знаешь, — сказала она, подумав, — ты отдай Антипе Андреичу книжку эту. Скажи, мы случайно унесли. Пусть он нас за воров не считает. И ты, Петя, на него не обижайся. Это ведь его родной дом, скит-то. Хочет — пустит туда, а хочет — не пустит...

— Неверно! — загорячился Петька, совсем не замечая, что противоречит самому себе. — Это народное достояние, это все нужно передать в музей. Он не имеет права все под секретом держать.

— Ты ему, Петя, книгу-то верни, — тихо сказала Катя. — Я тебя прошу. Очень прошу. А про скит и я молчать буду.

— Ладно! — буркнул Петька, запихивая книгу за пазуху и нахлобучивая шапку. Он крайне был недоволен собой, чего с ним вообще не бывало. — Давай, поправляйся. Пошел я!

— Петя! — сказала ему вдогонку Катя. — А знаешь, почему наше болото не замерзает?

Там ключи горячие. Я в этой книжке прочла. И еще: как эти ключи начинают сильно бить, так во всей окрестности неурожай. В этой книжке за сто пятьдесят лет наблюдения записаны...

— Видишь! — сказал Петька. — Это ж научные сведения! Им цены нет! А он их прячет...

«Ну, почему я такой? — горестно соображал Петька, отфутболивая с дороги смерзшиеся лошадиные яблоки. — Только что защищал, а теперь на него же нападаю. Что у меня — своей головы нет?..»

Каленая стрела

— Ты на меня не сердчай! — говорил Антипа. — Я от людей добра-то немного видел. И никаких у меня обязанностей перед ними не имеется.

Они сидели на поваленной осине. Петька отдал старику книгу, и тот говорил глухо, словно убеждая самого себя.

— Сам посуди. Все мѣи прадеды двести лет в болоте от людей прятались. А ведь не воры, не разбойники! Одного хотели — воли. А их за это в тюрьмы и в рудники, и в Сибирь! А эти вот пришли, поджигатели-то! Стариков, детишек невинных пожгли. Это как?.. То царисты, то фашисты, то вовсе пятые-десятые... Все одинаковые!

— А дед Клава? — осторожно спросил Петька. — Он ведь тоже человек. Он детей всю войну прятал, жизнью рисковал!

— Пошли! — сказал охотник. — Сам-то ты, небось, меня рогатиной встретил. А барахольщиков-то из дома выгнал. А? Пойдем-ка. Нам еще двадцать третий участок посмотреть надо. Что-то вчера там двое городских шныряли, не учинили бы беды.

Старик оттолкнулся палками и покатил под гору. Петька за ним. Он бежал легко и сильно выбрасывал вперед палки, дышалось свободно, хвойный воздух бодрил.

— Замотал ты меня! — закричал Антипа. — Здоров ты на лыжах ходить. Становись первым, я отдохну.

Они поменялись местами. Теперь Петька шел первым, а егерь бежал следом.

— Что? Не любишь, когда на пятки наступают? — смеялся он. — А все ж удивил ты меня с этой книгой! — прибавил он вдруг. — То вон как дрожал, а тут отдал! Удивительно...

— Ничего удивительного! — повернулся к нему Петька. — Это ж ваше! Мы чужого не берем.

— Да уж я и то гляжу, — примирительно сказал Антипа. — Хороший ты парень. Я к тебе привык, знаешь...

Но в этот момент Петька ткнулся в какую-то проволоку грудью. Она сорвалась, резанула

его по горлу. И в ту же секунду что-то свистнуло над головой мальчишки. Падая, он услышал, как охнул Антипа. Когда Столбов вскочил, он увидел, что старик лежит навзничь. А из груди у него торчит — Петька не сразу понял что — стрела! Большущая стрела, толщиной в два пальца с наконечником в мужскую ладонь. Она пробила ватник егеря, но вошла в грудь на-косо.

— Все! — хрипло сказал Пророков. — Кажется, конец.

— Что это? — спросил потрясенный Петька.

— Самострел, — опуская веки, ответил охотник. — Браконьеры на лося ставили... Прощай, сынок!

— Антип Андреич! Что вы! Антипа... — заголосил Петька, падая на колени. — Не умирайте! Не надо! Пожалуйста!

Он хотел вырвать стрелу, но вспомнил, как читал где-то, что кровь тогда не остановить.

— Что же делать? Что делать? — причитал он, ползая на коленях.

— Ничего, — прошептал егерь. — Ступай. Волки доделают.

— Нет! — закричал Петька.

Он стащил с Антипы лыжи, пошарил в кармане, нашел два гвоздя, этого было мало. Тогда он вернулся к той проволоке, что привела в движение самострел. Раздирая кожу на ладонях, отломал несколько кусков. Потом без сожаления сломал свои лыжи и обломки их укрепил на лыжах охотника. Получилась волокуша.

— Антипа Андреич, поменьшечку переползай! Переползай, пожалуйста.

Старик открыл глаза — в них не было боли. Долго смотрел на Петьку, потом, осторожно забрега локтями, заполз на волокушу.

Тяжелым был егерь, страшно тяжелым, а снег глубоким. Петька, опираясь на лыжные палки, тянул и тянул волокушу за режущую плечо проволочную лямку. Он не помнил, сколько шел. Сердце колотилось где-то в ушах, голова раскальвалась. А дышать было так трудно, словно огнем дышал.

— Ничего, ничего! — приговаривал он во время остановок, растирая старику побелевшие щеки. — Не дам помереть! Не дам!

Старик был в полузабытьи, он иногда что-то говорил, просил оставить его. Потом стал называть Петьку разными именами:

— Матвеюшка, — шептал он, — сильный ты у меня какой! Сереженька мой!

Петьке хотелось кричать от этой путаницы, он понимал, чьими именами называл его егерь. Ему казалось, что идет он очень давно. Что вообще все давно кончилось. Что не было ни города, ни школы, а всегда был этот лес и проволока, готовая вот-вот распилить его пополам... Он не знал, сколько он шел. Но когда лес вдруг кончился и Столбова ослепил свет тракторных

фар, он уже не мог ничего вымолвить и очнулся только в бараке мелиораторов.

— Ну, паря,— говорил, растирая его, милиционер.— Ты никак двужильный... В старике килограмм девяносто, а ты его шесть километров волок.

В бараке были люди с ружьями. Доктор в халате. И радист кричал в микрофон:

— Да! Да! Значит, сначала примете раненого, а потом вертолет верните. Да, он нужен для облавы. Охотники собрались. Да, двадцать семь человек. Вооружены. От райцентра выслали вездеход!..

— Жив Антипа Андреич? — спросил Петька.

— Теперь-то выживет! — ответил кто-то.

Бережи честь смолоду!

А, может, все это приснилось? И не было ни леса, ни старого егеря, ни Кати... Петька стоит у стола. А ребята говорят обидные слова.

— Врун! Врун! — кричит Васька Мослов.— Систематически обманывает коллектив.

Пионерский суд над беззастенчивым вруном Столбовым состоялся в первую неделю третьей четверти. И все происходило так, как и предполагал Петька. Только отца не было на суде, а мама не смогла придти: у нее «полетела» какая-то установка и она задержалась на работе.

Но Петьке от этого легче не было. А тут еще на суд пригласили учителя литературы Бориса Степановича, единственного учителя, который относился к Петьке серьезно и даже один раз его хвалил за фантазию и находчивость.

Петька смотрел на бушующий негодованием класс и ему казалось, что ребята говорят не о нем.

— Наврал, что у них провалилась ванна и три этажа залило кипятком! Обманул учителя, сказал, что пошел к зубному врачу, а сам был в кино! Придумал товарищу Орлова! Не сдал отрядный дневник! Не сдал макулатуру! Выкрасил в живом уголке черепаху светящейся краской. Нарисовал карикатуры на классный актив и устроил выставку!

— Он же врёт не со зла, а для смеху! — Это Панама-Пономарев за Столбова заступается.

— Петечка! — шепчет Маша с первой парты.— Проси прощения, скажи, что больше не будешь. Ну, что тебе стоит?

— Ребята,— сказал Петька,— я теперь совсем другой. Тут много всего за каникулы произошло. Я совсем переменялся, честное слово.

И он начал рассказывать про болото, про скит и про книги...

Сначала его слушали замороженно. У второгодника Сапогова прямо глаза на лоб вылезли и рот открылся так, что казалось, он нижней

челюстью парту зацепит. Но когда Петька стал рассказывать, как он тащил Антипу шесть километров, Борис Степанович — сам Борис Степанович! — покачал головой и сказал:

— Нет, Столбов, ты неисправим!

— Староверовский скит! Ха-ха-ха! — зарокотал второгодник Сапогов. — Вот умора! Деревянное царство!

И вслед за ним захохотал весь класс. Даже Панама смеялся! Даже Маша Уголькова! Даже Борис Степанович!

Петька смотрел, как дергаются и багровеют от смеха ребята, как Сапогов, дубина Сапогов, валится от смеха с парты, и вся эта картина заволакивалась у него туманом. И класс стал стихать. Потому что увидел, что признанный классный шут и клоун, врун Столбов... плачет. Это было так неожиданно, что класс растерялся. И никто не задерживал Петьку, никто не побежал за ним, когда он взял портфель и медленно вышел из класса.

Он шел длинным коридором и ему хотелось назад в деревню, туда, где он был нужен. Где никто не смеялся над его рассказами. Где Катя удивлялась его уму. И жизнь была настоящая! Трудная, суровая, интересная! А главное, Петька скучал по избе, по лесу, по болотным полям, по деду с бабкой. По работе, к которой успел привыкнуть.

Он очнулся, когда за плечи его обнял Борис Степанович.

— Петя, — сказал он. — Неужели ты говорил правду?

На этот вопрос Петька мог только шмыгнуть носом.

— Это поразительно! — взъерошил себе волосы учитель. — Ты первый раз говорил правду и тебе не поверили.

— Это нормально! — сказал Петька. — Береги платье снову, а честь смолоду... Фольклор.

— Ты действительно переменялся. Петя, ты извини меня, что я смеялся.

И Петька простил учителя и всех ребят, и даже Ваську Мослова, потому что он был в сущности добрым человеком. А дома его ждала бандероль. Когда Петька разорвал упаковку, он увидел знакомую ему книгу в кожаном переплете. «Неужели Антипа Андреич умер?» — было его первой мыслью, и сердце оборвалось. Но тут же он увидел четкую надпись на конверте «Пророков» и облегченно вздохнул.

«Дорогой Петр Михайлович! — начиналось письмо. — Во первых строках письма кланяются тебе твои любящие бабушка, дедушка, Катя...» Дальше шло бесчисленное перечисление имен Катиных братьев, мелиораторов, лесостроителей, егерей, милиционеров, бригадиров, трактористов. И Петьке вдруг показалось, что все они вошли в его комнату. И стоят, улыбаются, по-

хлопывают его как равного по плечам, угощают семечками.

«...Все желают тебе здоровья и успеха в учении, а также ждут на летние каникулы, поскольку осушение идет вовсю и каждые руки на счету. Сообщаю также, что после заживления раны поселился я у Клавдия на отдыхе. Чему очень рад. Катерина Стамукова навещает нас каждое воскресенье, как только из интерната приезжает. Про свои дела она напишет тебе особо.

Дорогой Петр Михайлович! Я тогда был неправ. Но пойми, не хочется кровное и нужное отдавать людям дурным. Мы ведь за это умирали, и не в одном поколении...» (Дальше было совсем непонятно. Видимо, Антипа очень волновался, когда писал.) «...А также посылаю тебе карту Раскольниково болота со всеми промерами, трясинами и путем в скит. Карту и книгу покажи людям сведущим и привози летом учених. Одним словом, принимай скит под свое попечение. Как человек ты достойный. И при нужде защитить достояние родных предков сможешь.

Почитающий тебя за сына Антипа Пророков».

Петька развернул большой лист, вложенный в книгу. Вот оно болото. Отмечены все острова, все ключи. А красной линией вился путь в скит. Тропа была замысловата, изломана, она шла сначала у самого леса, вдоль края болота, и всякий, кто пытался пересечь его по прямой, попадал в трясину.

Можно долго рассказывать о том, как пробиралась в скит специальная научная экспедиция, как пытались помешать ей «барахольщики», как задали они работу капитану милиции Никифорову и его друзьям, как доверил дед Клавдий Петьке свой плотницкий топор, как открылись ребятам новые клады в родной древней земле.

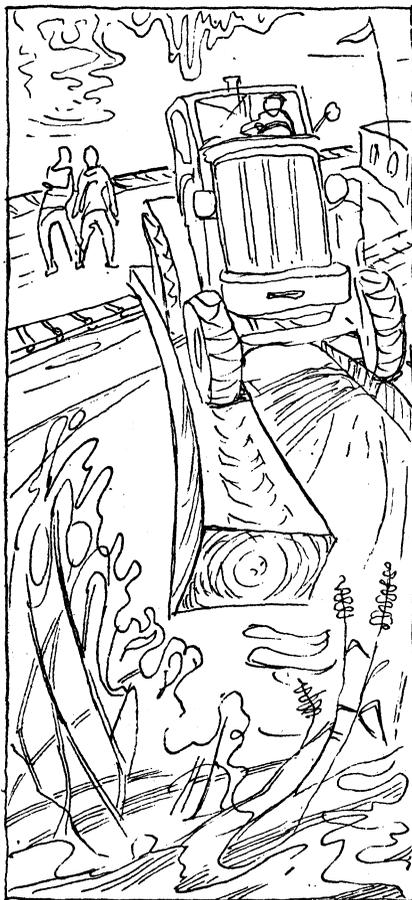
Но это слишком длинная история. И рассказывать ее надо отдельно.

ТРАКТОРИСТ

Юрий
СЕРГЕЕВ

Рисунок
Т. Анпилоговой

Это произошло год назад на Северном Урале, в устье рек Большой и Малой Пельмки. Южные районы поразила сильная засуха: выгорели сенокосы, хлеба, клеверища. А здесь, за сотни километров от Свердловска, на острове Лумпас, зеленели тысячи гектаров трав.

За ними и отправился мощный механизированный отряд с более чем двумястами тракторов.

Добирались две недели. Ехали на железнодорожных платформах, плыли на гулких баржах по узкому Пельмугу.

У самого острова трактористов настиг дождь. Он мог идти долго. А ждать было нельзя: вода заливала и без того влажную поляну и грозила не пустить машины в глубь Лумпаса. Но как выгрузить технику с баржи на высокие скользкие берега? Опытные трактористы отправились в каюту буксирного катера посоветоваться.

Пока они мороковали как и что, Володя Шаров, восемнадцатилетний тракторист из Красноуфимска, наладил два толстых бруса между бортами и берегом и пустил по ним свой голубенький «Беларусь». Такой переезд походил на цирковой трюк. Но он удался! На берегу ждало новое испытание. Небольшая приболотная речушка набрякла от дождей, шире разомкнула берега. Но перебираться-то надо. Опытные механизаторы опять пошли посоветоваться. И опять Володя с друзьями не сдался. Он пристегнул свой теперь уже зелено-голубой от сбитой на колеса и кабину травы трактор тросом к другому трактору и, разогнавшись, попытался на скорости проскочить протоку.

Первый раз застрял на середине реки. Вытащили его обратно, но он застрял и второй, и третий раз. И только на седьмой — проскочил. А скоро тягал другие машины на покоренный берег.

Я встретил Володю на Пельме же, только зимой. Мы сидели в охотничьей избушке. При низком потолке плечистый Володя выглядел особенно солидно. Он с азартом рассказывал, как пытался задержать тонкий лед этой же речушки, когда они вывозили сено. Володя с друзьями нашел выход: пустил днем наледь, а ночной мороз прихватил ее. И потол-

стевший за сутки лед выдержал машины.

Специалисты, обобщавшие опыт северного десанта, позднее подчеркивали: успех его обеспечили именно молодые, сообразительные трактористы, способные на быстрые и нестандартные решения в сложных ситуациях Севера.

Способные... Да, Володя мог провести трактор по скользким брусам — он отличный стрелок, у него верный глаз. Да, он мог бросать раз за разом машину в речной поток — мастерству вождения учился еще в школьной производственной бригаде, кроме того, у него крепкие руки лыжника-разрядника. Да, он мог принимать быстрые, нестандартные решения — в школьном дневнике Володи хорошие оценки по математике, геометрии.

Почему же стал Шаров именно трактористом? Ответ прост. Сколько помнит себя, столько же — трактор под окном, тяжелую мазутную фуфайку отца в прихожей.

Володя признался: после первой же поездки он понял, что машина требует всех сил и умения. Позже он узнал, что специалисты насчитывают несколько тысяч ситуаций, в которых трактористу надо уметь немедленно принять решение. Около двадцати разных механизмов и приспособлений навешивается на трактор: плуги, культиваторы, сеялки, лушпильники, бороны, даже экскаваторные ковши! Все надо досконально знать и, конечно, уметь применять.

— А что главнее всего для тракториста? — спросил я у Володи.

— Подумать надо, сразу не ответишь. Еще на жатве не бывал...

...Прошлый год на уборку урожая в одной только Свердловской области вышли тридцать тысяч механизаторов, около двух тысяч, как и Володя, выпускников сельских профессиональных училищ. Я постарался с ним встретиться. Володя повзрослел, раздался в плечах, картуз его белел от мучного буса — возил зерно от сушилки к мельнице.

— Так как же с главным в профессии? Прояснилось? — напомнил я о давнем вопросе.

— Прояснилось! — ответил он весело. — Знай не ленись, а работа, что надо, — шепнет.

● **Какие они — первые?**

● **Судьба военного выпуска**

● **Крылатые девушки**

● **Отыщи родничок!**

● **Наследники боевого братства**

Есть в газете «Ленинские искры», выходящей в Ленинграде, клуб следопытов. Ребята с удовольствием читают заметки, которые подписывает «Генка-ординарец». А однажды Генка-ординарец рассказал об одном из первых ленинградских следопытов...

Худощавый, робкий на вид мальчишка оказался на удивление настойчивым. Надо было ему «пробиться» к контр-адмиралу — пробился. Взятся за что — до конца доведет! Фамилию его знали во всех музеях и архивах. Скажет: «У телефона Аганисьян» — и сотрудники уже знают, что это тот самый мальчишка, с настоящим следопытским характером.

Старый авроровец Иван Григорьевич Марушкин тоже «имел дело» с настырным пареньком. Фотографию у него Толя выпросил, чтобы переснять. Редкий снимок, Иван Григорьевич никогда с ним не расставался. «От Врангеля, Юденича уберег, а вот перед красным следопытом не устоял — пришлось дать ему снимок...» Правда, Марушкин на другой же день пошел в редакцию проверять; его успокоили — есть такой следопыт.

А как-то Толя прибежал в редакцию, глаза горят — рассказать спешит про партизан из отряда Исакова. Сидел в кабинете пожилой человек, тоже бывший партизан, даже со стула вскочил: «Ты Исакова нашел?! Вот это да... Я его десять лет ищу!»

Нынче Анатолий Арамovich Аганисьян — инженер, взрослый человек. О бывшей своей следопытской работе говорит: «Школа жизни».

Двести шесть выпускников Архангельского медицинского института ушли в сорок первом году в полевые госпитали, не доучившись полгода. Война разбросала молодых врачей по разным фронтам — Карельскому, Волховскому, Ленинградскому... Многие пали смертью храбрых. Их память всегда чтут минутой молчания уже ставшие седыми сокурсники...

С каждым годом в Архангельск приезжают все новые «отыскавшиеся» выпускники сорок первого года. Организаторами встреч и поисков являются сами

сотрудники института и везовский штаб следопытов. Сотни писем они отправляют во все концы страны, восстанавливая биографию военного выпуска.

Спустя тридцать пять лет удалось установить судьбу ста одиннадцати человек.

На земле колхоза «Молодая гвардия», вблизи литовского города Кретинги, с войны осталась братская могила. Местные жители говорят, что в ней захоронены останки советских летчиков. Известно, что на куске обгоревшего металла можно было прочитать — ПЕ-2. Старожилы утверждают, что летчики погибли в конце декабря 1944 года.

Литовские следопыты «потянули» за эту ниточку. В документах военных лет они искали сообщения о воздушных боях в небе Прибалтики и установили, что в этих местах вел бои 125-й гвардейский авиационный полк. А полк был женский... Значит, погибшие не летчики, а летчицы!

Ветераны прославленного полка тем временем разужнавали судьбу своих

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

невернувшихся подруг, и юные следопыты сообщили им о боях под Кретингой. Совместно они установили имена погибших: капитан Валентина Матюхина и старший лейтенант Анна Козина. В самолете была еще стрелок-радист Лиза Абзолямова; когда самолет загорелся, командир приказала ей покинуть машину. Елизавета Федоровна Абзолямова приезжала в гости к кретингским школьникам. Ей показали альбом, названный — «Крылатые девушки». На первой странице — фотографии двух веселых задорных подруг. Одна подстрижена под мальчика — Валя Матюхина, другая, пышноволосяя, — Аня Козина...

Разговаривали пионеры с ветераном войны. Как всегда спрашивали: «А что больше всего запомнилось?» А больше всего запомнилась солдату криница за селом... Идут бои, гремят пушки, земля дыбом встает... Тяжко бойцу. А вспомнит он родную криницу, вербу над ней, родниковое бормотанье — и как новых сил прибавилось.

Запал в голову этот рассказ ребятам из села Тимановки Винницкой области. Отыскали они старую криницу. Расчистили ее, новые вербы посадили — и заговорил весело родничок, зажурчал на радость людям. Даже кружку деревянную приспособили ребята здесь — пейте!

Школьник местной школы Толя Барабаш нашел родник прямо на стыке кол-

хозных полей. Сам скамеечки врыл, сам огородил его, сам посадил березки. Пьют трактористы ломящую зубы ключевую воду и спасибо говорят.

Вот какой подарок можно сделать родному селу.

Музей Войска Польского в Варшаве славится своей коллекцией. Здесь представлено оружие всех времен — алебарды, мечи, мушкеты, ружья... Доспехи, знамена...

А откуда же появились в польском музее эти экспонаты — ручной пулемет, карабины, автомат ППШ? Табличка скажет: «Найдено учащимися московской школы № 745 под Ленино». С этим оружием воины дивизии Тадеуша Костюшко 12 октября 1943 года шли в свой первый бой с фашистами в районе поселка Ленино.

Школа является членом общества советско-польской дружбы. Вот уже много лет следопыты собирают материалы о Войске Польском. Руководит этой работой учитель истории Андрей Константинович Жаворонков. В войну он был танкистом.

...А вот как попало боевое оружие в Польшу. Когда отмечалось пятидесятилетие Войска Польского, школе предложили организовать выставку найденных следопытами экспонатов. Выставкой особенно восхищались представители посольства ПНР в Москве. Учитель и ребята поняли, какое значение имеют эти экспонаты для польских друзей, и подарили им все свои находки. Так и попало оружие в варшавский музей.

● Музей им. К. Е. Ворошилова создается в Ворошиловграде. Начат сбор экспонатов. Первые из личных вещей полководца поступили в городской музей — они переданы родственниками Климента Ефремовича.

● По приглашению каунаских школьников ребята из ленинградской школы № 190 побывали в прибалтийском городе. И те, и другие занимаются сбором материалов о Ф. Э. Дзержинском. Хозяева показали гостям дома, где жил Дзержинский, станкостроительный завод, где он выступал перед рабочими.

● Высоко в горах, в школе села Урави Амбролаурского района, расположен этот музей. В его экспозиции — древние вещи, монеты, орудия труда, найденные учащимися в окрестностях села и в ущелье Лухуни. Тридцать пять лет идет сбор краеведческого материала. Возглавляет эту работу директор школы А. Джапаридзе.

● 380 пионерских дружин, носящих имя Лизы Чайкиной, включились в следопытский поиск материалов о героине. Лучшими оказались следопыты школы № 12 города Петропавловска Ленинградской области. Им вручен памятный знак: на лицевой стороне его — алая гвоздика над двумя датами — годами рождения и гибели партизанки.

● Более четырех лет выходит в походы «Малый Нежинский полк», «бойцами» которого являются следопыты города Нежинска (УССР). «Полк» побывал в

шести областях Украины, прошел дорогами партизанских соединений С. А. Ковпака.

● Сельский музей открылся в Леньково Лысковского района Горьковской области. Документы, собранные в нем, рассказывают об истории местного совхоза «Друг крестьянина» — одного из первых в стране.

● Пять крупных экспозиций в краеведческом музее средней школы № 15 города Балаково. Музей посвящен прошлому и настоящему родного края. Самая большая экспозиция в разделе истории отведена знаменитому земляку, легендарному герою гражданской войны В. И. Чапаеву.

● Ежегодный рукописный альманах «Подвиг» выпускается в Иваново-Франковской школе № 14. На его страницах выступают с воспоминаниями солдаты и офицеры, участники Великой Отечественной войны.

● Город Чудово Новгородской области отметил 35-летие подвига, совершенного на чудовской земле. Экипаж самолета в составе младшего лейтенанта И. С. Черных, штурмана лейтенанта С. К. Косинова и стрелка-радиста сержанта Н. П. Губина повторил здесь подвиг Николая Гастелло.

● При Краснодарском историко-краеведческом музее начал работу «Клуб юного краеведа». Он открыт для старшеклассников — они будут помогать музею в сборе материала, примут участие в экспедициях по Кубани.

ПЛАНЕТА ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

Дмитрий
БИЛЕНКИН
Юрий
ШКОЛЕНКО

Рисунки
С. Мальшева

Голос Земли

Примерно четверть века назад произошло событие, которое осталось в ту пору незамеченным: человечество заявило о своем космическом существовании...

Тысячи телевизионных станций создали в метровом диапазоне волн такой поток излучений, который в этом участке спектра близок к радиояркости Солнца. В окнах своего космического дома мы как бы зажгли свет... Настолько яркий, что любой вооруженный радиотелескопами наблюдатель в радиусе по крайней мере 10—15 световых лет мог обратить на него внимание. И если в этом радиусе существует техническая цивилизация, то сейчас наше Солнце, вполне возможно, находится под наблюдением. Добавим, что с каждым годом сфера, образованная нашим телевидением, расширяется, а сила излучения растет.

Таково одно из новых проявлений «сферы разума» — ноосферы.

Литосфера, гидросфера, биосфера, атмосфера, ионосфера, магнитосфера... Наша планета состоит из множества сфер. Ноосфера самая молодая и наиболее активная. Она же самая «внешняя»: помимо радиоволн, ушедших далеко за Сириус, — отпечатки следов человека на Луне, аппараты на поверхности Венеры и Марса, автоматические станции, которые достигли Юпитера и Меркурия. Ноосфера дает всплески грандиозней солнечных протуберанцев!

Сам термин «ноосфера» впервые был употреблен в 20-х годах нашего века французскими философами Леруа и Тейяром де Шарденом. В 1931 году он был введен в советскую литературу выдающимся ученым и мыслителем В. И. Вернадским. Это понятие явилось неким итогом осмысления всепланетарной деятельности человека.

Примерно в это же время возникли понятия, примыкающие к понятию ноосферы и выражающие те или иные его стороны. Это «антропосфера» (термин введен в начале века русским ученым Д. Н. Анучиным), то есть сфера обитания людей, человечества; «техносфера», то есть совокупность продуктов деятельности разума (технические устройства и сооружения, города, дороги, связь и т. д.); «социосфера» — область действия законов жизни общества.

Все эти понятия неизбежно возникли тогда, когда на Земле практически не осталось «белых пятен»; когда система технической цивилизации стала всеобщей; когда результаты преобразующей деятельности человечества оказались соизмеримыми с силами природы.

Ноосферу зрительно представить довольно трудно. Тем более, что сделать это можно по-разному. Английский астроном Дж. Джинс не только разум, но и всякую жизнь считал «плесенью», «болезнью» стареющей планеты. Тейяр де Шарден сравнивал систему городов, путей сообщения, линий электропередач и связи с кровеносной и нервной системой. Польский писатель-фантаст Ст. Лем писал о «мыслящем океане» планеты Солярис, где вся гидросфера стала ноосферой. Соединение двух последних образов, пожалуй, дает наибольшее приближение к реальности. Ноосферу можно уподобить «мыслящему океану», только не сплошному, как у Лема. Она состоит из четырех миллиардов мыслящих существ, информации, ими накопленной, и всей созданной человечеством техники. Стало очевидным, что будущее Земли определяется уже не столько природой, сколько человечеством. С другой стороны, будущее человечества зависит от состояния природы.

Проанализируем возникшую ситуацию.

Доисторические катастрофы

Жизнь возникла в среде, которая для современной биосферы оказалась бы смертельной.

В воздухе древней Земли почти не было свободного кислорода, а следовательно, озонового экрана, который ныне защищает и букашку, и человека от губительного коротковолнового ультрафиолета. Свой современный облик биосфера приняла благодаря фотосинтезу древних водорослей и деятельности бескислородных бактерий.

И это была катастрофа! Можно сказать, чистое самоубийство. Мы слабо представляем, сколько и каких форм жизни тогда погибло. Много, вероятно, ведь прежняя «бескислородная жизнь» по существу истребила себя (до наших дней уцелели лишь жалкие ее остатки).

Однако процесс был очень медленным. И перерожденная жизнь воспрянула, как птица Феникс. Заметим мимоходом, что, так изменив среду, преодолев последствия такой катастрофы, жизнь доказала свою невероятную стойкость и приспособляемость.

Дальнейшее развитие тоже было не слишком гладким.

Четверть миллиарда лет назад, в каменноугольном периоде растительность достигла такого расцвета, какого она не знала ни до, ни после. По крайней мере, ни до, ни после

не накапливались такие мощные, повсеместные залежи каменного угля. Пространства суши были покрыты величественными зарослями папоротников, хвощей, плаунов. Похоже, что наши тропические леса и те уступают лесам каменноугольного периода.

Пропустим несколько десятков миллионов лет — перед нами конец нового, пермского периода. Какой контраст! Материки испещрены пустынями. Леса поредели, да и преобладают в них другие растения.

А произошло в этот отрезок времени, судя по всему, вот что. Обилие растительности насытило почву влагой, а избыток отмершей органики повысил ее кислотность. В этой среде легкоподвижными стали кальций, азот, фосфор почвы. Произошел их интенсивный вынос, почвы обеднели этими элементами, а без них растения хиреют и чахнут. Гигантские папоротники, хвощи, плауны погибли, измельчали, их место заняли цветковые растения, которые, помимо всего прочего, способны более энергично извлекать из почвы питательные и уже столь дефицитные соли.

Так природа разрешила возникшее противоречие. Но вот что любопытно — не до конца. Почва так и осталась обедненной азотом, калием, фосфором. Именно это обстоятельство и делает столь выгодным повсеместное применение минеральных удобрений.

Выводы. Первый: биосфера развивалась, отрицая свои прежние формы. Второй: не всегда эти изменения были для нее благоприятными. Жизнь, как видим, порой вступала в противоречие сама с собой. Следовательно, теперешний конфликт между людьми и природой имеет предысторию. Призывы и лозунги: «Не троньте природу!», «Оставьте все, как есть!», «Природа всегда права!» — при всем их благородстве односторонни. Природа менялась, меняется и будет меняться, хотим мы того или не хотим.

Проблема не в этом, а в том, что раньше все эти изменения никак нас не касались, ибо нас просто не было... Один ученый как-то полусутоя заметил: «Чего этим кроманьонцам не сиделось! Самых опасных хищников они победили, в их распоряжении находилась плодородная, незагрязненная планета, живи, казальсь бы, и радуйся жизни! Нет, их потянуло к прогрессу...»

Рассмотрим эту ситуацию всерьез. Да, первобытный человек, благодаря зачаткам организации и техники, справился с опасными хищниками (не совсем, конечно, но достаточно, чтобы они перестали угрожать ему). Да, в распоряжении такого человека оказалась вся планета. Мог бы он в этих условиях «отказаться» от прогресса?

Есть пища, нет хищников: ситуация хорошо знакомая зоологам. Они прекрасно знают, что в этом случае происходит. Вид начинает бурно размножаться. Но пищевая база данного вида в целом есть величина постоянная. А масса особей — растущая. Неизбежно возникает противоречие между числом особей и количеством пищи, которая находится в их распоряжении. Следствием этого противоречия, естественно, оказывается голод, болезни, смерть, сокращение популяции.

Первобытные люди, похоже, ни при каких условиях не могли избежать этой «ловушки». Перед ними встала неосознанная ими дилемма: либо подчинение правилам природы, либо дальнейший прогресс разума!

Собственно, выбор был уже заранее предreshен. Разум и возник как средство преодоления обстоятельств, а не пассивного приспособления к ним. И первобытный человек разрешил противоречие: перешел от охоты и собирательства к животноводству и земледелию.

Тем самым он невиданно расширил свою пищевую базу. Это была революция вполне сопоставимая с современной научно-технической.

Как видим, проблема, с которой мы нынче столкнулись, в принципе не столь уж нова. В ней много нового черт, она гораздо сложнее, противоречия нарастают куда стремительней. Но на новом витке спирали ей противостоит и куда более мощный разум. Быть может, впервые в истории мы в состоянии, пусть неполно, осознать, что происходит. И решить, к каким мерам надо прибегнуть.

В этом залог оптимизма. Но только залог.

Двуликий Янус СОЗНАНИЯ

В 1973 году на Международном астронавтическом конгрессе ученые мира сочли важнейшей общепланетной проблемой сбережение земной природы.

Вопрос соотношения сознательного и бессознательного в истории хозяйствования человека крайне сложен. В качестве примера бессознательного часто приводится деятельность скотоводов, век за веком истреблявших покровы степей и лесную растительность Азии, Африки, Европы. Предположим, однако, на миг, что скотоводы-кочевники все до единого осознали, какие беды несут потомкам их козы и овцы. Вопрос: была бы спасена земля от надвига пустынь? Или скотовод ответил бы: «Понимаю, все понимаю. Но если я сокращу выпас, то от голода умрут мои сыновья...»

У одного из авторов недавно состоялся любопытный разговор с известным путешественником и ученым Туром Хейердалом. Как известно, Хейердал во время плавания на «Ра» обнаружил, что практически вся поверхность Атлантического океана загрязнена отходами промышленности. Хейердал поднял тревогу. Он выступил перед конгрессом США, в ООН, во множестве других организаций, доказывая, что опасность гибели океанов — этих «легких планет» — близка и реальна. Что все отходы, выбрасываемые в воду и воздух, рано или поздно оказываются в океанах, губят там жизнь, а это чревато катастрофическими последствиями.

— И каков же результат ваших выступлений?

— Все слушают, соглашаются, но дело пока не делается.

— Вы пессимистично смотрите на будущее океанов?

— Нет, с оптимизмом. Прежде чем погубить океаны, наша деятельность погубит внутренние моря. Средиземное, например. Вот тогда будут приняты экстренные меры...

Хейердал не шутил. Ведь те слова, которые мысленно произнес наш пастух, может произнести и современный предприниматель (с некоторыми коррективами, разумеется). Но легче ли от этого природе, легче ли нам с вами? Кстати, мы с вами так ли уж без греха?

Даже ученые порой высказываются в том смысле, что тысячи и сотни лет назад люди, не имея науки, не осознали и не могли осознать, что в их взаимоотношениях с природой хорошо, а что плохо. Отсюда результат: на плодородные края надвинулись пустыни, около трети пахотной земли подвержено теперь эрозии и так далее и тому подобное.

Уместно, однако, вспомнить, что правила охраны и восстановления лесов существовали уже в Древнем Китае. Уместно вспомнить и то, что двуречье Тигра и Евфрата, да и не только это двуречье, до появления цивилизации были скудными болотистыми низинами. Не мешает также упомянуть, что свод земледельческих правил в Карфагене состоял из двадцати восьми томов, и Карфаген в то время был житницей всего античного мира. Любопытна история гибели этой житницы (излагаем ее по книге польского природоведа Л. Линьковой «Оскальпированная земля»). Когда Рим завладел землями Карфагена, то завоеватели резко интенсифицировали земледелие Северной Африки. Во много крат увеличилась вырубка лесов в горах Атласа. Римляне вовсе не хотели опустошать землю, — просто иначе они не могли обеспечить свою имперскую машину. Последствия ощутили не те, кто принял решение,

а их потомки. Затем на Северную Африку с мечом и огнем обрушились вандалы. Остальное довершили скотоводы.

Итог стихийно-сознательного хозяйничанья человека на Земле печален. Но до возникновения земледельческо-городской цивилизации на планете было едва ли свыше ста миллионов человек. Сейчас нас около четырех миллиардов. Разум хранит человечество, а не губит.

Спор о выборе

Доступные нам запасы минерального сырья, воды, кислорода земного шара — конечны. К тому же некоторые из этих запасов (например, воды) уменьшает загрязнение, то есть они уподобляются зажженной с обеих концов свече. При сохранении нынешнего характера технологии все запасы текучей пресной воды к 2000 году будут использованы производством или испорчены его отходами. Предложено немало «революционных» рецептов смягчения пресса цивилизации.

Давно возникла идея замены природы техносферой. Да, техника со временем погубит биосферу, но она же примет на себя ее функции и будет выполнять их лучше, чем сама природа, поэтому человек лишь выиграет от такой замены!

Этот вывод, казалось бы, лежит на оси технического прогресса, ведь именно по схеме «техника вытесняет природу» и развиваются события. Тем не менее, он утопичен по самой своей сути. Допустим даже, хотя это и крайне сомнительно, что техносфера сможет воспроизвести все сложные и тонкие функции биосферы. Оставим также в стороне очень серьезный вопрос изменения в этих условиях нашего духовного мира. Обратим внимание на другое. Анализ прошлого биосферы показывает, что полностью уничтожить ее можно, разве что погрузив Землю на часок-другой в недра Солнца. При всяком ином варианте уцелеют многие вирусы, микроорганизмы, простейшие. В такой деградированной биосфере человек окажется один на один с примитивными существами и станет их жертвой.

Еще идея: «гомо техникус» заменит «гомо сапиенс». Но захотим ли мы произвести такую трансформацию? И сможем ли, даже если захотим? Кризис среды, если не будет принято неотложных мер, разразится гораздо раньше, чем подрастут наши правнуки.

Никто не спрашивал какого-нибудь питекантропа, хочет ли он эволюционировать так, а не иначе. Возможно, он взвыл бы с тоски,

узнав, что ему придется расстаться с родными лианами и баобабами. Но мы можем и обязаны спросить себя, хотим ли мы склониться перед «велемием природы». Или же, действуя вопреки законам природы, а используя их, как рулевой использует течение реки, поступить в соответствии с собственными интересами.

Используя законы природы, а не действуя вопреки им! На Западе известную популярность приобрел так называемый вариант «нулевого развития» (в Канаде он даже обсуждался как возможный вариант развития национальной экономики).

Суть его сводится к замораживанию производства на достигнутом уровне. В сущности, предлагается остановить прогресс.

Выведенный на Западе рецепт «нулевого развития», следовательно, отрицает весь опыт человечества, который вывел человека из пещер и поднял его к звездам. Осуществление «нулевого развития» немислимо без ломки станового хребта человечества. Пример. Прогресс существенно потеснил болезни. Микроорганизмы быстро привыкают к новым препаратам. В науке же, а следовательно, и в медицине любое серьезное замедление прогресса будет означать, что устаревшие препараты и методы не будут своевременно заменены новыми. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для миллионов людей.

Прогресс сжигает за собой мосты.

Путь «технизации» организма и рецепт «нулевого развития» свиду противоположны, а на деле схожи. «Технизация» требует жертвы — вид «гомо сапиенс» должен исчезнуть, как исчезли динозавры. Жертвой «нулевого развития» будут тоже люди.

В обсуждении этих вариантов есть, однако, положительный момент. Мысль о том, что научно-технический и социальный прогресс нельзя пускать вслепую, что им надо управлять, как лодкой на стремнине, — эта столь очевидная для Маркса и других передовых деятелей мысль долгое время оставалась за горизонтом общественного сознания. Сейчас эта мысль активно пробивает себе дорогу, и споры ей только на пользу.

Ведь до сих пор распространено мнение, что неконтролируемый прогресс сам, автоматически разрешит все противоречия.

В этом есть рациональное зерно. Когда вода становится дефицитной, любой промышленник, дотеле глухой ко всем теориям и моралям, либо переводит предприятие на замкнутый цикл водопотребления, либо вводит новую «сухую» технологию.

Способность экономики к саморегуляции ни в коем случае нельзя сбрасывать со счета. Но можно ли на нее уповать в наше время?

Тупики или «точки роста»?

Вновь проанализируем те проблемы, которые ставят нас перед угрозой кризиса среды.

Ограниченность ресурсов. С этой проблемой человек столкнулся в палеолите. Применительно к пищевым ресурсам ее исследовал еще Мальтус, который пришел к мрачным, но неверным выводам. Человек всегда имел дело с ограниченными ресурсами, но это обстоятельство ни разу не остановило прогресс (скорей, оно его ускорило).

Ресурсы природы теоретически бесконечны. Они представляются конечными только потому, что в каждый момент времени человечество не умеет, не может чего-то использовать. Если темпы прироста знаний опережают темпы потребления, то призрак «сырьевого голода» подобен тени перед быстро идущим пешеходом. Тень все время маячит перед глазами, но и только.

Соотношение темпов прироста знаний и темпов потребления существенно не изменилось в наши дни и, вроде бы, нет признаков, что оно намерено измениться. В XIX и тем более в XX веке специалисты не раз выводили «точные даты», когда то-то и то-то иссякнет. Когда наступала эта дата, всякий раз оказывалось, что запасы не уменьшились, а возросли. Так что сама по себе проблема ограниченности ресурсов, с которой мы, якобы, только что столкнулись лоб в лоб, не представляется нам тревожной.

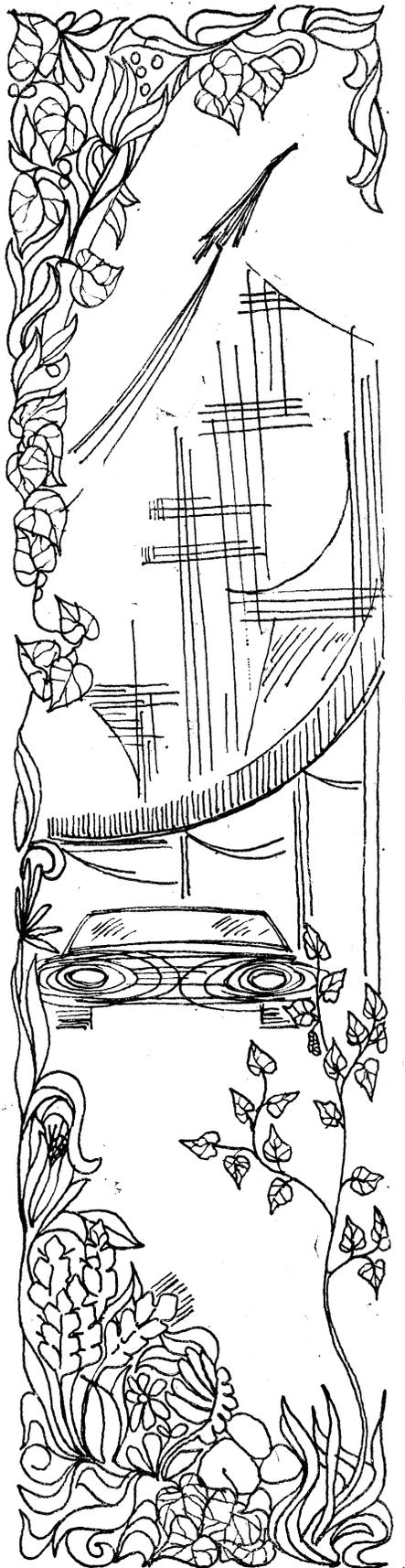
Могут возразить, что прошлое не всегда гарантия будущему. Ресурсы природы бесконечны — теоретически. Однако ресурсы верхней оболочки земного шара конечны. Это-то конечность мы как раз и ощущаем — практически.

Возражение серьезное, и мы к нему вернемся, а пока рассмотрим проблему загрязнения. Источники загрязнения можно подразделить на индустриально-городские и сельскохозяйственные. Виды загрязнений делятся на химические и физические.

В фокусе внимания сейчас оказались прежде всего химические виды загрязнения (сточные воды, выбросы газов, накопление в почве пестицидов). С них и начнем, поскольку они-то сейчас и приводят все больше в негодность воду, воздух, почву.

Биосфера каждой геологической эпохи вовлекала в круговорот все новые порции вещества и энергии. Ныне через биосферу цикл за циклом проходит весь воздух, вся вода и значительная масса земной коры.

Строго говоря, здесь тоже воз-

никала и возникает «проблема отходов». Если бы, к примеру, отмершая органика не перерабатывалась самой биосферой, а разлагалась только посредством «мертвых» химических реакций, то продукты ее разложения быстро и пагубно изменили бы режим гидросферы. Этого не происходит, потому что биосфера, в общем, работает по замкнутой схеме — все, что потребляется, тут же перерабатывается (кое-что «выпадает в осадок», но этот «осадок» оказывается значительным только в масштабе миллионов лет).

Ноосфера тоже вовлекает в свой круговорот все новые порции вещества и энергии. Но этот круговорот пока не замкнут; ноосфера выступает здесь в малопривлекательной для нашего самолюбия роли «жидивенца». Люди неизбежно должны построить свою автономную систему переработки и утилизации.

Сельское хозяйство... Тут человек оказался вовлеченным в войну с сообществами растений и животных, и у этой войны своя логика. Ради столь необходимой победы мы, едва создав мощное химическое оружие, немедленно ввели его в бой. Успех не заставил себя ждать, но теперь нас одолевают сомнения — не пиррова ли это победа? Загрязнение почвы, воды и самой биосферы всевозможными ядохимикатами, загрязнение, которое в отличие от промышленного совсем или почти не поддается нейтрализации средствами техники, — не слишком ли это дорогая цена? Но какие бы сомнения и даже тревоги нас ни одолевали, отказаться от «химической войны» в ближайшей перспективе мы не можем. Не можем по той простой причине, что такой отказ тотчас вызвал бы нашествие всевозможных вредителей, падение урожаев и, очевидно, голод. Более того, мы вынуждены непрерывно расширять и обновлять арсенал оружия, так как вредители полей быстро привыкают к прежним препаратам и дозам, а в полезные сообщества наше оружие внесло разлад и гибель, и их помощь слабеет.

Мы обострили эволюционный процесс, и обострили неблагоприятно. Спираль закручивается все туже, и уже ясно, что ни к чему хорошему это не приведет (достаточно упомянуть, что продукты разложения ядохимикатов все более проникают в нашу пищу).

Радикальное решение, которое здесь намечается, состоит в замене сельскохозяйственного способа производства индустриальным.

Мы уже переходим к новым методам производства пищи. К фабрикам — птицефермам и свинофермам, к микробиологической технике изготовления белка и тому подобному. Это самое начало революционного сдвига. Достижения науки

и техники определенно обещают здесь скорый и внушительный прогресс. Заводское производство полусинтетической, искусственной, а затем и синтетической пищи не будет игрушкой погодных условий. Оно даст огромную выгоду еще и потому, что животные, как и растения, работают на себя в гораздо большей степени, чем на человечество, что ведет к колоссальным, в принципе неустрашимым затратам. Необозримо расширится и укрепится пищевая база человечества, ибо продукты можно будет изготавливать почти из любой органики, а также из воды, воздуха, минеральных веществ. Ноосфера станет гораздо более независимой и устойчивой, прекратится война с природными сообществами, и биосфера воспрянет.

Разумеется, переход не совершится мгновенно и не потребует отхода от других весьма перспективных для будущего решений (биологическое управление сообществами, целевое видообразование и так далее).

Существуют опасения, что новые продукты питания окажутся хуже натуральных. Сильны также навыки, традиции, привычки, которые подогревают эти опасения. Тут можно сказать одно: искусственные продукты вытеснят натуральные лишь в ходе конкурентной борьбы, — иной вариант представить трудно. Что же касается тысячелетних традиций и привычек, то, надо полагать, нашему далекому предку тоже нелегко было отказаться от древних традиций охоты и собирательства. Но сделал это, он не проиграл, а выиграл.

Как видим, ни химическое загрязнение среды, ни относительное истощение ресурсов отнюдь не загоняет человечество в тупик. Наоборот, решение новых и сложных проблем усилит и расширит материальную базу человечества. Обеспечит большую независимость ноосферы от течения неподконтрольных ей процессов. Иначе говоря, подобные решения, революционные по своей сути и вполне реальные в недалекой перспективе, отвечают ходу эволюции, используют ее законы без ущерба основным интересам человечества.

Несколько иной характер имеет проблема «физического загрязнения» (тепло, электрические и электромагнитные поля, радиация). Согласно законам термодинамики любая энергия неизбежно рассеивается теплом. Нетрудно подсчитать, сколько энергии выделит земное хозяйство при теперешних темпах роста через 25, 50, 100 и более лет. Получается, что через 100—150 лет индустрия будет выделять, едва ли не столько же тепла, сколько Земля получает от Солнца. И не исключено, что уже в 2000 году перегрев станет

ощутимым в наиболее густонаселенных промышленных районах земного шара.

Похоже, что в рамках планеты эта проблема не имеет решения. Вне этих рамок решение оказывается самоочевидным — вынос новых заводов в космос.

На этом моменте стоит задержаться.

Мы — космическая цивилизация

Когда продолжают споры о том, нужно ли людям выходить в космос, часто упускается из виду не только уже почти двадцатилетний стаж практической космонавтики. Забывают еще и о том, что «космические наклонности» людей выражались не в одних лишь замыслах, но и в практике задолго до космической эры. Чтобы пояснить нашу мысль, построим географическую «модель» нынешней ноосферы. Сейчас она по конфигурации гораздо сложнее и разбросаннее биосферы. Она не равномерна, а сгущается в точках городов. Она проникает в места, совершенно недоступные для естественной жизни: центральные районы Антарктиды, верхнюю атмосферу, а теперь и в космическое пространство. Ноосфере как бы тесно в породившей ее биосфере, она местами и временами словно выпирает из нее. Так зримо воссоздается давнее стремление разума к независимости от природы, точнее не от ее законов, а от ее прихотей.

Неужели, однако, ноосфера имеет особое предназначение неизмеримо расширяться, чтобы в конце концов навсегда отлететь от Земли и рассеяться в мировом пространстве? Сейчас на Западе прогнозисты нередко говорят о грядущем исходе человечества с Земли, после того как наша планета станет окончательно непригодной для жизни в результате хозяйственной деятельности самого человечества. Советник так называемого «Комитета будущего», призванного мобилизовать общечеловеческую США в поддержку космических программ, И. Хабберд считает: «Необходимый ключ для выживания человечества представляет собой сознание, что мы перерастаем вместимость Земли, способную поддержать нас, и чем скорее мы сможем сделать новые миры обитаемыми, тем лучше». А генеральный консул республики Сан-Марино, одного из миниатюрнейших государств мира, Ф. Фиори выступил в 1968 году на конференции ООН по проблемам освоения космоса с полным трагизмом монологом: «В действительности мы исследуем космос потому,

что нечто в нас говорит нам, что мы делаем это ради нашего выживания. Вполне возможно, что через несколько столетий человеческий род, испытав ценою крови и слез все возможные средства дать счастье каждому и окончательно загрязнив и истощив нашу старую планету, будет вынужден сделать последний выбор: уйти к звездам и отыскать новый мир, пригодный для жизни, такой же светлый и чистый, какой была Земля до того, как мы появились на ней много тысячелетий тому назад».

Перед такой перспективой «исхода» и «рассеяния» человечества немалое число зарубежных ученых бьют тревогу: рассеяние человечества будет означать исчезновение самого человека, ибо, как замечает известный астрофизик Х. Шепли, «его тяга к небесам и звездам может оторвать его от животворных источников физической и неврологической силы». С другой стороны, высказываются мнения о полной бесполезности космоса для человека. Американский социолог А. Этциони полагает: «Никакие находки в космосе — если только какая-нибудь космическая капсула не вернется наполненная поющими ангелами — не могут произвести достаточно эффективного действия на человеческую концепцию самого человека и его мира».

В результате сейчас на Западе идет большой спор о выборе пути: осуществлять ли экспансию в космос или во «внутренний мир» человека, колонизовать ли космическое пространство и небесные тела или же навсегда отказаться от дальнейшего проникновения в космос.

Сам по себе выход в космос — это исторически неизбежный шаг, необходимый для развития человечества, подготовленный ходом этого развития и призванный в итоге снять те противоречия, которые в рамках земного шара при дальнейшем прогрессе ноосферы представляются неустрашимыми. Однако вынос в космос индустриальных мощностей не означает какого-либо «исхода человечества», ибо производство будущего — производство автоматизированное. Поэтому космическая индустрия не потребует обширного персонала.

Переселение к другим мирам — не решение даже в случае гибели земной природы. Представьте себе население Европы, вынужденное в ближайшие тридцать лет переселиться куда-нибудь в Антарктиду! Между тем Антарктида — местность куда более доступная и гостеприимная, чем Марс или Венера. Другие планеты могут быть и, очевидно, будут освоены. Но или как форпосты земной цивилизации — или никак.

Кроме того, «космический исход» человечества, даже в случае успеха, ничего не решит. Мы постарались

показать, что гибель земной природы отнюдь не фатальная неизбежность. Но если бы такая неизбежность и существовала, то разве породившие ее противоречия исчезли бы на Марсе, Венере, под любым другим солнцем?

Однако решение о выносе индустриальных мощностей в космос никак нельзя считать вынужденным. К тому же самому мы пришли бы даже в том случае, если бы все земные проблемы взаимоотношения среды и ноосферы имели решение в рамках планеты. Космос оказался чудесной находкой для многих видов современного производства. Невесомость, идеальный вакуум, близкая к абсолютному нулю температура, безграничные минеральные и энергетические ресурсы солнечной системы — таковы дары космоса развивающейся промышленности. Земные ресурсы конечны, холодильные и вакуумные установки дорогостоящи, невесомость практически недоступна. Меж тем экспериментальные исследования и новейшие отрасли производства все более настоятельно требуют внеземных условий: нужен вакуум, необходимы сверхнизкие температуры, мощные магнитные поля — в физике, химии, электронике. А такое древнее производство, как литейное, получает в космосе второе рождение и становится самоновейшим, ибо обещает невиданное, казалось бы, невозможное в смысле разнообразия, чистоты, прочности форм, получаемых в невесомости и глубоком вакууме.

Таковы потребности и перспективы уже сегодняшнего дня. Что же даст нам космос завтра?

Мы можем найти в космосе — и найдем — все, что угодно. Энергию, сырье, условия для расцвета новых отраслей промышленности, даже воздух и воду (их можно будет получить при разложении минеральных соединений). Не найдем в космосе мы лишь одного — земных условий обитания.

Самое важное достоинство биосферы, да и всей земной природы, не в том, что она дает нам сырье, энергию, пищу. Главная ценность — это она сама, ибо замены ей нет и не будет. И эта ее ценность, ее незаменимость, как среды обитания, здоровья и комфорта, с развитием космической техники, с использованием космических источников вещества и энергии будет расти в наших глазах. Расширение заповедников, сохранение животного и растительного мира, комфортное, скажем так, переустройство природы, забота о ней имеет историческую направленность: сделать заповедником всю планету, поставить ее под защиту цивилизации, благоустроить и украсить, как украшают свой родной и к тому же единственный дом.

По мнению американского уче-

ного, профессора Л. Колдуэлла «картина одинокой голубой планеты, какой ее видели советские и американские космонавты, оказала глубокое психологическое воздействие на народы Земли. Никакое другое событие земной истории не подчеркнуло с такой силой единство и хрупкость биосферы».

Итак, эволюция ноосферы вызвала серьезные и глубокие противоречия, которые, однако, вполне могут быть сняты. Успешное их снятие открывает человечеству блестящие и долговременные перспективы развития. Оно возможно только на путях прогресса, при быстром росте сил разума, в том числе средств науки и техники.

Еще в двадцатых годах В. И. Вернадский писал: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление». Противоречия не удастся снять одним лишь наращиванием научно-технического потенциала. Их не удастся снять без отказа от войн и гонки вооружения, так как в противном случае у человечества не окажется для этого ни сил, ни средств. Точно так же их не удастся снять без отхода от стихийного способа развития экономики, без единого международного плана и сотрудничества всех народов в его выполнении, — иначе не мы оседаем процесс, а он — нас. Ничего хорошего не получится и в том случае, если не будет обеспечен быстрый рост культуры и сознания, ибо только мощь разума способна справиться с обстоятельствами. Войны, угнетение, невежество, подавление мысли всегда были бедой и трагедией. Но никогда раньше они не ставили под вопрос само существование человечества. Сейчас этот вопрос поставлен объективной логикой процесса. Сам собой, без борьбы и усилий, он не решится, а времени на это осталось немного. Либо разум одолеет дикость войн, вражды, экономического и духовного угнетения, мертвящего консерватизма социальных отношений, либо войны, насилие, догматизм скуют разум, что предпринимать трагический исход. Третьего, похоже, не дано. «Всякое ослабление жизни, — пишет советский ученый Г. Ф. Хильми, — развязывание войн, угнетение человечества голодом и нищетой, нежелание усовершенствовать природу и человеческое общество — подлежит самому суровому осуждению не только с общественно-политических позиций, но и с точки зрения естественно-научной».

Проблема не в сохранении, очищении, перестройке природы. Проблема в сохранении, очищении, перестройке ноосферы.

Как живется муравьям в центре города? Плохо... Здесь даже такой выносливый вид как горный лазий селится редко, потому что асфальт, и потому что городские насаждения бедны для него «дикью» — тлями и гусеницами фитофагов: их уничтожает человек! А вот в больших парках и скверах муравьи вполне могли бы жить, радуя людей своей энергичной жизнедеятельностью. Надо лишь поселить их там, оберегать и подкармливать.

◆
Природа будущего будет иной, чем теперь. Человек многое изменит и создаст невиданные сообщества растений и животных. Творит новую природу он уже и сейчас — это городские парки, скверы, поля, лесопосадки...

Исследовав жизнь городских насаждений, экологи убеждаются, что они хуже диких рощиц и колков. Хотя бы потому, что, сметая листья, человек «сметает» насекомых, живущих на почве и в подстилке, и тогда размножаются во множестве фитофаги, питающиеся листьями и соком деревьев и кустарников. Так что даже метлой махать надо с оглядкой на природу...

◆
Растения «общаются» с помощью физиологически активных веществ, которые они выделяют в окружающую среду через корни и листья. О чем же говорят деревья?

Например, о том, как расти в то или иное время. Быстрее или медленнее? Если быстрее, то вещества-сигналов, стимулирующих рост, появляется больше; если медленнее, то возникают вещества, угнетающие рост.

Экологи «слушают» речь деревьев, делая сложные химические анализы сигнализаторов аминокислот.

◆
Более миллиона тонн в год синтетических моющих средств производится теперь в нашей стране. Вещества от стирки уже обнаружены в водопроводах Москвы, Харькова, Ростова-на-Дону и других городов. Предельно допустимая концентрация стиральных веществ 0,5 миллиграмма на литр. В питьевой воде их не много — на одну десятую миллиграмма, — но больше нормы. Разрабатываются новые способы очистки воды от этих загрязнений.

◆
За последние десять лет на основных предприятиях Орска, Новотроицка, Оренбурга построены очистные сооружения, и долина реки Урал в этом районе оздоровлена. Это значит, что подрусловые воды Урала Оренбург может вновь использовать.

ТРАНСПОРТ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Транспорт сегодня и завтра

Транспорт сегодня и завтра

Транспорт сегодня и завтра

Население Земли растет. Расширяется мировая торговля. Словно гигантские магниты, города притягивают массу всевозможных грузов. Пропускная же способность транспортных систем уже достигает предела. Аэропорты похожи на улицы. Автомобильные дороги змеятся повсюду, захватывая «хлебные» земли...

Во всех странах увеличивается число изобретений, которые меняют наши представления о транспорте. Первый трубопровод появился сто лет назад, по нему перекачивали нефть. Теперь инженеры готовятся строить пассажирские пневмотрассы. Скоро начнут работать самолеты нового поколения — сверхзвуковые гиганты. Есть проекты самолетов с атомными двигателями. Морской транспорт «не робеет» перед крылатым и тоже развивается. Конструируются грузовые суда на воздушной подушке. Поезда к концу века «наберут» скорость до четырехсот километров в час.

В Академии наук СССР создан Научный совет по основным проблемам транспорта и его энерговооруженности. Ныне мощность всех силовых установок на всех видах транспорта уже в три раза превысила мощность электростанций страны. Важна проблема замены вездеходной техники (снегоболотоходы, мотонарты, аэросани) транспортными средствами на воздушной подушке. В нашей стране рекомендована к серийному производству несамohодная платформа на воздушной подушке грузоподъемностью сорок тонн. Там, где она «плывет», трава и насекомые не гибнут. Совместимость с природой — достоинство не только этой «летающей» платформы, таким должен быть весь транспорт будущего...

У микрофона... самолет

В нескольких европейских аэропортах установлены автоматизированные системы контроля шума от самолетов. К микрофонам, расположенным вдоль оси взлетно-посадочных полос, намечено поставить устройства для опознания самолетов, превысивших установленный уровень шума при взлете или посадке.

Стальной полигон

Около Киева строится первый в стране полигон для испытания новой железнодорожной техники. Здесь помчатся не только обычные, колесные поезда, но и с магнитным подвесом, а также вагоны на воздушной подушке. Станция назначения этих необычных поездов — недалеко будущее.

Электромобилисты

В центре Амстердама бегают двухместные электромобили, ими управляют не водители, а сами пассажиры — члены электромобильного

кооператива. Каждый из кооператоров имеет магнитную карту, выполняющую роль ключа зажигания. Кооператив надеется довести в ближайшее время число станций своей оригинальной транспортной системы до ста пятидесяти, а парк электрических авто — до тысячи.

Легкокрылая баржа

Баржи — олицетворение неуклюжести — в наш век скоростей тоже становятся мобильными... Фирма «Бритиш ховеркрафт корпорейшн» разработала проект самоходной баржи на воздушной подушке. Эта легкокрылая баржа предназначена для разгрузки больших судов, стоящих перед мелководьем.

Летающий робот

В зарубежных метеорологических журналах появилось сообщение о полетах маленького самолета, управляемого по радио, который несет под своими крыльями датчики температуры, влажности, скорости ветра. Летающий метеорологический робот поможет авиаторам и тем,

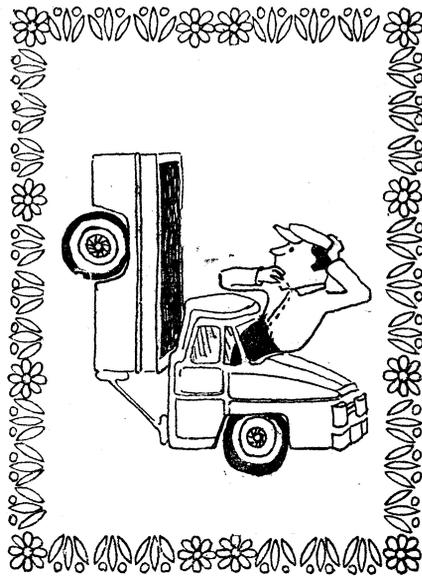
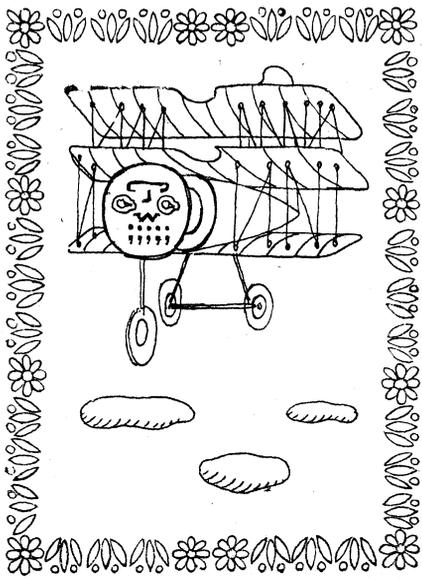
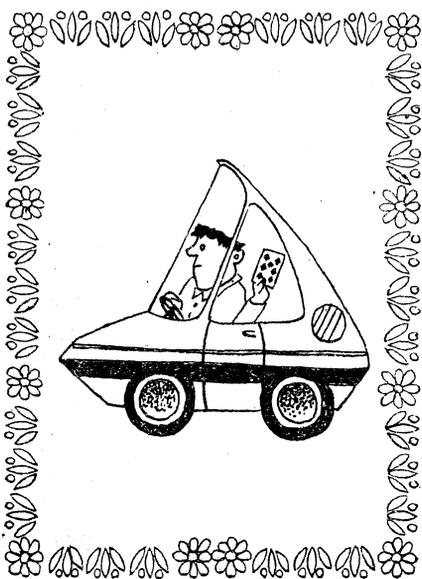
кто изучает климат городов. С его помощью можно оперативно узнать о синоптической ситуации над небольшим районом.

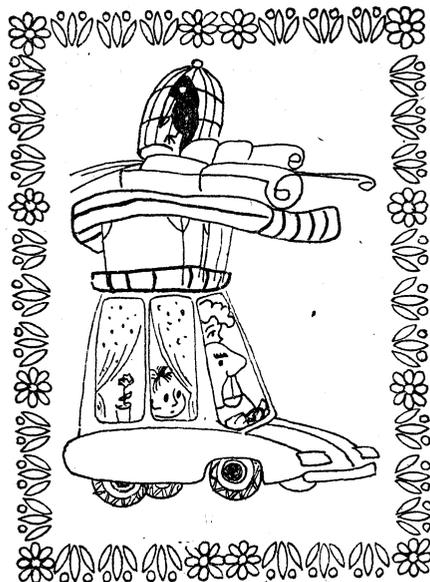
Тихий трамвай

В новой модели трамвая «РВЗ-7», которую разработали ученые Московского энергетического института и электромашиностроители завода «Динамо», использован электрический тормоз, значительно снижающий шум. У тихого трамвая есть и другие достоинства: большие окна, широкие двери с низкими удобными ступеньками.

Поставьте автомобиль... вертикально

Во Франции изобретен компактный двухместный автомобиль с сиденьями, расположенными один за другим. Кузов этого автомобиля с помощью электромеханического устройства занимает в гараже вертикальное положение.

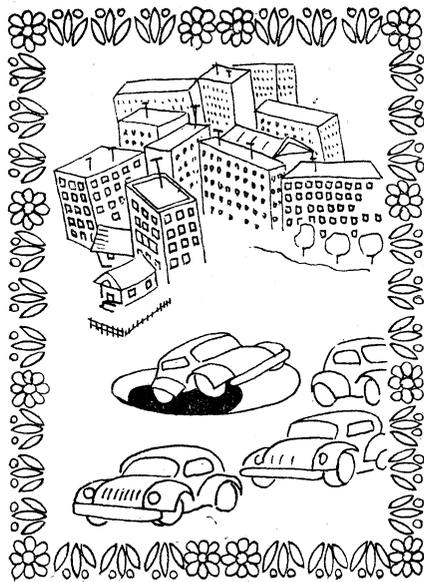

Едет квартира

Жилой автомобиль создан западногерманской фирмой «Вестфалия». Это однокомнатная квартира для четырех человек с кухней, в которой установлены газовая плита с двумя горелками, шкаф, моечная раковина, холодильник. В таком доме на колесах можно не только путешествовать во время отпуска, но жить и год, и два.

Не пугай — лучше накорми

Одна из причин авиационных катастроф — столкновения самолетов с птицами. Каких только способов борьбы с аэродромными голубями, чайками, галками, куликами, грачами не придумано: замена растительности в районе взлетно-посадочных полос или полное ее уничтожение, трансляция через громкоговорители записи птичьих криков страха. Французские же орнитологи нашли гуманный метод отвлечения чаек от аэродрома в Ницце. Соорудили ярко освещенную площадку, где всегда есть пищевые отходы. Авиакатастрофы в Ницце прекратились.

Подземный этаж Москвы

Впервые в нашей стране разработана комплексная схема использования пространства под большим городом — под Москвой. Иными словами, это генеральный план развития подземной части столицы. Кроме дальнейшего совершенствования метрополитена, схема предусматривает систему туннелей для движения автомобилей под центральными улицами города. Будут пробиты под землей и так называемые «вылетные» магистрали, идущие за черту столицы. Не исключается применение в московском подземелье и пассажирского автотранспорта. Есть проект ввода под улицы города железных дорог.

Гараж в неудобной земле

Всесоюзный заочный политехнический институт разработал практические рекомендации использования неудобных земель для гаражей. Эти земли — косогоры, карьеры, технические коридоры линий электропередач, а также пространство под жилыми домами.

По трубе с ветерком

До конца десятой пятилетки намечено построить в нашей стране около тридцати пневмотрасс. В трубах этих трасс с ветерком полетят и уголь, и руда, и щебень, и грузы в специальных контейнерах. Уже есть проект и пассажирской пневмомагистрали шестикилометровой протяженности для Зеленограда, которую, как утверждают экономисты, строить выгоднее, чем такой же длины линию метрополитена.

Билет во все концы

В Париже введены «оранжевые карточки» — проездные билеты на все виды городского и пригородного транспорта. Билет можно купить и месячный, и годовой. Он состоит из именной карточки с фотографией и платного талона с магнитным слоем, который нужен для прохода через автоматические контрольные пункты. Половина парижан купила «оранжевые карточки».

Есть такая служба

**Михаил
НАЙДИЧ**

*Рисунки
Е. Симкина*

Неожиданное открытие

В Херсоне весьма ощутимо дыхание моря: на каждом шагу встречаешь то наших, то иностранных моряков. Кстати, знаменитый парусник «Товарищ», недавно взявший первенство в международной регате «Операция Парус-76»; приписан именно к Херсонскому порту, на него и проходят практику будущие морские волки...

В Херсоне я оказался проездом в Одессу, где собирался писать очерк о работниках таможенной службы. Признаться, без особой радости направлялся я в порт, чтобы купить билет на «ракету». Мне жаль было так скоро уезжать из Херсона, города дотопе мне незнакомо-го, к которому, однако,—я это чувствовал—во мне уже появились «все признаки влюбленности».

Оттягивая время, я сначала подошел к дебаркадеру, к причалам. Читаю названия теплоходов—удивительно, как много писательских имен: «Павло Грабовский», «Карпенко-Карый», «М. Рыльский»... А вот и «Ю. Дольд-Михайлик!» Старые читатели «Уральского следопыта», конечно же, помнят его роман «И один в поле воин». Потом я направился в морской вокзал. И вдруг такая неожиданность: у самого входа в вокзал увидел вывеску:

**СССР
МВТ**

**Главное таможенное управление
Херсонская таможня**

В Херсоне—таможня? Но ведь еще так далеко до границы! Еще раз—не веря глазам—перечитал: «Херсонская таможня»... Удивительно!

Через несколько минут начальник таможни, советник 3-го ранга Дмитрий Иванович Плотников, с коротким, чуть хриловатым смешком говорил мне:

— А чему, собственно, удивляться? Ведь вон даже в Набережных Челнах недавно открыли пост. Идут иностранные грузы, так? Досматривать их нужно? Значит, без нас, таможенников, не обойтись.

Вот так я и остался в Херсоне, не поехал в Одессу. Зачем еще куда-то там ехать, если я уже в таможне!..

Одно «но»

Разглядываю кабинет начальника. Глаза останавливаются на блестящих красивых кубках,—о, нет, это не изъятые серебро, это—спортивные трофеи, завоеванные работниками таможни на волейбольных полях и беговых дорожках. И однако же из головы не выходят стихи Эдуарда Багрицкого:

По рыбам, по звездам
Прносят шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.

На правом борту,
 Что над пропастью вырос:
 Янаки, Ставраки,
 Папа Сатырос...

Контрабанда. Еще в допетровскую эпоху был принят Таможенный устав, содержавший перечень товаров, запрещенных к ввозу и вывозу. Правительства разных стран проводили политику протекционизма, то есть всячески поощряли вывоз собственных товаров и — наоборот — облагали высокими пошлинами заграничные. Тем самым увеличивался доход казны, и, понятное дело, — нужно было иметь крепкий заслон, барьер, чтобы не пропустить контрабандные, беспошлинные грузы. В 1724 году Петр I приказал Коммерц-коллегии «иметь таможенные яхты служители для всяких отправлений купеческих дел». А еще через семь лет вышел Морской таможенный устав. Все, «как важные, так и нижние персоны без выбору», прибывающие или отбывающие на торговых кораблях, купеческих судах, пакетботах и так далее, должны рассматриваться. Кто уклоняется — штраф 50 ефимков. Нумизматы знают, что ефимок — это русское название талера, крупной серебряной монеты. Он широко импортировался в XVI—XVII веках, а чеканился в Богемии, в городе Йохимстале (отсюда и название). Штраф, как видим, довольно значительный.

...Дмитрий Иванович Плотников честно предупредил меня, что, конечно, и по объему работы, и по числу сотрудников Одесская таможня значительно крупнее Херсонской, и что для писателя в Одессе нашлось бы куда больше интересного материала. Но тут уж, как говорится, нашла коса на камень. К тому же мне показалось, что в глазах Дмитрия Ивановича мелькнула хитринка: а не представляет ли себе товарищ писатель комнаты таможни как некий музей или антикварную лавку, битком набитую жемчужными нитями, золотыми кулонами и соперничающими друг с другом по величине бриллиантами?

Хотя, впрочем, и жемчуг, и бриллианты попадают в руки контролера или инспектора таможни вместе с валютой и пакетами марихуаны или героина, — попытки незаконно провезти через государственную границу наркотики участились за последние годы. Дельцы играют на разнице в ценах: если, к примеру, килограмм морфина стоит в Турции триста долларов, то в Нью-Йорке — уже двести двадцать пять тысяч. Как раз когда я писал эту статью, в «Известиях» появилась заметка о том, как на средиземноморском побережье Египта, в районе Эль-Аламейна, пограничники захватили крупнейшую за последнее время партию наркотиков. Перестрелка длилась восемь часов. Все нарушители арестованы.

Но не надо думать, что работа таможенника — это сплошная цепь приключений, раскрытий и погонь.

Есть прежде всего будни — нелегкая, повседневная, требующая хладнокровия и неослабного внимания работа.

Дмитрий Иванович бегло, как бы пунктиром, рассказывает о крупных таможнях в Риге, Бресте, Одессе, Шереметьево, знакомит меня с их житем-бытьем. Он не прибедняется, нет: здесь, в Херсоне, служба столь же ответственная и непростая. И в словах его — спокойное достоинство, уверенность, деловитость.

Сам Дмитрий Иванович — уралец, родился в Пермской области и до войны проживал там, потом в Сибири, откуда в 1942-м ушел на фронт.

Был солдатом, сержантом, старшиной роты, затем комсоргом батальона. Война для комсорга полка Дмитрия Плотникова закончилась боями за взятие Кенигсберга и Пиллау (ныне Балтийск). Он говорит: «Закончились схватки, закончились походы», и невольно думаешь: а закончились ли они для него?

Молодой политработник, демобилизовавшись, выбрал участок работы не самый спокойный и тихий. Выбрал по нраву, по совести. Стал он контролером на Рижской таможне. А потом — инспектором, начальником смены; прошел, короче говоря, весь путь — от и до. На его петлицах — звезда советника.

Говорим об Урале. Вспоминаем войну. А в это время на рейде покачивается американское грузовое судно «Джин Лайкс», а на причале стоит корабль из Калькутты «Индиан Реноум». Вообще «индусы» — так для краткости называют здесь прибывающие из Индии суда — постоянные гости в Херсоне. Они привозят металлоизделия, табак, краски, авторезину, джутовые мешки, пряности. Так называемый генгруз.

Вдоль борта корабля мелькают фуражки с зелеными околышами. Да, работники таможни действуют в тесном контакте с пограничниками. И те, и другие пытаются докопаться до истины, — ведь к каким только уловкам не прибегают нарушители!

Еще в «Материалах к истории пограничной стражи», изданных в Петербурге в начале века, рассказывается, например, как контрабандисты перетаскивали с одного берега на другой бочонки с ромом и другие вещи с помощью веревок, протянутых под водой.

А вот признание одной знатной современной дамы, супруги филиппинского миллионера, — как ей удается обманывать таможенную службу в Гонконге. Дама надевает на себя кольцо с поддельными бриллиантами, в таможне его записывает как драгоценность, а на обратном пути заменяет стекляшки натуральными камнями чистойшей воды — и спокойнонехонько проходит досмотр.

Сегодняшние контрабандисты не носят красных косынок, черных повязок на глазу и серьгу в ухе. В их руках элегантные саквояжи или вошедшие в моду атташе-кейсы, плоские чемоданчики. А организация труда! Скажем, в Дубае (небольшое государство арабского эмирата, известное как центр торговли и контрабанды) крупные авантюристы связаны телекомом с различными концами земного шара через спутник связи. В недавно вышедшей книге «Факелы Персидского залива» советский международник-правдист А. Васильев пишет: «В аэропорту Дубая

я увидел, как с самолета английской авиакомпании выгружали бруски золота с такой небрежностью и беспечностью, что чиновника, ответственного за безопасность где-нибудь в лондонском аэропорту Хитроу, хватил бы апоплексический удар»...

У пограничников и таможенников много общего в терминологии. Те и другие, например, часто употребляют слово «задержание». Это как бы дает право перевести разговор в плоскость одних лишь приключений и настойчиво выуживать изюминки. Дмитрий Иванович, словно испытывая меня, опять говорит о том, что на других — более крупных таможах — и приключений побольше. И тут же добавляет:

— Но!..

Без «но», видимо, не обходится ни одно дело.

И он рассказывает об одном из этих «но».

Более пяти лет назад в некоторых южных городах возникла опасность эпидемии холеры, и тогда весь поток кораблей — пассажирских, грузовых, смешанных, — минуя Одессу, направлялся сюда, в Херсон. Вот уж пришлось полотеть! Контролеры и инспекторы забыли о сне, — промежутки между сменами в то время были чудовищно малы...

К берегам далекой Аргентины

Старший инспектор Юрий Александрович Красота. Человек уже немолодой. Много лет проработал на судах нашего торгового флота, ходил в заграничку. Любовь к морю оказалась у него довольно прочной: сойдя на берег, не утратил Юрий Александрович связи с кораблями и портом, а лицо его до сих пор словно бы опалено крепким соленым ветром.

Как-то в смену Красоты уходил корабль к далеким аргентинским берегам. На нем, в частности, отбывал на постоянное жительство и некий гражданин Л.

Этот Л. предъявил личные вещи и багаж, внешне совершенно безобидные. Ну, одежда там, предметы хозяйственного потребления и прочее. Все было упаковано в добротные ящики. Вот эти-то ящики, сама тара, почему-то насторожили Красоту. «Что-то тут не так!» — лихорадочно думал Юрий Александрович, пытаясь разобраться в своих подозрениях. Зачем, спрашивается, для перевозки столь дешевого груза нужны ящики с такими толстыми, в три, если не более, сантиметра, стенками, а? Или, может быть, просто хозяйственный мужик попался? Все привык делать самолично, прочно и с запасом?.. На вопрос, заданный вскользь, Л. ответил: да, ящики он делал сам.

Уходили драгоценные секунды, нужно было поскорее принимать решение. Красота принял его. Тонюсенькой, — диаметром около миллиметра, — дрелью он просверлил в стенке ящика дырочку. Дрель прошла. «Попробую чуть левее... ага! Вот оно!» Еще несколько раз попробовал. Да, так и есть, дрель натывается на что-то очень твердое, по всей вероятности, на закаленный металл.

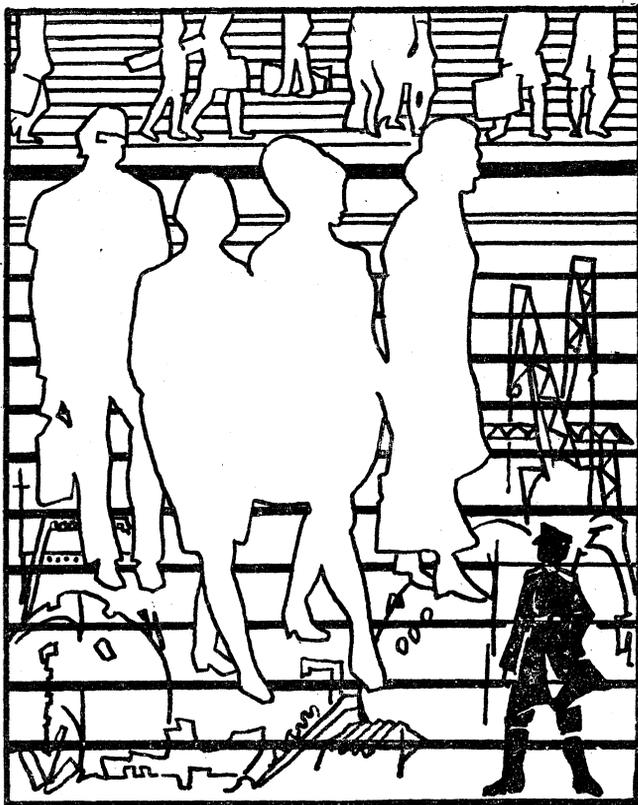
Теперь можно и ломать ящик — оснований больше чем достаточно. Стенки ящика были пустотелыми, а пустоты почти сплошь заполнены дорогостоящими победитовыми пластинами. Победит — это, как известно, своего рода металлокерамика, разработанный в Советском Союзе твердый порошковый сплав, успешно применяемый для режущих и буровых инструментов. Не в каждой стране имеются сплавы, рабочая температура которых может достигать до 900 градусов!

— В остальных ящиках то же самое? — спрашивает старший инспектор.

Бледный, почти потерявший дар речи Л. клянется:

— Нет, нет!

Снова «проба». И результат тот же.

Корабль ушел. А гражданин Л. вместо знойной Аргентины угодил на скамью подсудимых, против него было возбуждено уголовное дело.

Юрий Александрович рассказывает еще случаи, когда были пресечены попытки бесконтрольно ввезти в нашу страну дефицитные товары, валюту. И внезапно в глазах Юрия Красоты я ловлю вопросительное выражение: дескать, интересно ли все это?

Всплывают в памяти десятки книг, фильмов, захватывающих рассказов о контрабандистах. Сочинить, конечно, можно бы и похлеще, позавлекательней. Но то — сочинить. А тут, здесь же вот он — сам участник событий, и у меня перед глазами — место действия; а за воротами порта — летние улицы города, где между прочим висят афиши о гастролях наших уральцев, Нижнетагильского театра имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. «Интерес, — как говорил С. Т. Аксаков, — увеличивается тем, что это была не выдумка, а истинное происшествие».

Не та находка

Не повезло Юре Иванову, когда в детстве, играя со сверстниками в футбол, он сломал ногу.

— Понимаете, — говорит он мне теперь, — не случись этого, возможно, я сейчас бы служил на границе.

Говорит, как о своей мечте. Увы, не сбывшейся. Кость срослась, в общем-то человек здоровый, но в погранвойска Юре все же не взяли. В один прекрасный день пришел он в таможенно и попросился на работу. Его приняли. Дмитрий Иванович Плотников угадал в нем перспективного работника. Такой не спасует перед первыми же трудностями, не ринется вспять, сказав на прощанье: «А я думал, тамошня — все можно».

В одной смене — два Юры: Иванов служит под началом Юрия Красоты. Юра Иванов строен, высок, худощав. Лицо слегка бледное. Усики.

Чтобы уйти от недавнего разговора о травме, спрашиваю, как ему нравится его работа.

— Работаем нормально, — отвечает Юра.

Ох, уж это «нормально», есть ли в лексиконе у нынешней молодежи словечко более ходовое!

..Когда в порт прибывает иностранное судно, на его борт поднимается целая комиссия: тут и пограничники, и работники таможи, и врачи.

Однажды санитарные врачи сказали, что корабль необходимо поставить на фумигацию. То есть сделать особую дезинфекцию, окуривание дымом и химикатами с целью уничтожения насекомых-вредителей. Команду на время попросили перейти в одну из городских гостиниц. Задраили на корабле трюмы, окна (сейчас на различных флотах, невесты почему, появилась тенденция называть иллюминаторы по-сухопутному — окнами). Затем внутрь подали газ...

Через какой-то срок приступили к проветриванию: часть команды поднялась на борт, чтобы выполнить необходимые работы, и снова сойти на берег.

Юрий Иванов внимательно следил за покидающими судно матросами. Что за странная походка у одного из них? Вроде бы поднимался «нормально», как и все остальные, а возвращается по сходням неуверенно, ноги переставляет неестественно, да и толстыми, неуклюжими стали они под джинсами, словно распухли... Юрий решительно подошел к матросу.

Оказалось, что у того к коленям прикреплены... зонтики. Да, портативные японские зонтики, по четыре штуки вокруг каждой ноги. И еще под рубахой несколько штук. Расчет, видимо, был простым. Таможенники, дескать, будут бдительны, когда команда впервые покинет судно — для переселения в гостиницу. А затем — ну кто будет обращать внимание на детали после кратковременного, вызванного необходимостью, визита людей на корабль? А продавать зонтики на берегу особенного труда не представит: любители найдутся.

Не вышло. Товар был конфискован.

Как бы закругляя разговор, спрашиваю:

— Выходит, Юра, вы все же в некотором роде пограничник?

Он улыбается:

— А то как же!

«Романтика?.. Не знаю»

Разговора о романтике избежать было невозможно. Посудите сами, необычная обстановка, названия далеких экзотических мест: Сингапур, Гибралтар, Стамбул... Кстати, таможию всегда интересует информация о пришедшем судне: откуда оно, в какие порты заходило ранее и подолгу ли задерживалось там? А такую информацию в обязательном порядке дают работники инфлота. Не разглашу секрета, если скажу, что внимание контролера, тщательность при досмотре; конечно же, во многом зависят от этой информации.

Но вернемся к романтике. Дмитрий Иванович Плотников рассказывает, что кое-кто из молодых, кто приходит сюда на службу в расчете на один лишь детектив, сплошные приключения, впоследствии разочаровывается. Оно и понятно. Зимой, как известно, вода в Днепровском лимане замерзает, — порой путь иностранным кораблям в порт пробивают ледоколы. Морозец, может, и не очень, зато ветрище. Колочий снежный ветер, как наждаком, трет лица. На всей территории порта гуляет хвостатая поземка, заползает под ящики, тюки, иголками бьет в глаза, ослепляет. И до тела добирается, какую бы одежду ни напялили... Непросто и нелегко в такую

погоду всю смену пробить на воздухе, однако иногда приходится.

— Романтика?.. Не знаю, — раздумчиво говорит Дмитрий Иванович. — Мы ведь занимаемся не только досмотром личных вещей. Есть и другая сторона дела.

Терпеливо и не торопясь он говорит о том, что буднично и прозаично зовется контрольно-инспекторскими функциями, то есть о проверке качества грузов. Пока груз на борту, он находится как бы на иностранной территории. Но вот, напрягаясь, гудя, плывет в небо стрела порталного крана. Сколько их нынче над головой, — слева, справа, куда ни глянь! Массивный крюк, как железный перевернутый знак вопроса, подхватывает груз и бережно — ну, как годовалого ребенка! — ставит на землю. Теперь он наш. Наш? Так будем же внимательны. Если ящик — не проломлены ли стены? Если тюк — на месте ли контрольные ленты? И все-то проверь не торопясь, на совесть. В случае чего, составляется акт. Убытки — на счет виновника: не выбрасывать же народную копейку, ежели виновата иностранная фирма.

Тут и характер груза, конечно, имеет значение.

— Если, к примеру, сгружают бокситы, это проще, — говорит Дмитрий Иванович.

«Проще». Однако и у бокситов свои нюансы. Добросовестный контролер обязательно поинтересуется, а не попали ли туда масла. Или, скажем, щепки.

У таможенников — свои навыки, свои профессиональные секреты. В печати нет-нет да и проскальзывают сведения о технических новинках, оказывающих неоценимую помощь при досмотрах. Так, в неприметном подвале кондитерской фабрики, в американском городе Сан-Диего, находится вычислительный центр таможенной службы США. Электронная память ЭВМ содержит имена чуть ли не четверти миллиона ранее привлекавшихся к ответственности «джентльменов удачи» (ничего себе цифрочка!). Чиновники при проверке документов и досмотре незаметно передают в Сан-Диего запрос. И мгновенно получают ответ об интересующем их субъекте.

А канадский ученый Р. Райт в журнале «Нейчер» написал недавно:

«Насекомых можно использовать для обнаружения контрабандных наркотиков и даже взрывчатых веществ точно так же, как в некоторых странах в таможнях уже используют собак».

Вот как, даже насекомых!

Но, думается, главная ставка и впредь будет делаться на человека, на инспектора. На его квалифицированность, принципиальность, неподкупность. Здесь, на Херсонской таможне, много коммунистов, комсомольцев; кто-то из них осваивал азбуку бдительности в ракетных войсках, кто-то — на погранзастве. С одним из них — секретарем партийной организации Анатолием Ванденко — мы разговорились, сидя на скамейке в порту. Анатолий Павлович несколько минут назад завершил ночную смену. Он достает папиросы, предлагает мне. Узнав, что я некурящий, Ванденко, прежде чем закурить, пересаживается на другой край скамьи, с «подветренной» стороны. Тем временем недалеко от нас, с корабля «Индиан Реноум», начинают выгружать тюки. «Наверное, тюки с арахисом», — говорит Ванденко, но справившись у дежурного инспектора, уточняет: «Семена анато». Я вглядываюсь в лица стоящих на корме матросов и спрашиваю:

— По-моему, все индийцы?

— Да, — отвечает Анатолий Павлович. — А порой экипаж состоит из моряков разных национальностей. Команда, скажем, — все англичане, а чиф мейт и капитан — японцы... Чиф мейт — по-нашему «старпом». — Английский язык Ванденко знает хорошо. Изучал самостоятельно, а затем три года ходил на курсы при клубе моряков.

— Однажды, — продолжает он, — такое вот, смешанное по составу, судно готовилось уже к отправке... Не так давно это было...

Ага, думаю, еще одна история!

В то памятное дежурство начальник смены Анатолий Ванденко решил проверить — так, выборочно, на вся-

кий случай — валюту у кого-либо из команды. Проверить соответствие наличности с указанием в вещевой декларации. Матрос, которого попросили показать деньги, предъявил около двухсот долларов. Анатолий Павлович глянул в заполненный бланк, а там значилось 260 долларов.

— Где же остальные? — спрашивает старший инспектор.

Молчание. Кашлянул стюард, кто-то из команды задел неосторожно столик. А матрос что-то сбивчиво объясняет, роется в ящичке, в одежде. «Если бы что-нибудь купил в магазине, — думает Ванденко, — то сразу же показал бы квитанции. И не суетился бы».

Наконец, матрос показывает еще несколько долларовых купюр, словно бы по волшебству появившихся в его ладони. «Ловко, — почти восхищается про себя Ванденко. — Фокусник. Откуда же он сумел их извлечь?» Минута проходит, другая. Тишина кажется натянутой, как виолончельная басовая струна, готовая вот-вот с треском лопнуть.

Корректно, предельно вежливо Анатолий Павлович просит матроса показать широкий поясной ремень. Матрос мнется, медлит; на незнание языка не сошелся, — просьба высказана на чистейшем английском, и по-слу жебному твердо. Делать нечего, предъявляет. По всей длине ремня пришита тонкая «молния». Секунда — и вместительный кошелек открыт, а в нем доллары, доллары... Контрабандная валюта была задержана в полном соответствии с нашими законами.

Еще в сентябре 1918 года В. И. Ленин подписал декрет СНК «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины». Огромную работу по сохранности национального достояния молодой Советской республики провели в свое время Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский, А. М. Горький. Традиция есть. И не едва различимая, а четкая. И все же, как ни печально, приходится признать: многие сокровища старины нашей уже уплыли за рубеж.

В печать, к примеру, уже несколько раз попадали сведения о госпоже Пост, жене бывшего в довоенное время посла США в СССР. В особняке, расположенном в колоритном парке «Хиллсуд» в Вашингтоне, эта госпожа выставила ценнейшую коллекцию русского хрусталя и фарфора, золотых и серебряных изделий, икон и царских реликвий.

Новая форма декларации вызвана острой необходимостью. Учсть нужно и следующее. Провоз наркотиков, скажем, запрещается всеми странами; отношения же к произведениям искусства различны. Мексика и Италия к примеру, запрещают их ввоз и вывоз, а Швейцария и США ограничений практически не делают.

С каждым днем растет число любителей туризма, число городов-побратимов. В этом тоже сказываются приметы века, особенно середины семидесятых годов (ведь и подобные вопросы рассматривались на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившем в Хельсинки). Недавно, например, «Интурист» и Бюро путешествий Ассоциации «Франция — СССР» заключили долгосрочный, на четыре года, контракт, предусматривающий расширение взаимного туристского обмена, — его численности, географии и вида передвижений.

Покачивается на рейде американец «Джин Лайкс» — удлиненный, странной формы черный грузовой корабль. Солнце поднимается все выше, следы короткого ночного дождя уже едва заметны. Портовые рабочие, то один, то другой, приветливо здороваются с Анатолием Ванденко. Судя по всему, здесь его уважают.

— Вам, наверное, отдыхать надо после смены?

Он щурится, как бы пропуская ресницами солнечные лучи.

— Ничего.

И не надо больше ни о чем спрашивать. Есть она, романтика. Но не сама по себе, не изолированная, а в нерасторжимом сплаве с долгом. С призванием. С велением сердца и времени.

Лежачие леса

**Андрей
НЕЧАЕВ**
профессор

Этот лес — труднопроходим. Узловатые ветви цепляются за одежду, полевые сумки, стаскивают с плеч бинокли, рюкзаки. Спотыкаешься о выступающие корни, путаешься в ветвях. То проваливаешься между стволами, то вылезает на них для того, чтобы опять упасть в провалы. Гибкие ветви, отводимые рукой, молниеносно возвращаются назад и бьют по лицу и голове.

Таков лес из бесствольных деревьев кедрового стланика. Ранее считали, что это — кустарник. В действительности стланик — это дерево, только без ствола.

Когда-то предки всех кедров были высокоствольными. Начавшееся похолодание уничтожило одни деревья и заставило другие из поколения в поколение уменьшать высоту. Постепенно ствол исчез. Сохранилась лишь нижняя мутовка боковых ветвей. Из них и возникла прижатая к земле крона. В центре такой мутовки иногда сохраняется сухой остаток вертикального ствола, который и раскрыл тайну происхождения бесствольного дерева.

Уникальные стелющиеся леса встречаются только в северо-восточной Азии. Они обычны на севере Приамурья, в Магаданской области, на Камчатке, Сахалине и Курильских островах. По горным системам кедровники тянутся на юг в Корею и Китай, местами в Японию. Самые западные форпосты кедрового стланика — горы северного берега Байкала.

Возникновению и сохранению стелющихся лесов способствовал особый климат северо-восточной Азии. Тут в зимнее время бушуют ветры, приносящие стужу с «полюса холода». При таком «марсианском» ветре хвоя зимой испаряла бы больше влаги, чем может запастись дерево. Только лиственница переносит такие невзгоды, ибо сбрасывает на зиму хвою. Но и лиственница редка на склонах, где дуют иссушающие ветры.

Стелющиеся леса из кедрового стланика — это надежные убежища пушных зверьков. Зимой они здесь спасаются от морозов и преследования, кормятся питательными орешками соболя и колонок, горностая и ласка. Леса из кедрового стланика — основная защита горных склонов от разрушения водой.

Местные жители ежегодно собирают с лежачего кедрового стланика многие тонны маслянистых орешков, из которых добывают ценное кедровое масло. Настой хвои кедрового стланика — лучшее средство против цинги. Смола используется для заживления ран и кожных заболеваний.

КУБИК

«События в рассказе — подлинные. В деревне Рыковщине на берегу прекрасного озера Дго поныне живет и здравствует Фруза Ивановна Каргавенкова с сыном Толей, а Миша перебрался в райцентр. Случай с синицей тоже, увы, факт».

Из письма автора.

Рассказ

**Николай
ЖУРКОВИЧ**

Рисунки
Н. Лазаревой

Всякий раз, когда я слышу поговорку: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки», мне припоминается одна история...

Было это несколько лет назад, в раннюю и вьюжную зиму. Как всегда, я выехал на свое любимое озеро Дго порыбачить по первому льду. Я знал это озеро с его подводными грядами, островами и ситами так же хорошо, как и собственную квартиру. Знал зимние стоянки красноперых окуней-горбачей, жадно бравших по первому льду не только на мормышку с мотылем, но и на блесну.

В этот раз я ехал на Дго не в середине декабря, как всегда, а в первых числах. Ехал, а сердце тревожилось: стал ли на озере лед?

Две трети пути автобус шел почти порожняком, а потом в райцентре к нам подсели двое — мужчина в крытой коричневом сукном шубе, солидный, с чуть одутловатым лицом, и мальчик лет двенадцати-тринадцати, у которого, несмотря на зимнюю пору, вокруг носа были рассыпаны веснушки.

Как только шофер открыл дверь, мальчишка прошмыгнул у него под рукой и, хотя автобус был полупустой, захватил сразу две скамейки. На одну он бросил шапку, на другую сел сам и расставил руки. Был он похож на шустрого воробья, который попал в непривычную обстановку и крутит во все стороны головкой, дабы удостовериться, что «зверя» сильнее его поблизости нет.

— Молодец, сынок, — похвалил мужчину, усаживаясь и запахивая полы шубы. — Оперативно сработал.

— Я и то смотрю, — обрадовался отцовской похвале мальчишка, — позаймут все, а мы трясись стоя.

Мальчишка поерзал на сиденье минут десять, то в окно поглядывая, то на пассажиров, и вскоре переключился на мою скамейку, видимо, заинтересовавшись снежками. Мы разговорились, познакомились.

На вопрос, как его зовут, мальчишка, усмехнувшись, ответил: «Кубик». Не имя назвал, а прозвище. Видимо, не стеснялся его, может, гордился даже.

«Кубик», — подумал я, — правильный шестигранник... А что в нем от кубика?...» Но в подробности решил не вдаваться.

Мальчишка трогал мои снасти и оценивающе поцокивал.

— Любишь рыбалку? — спросил я.

— Не, — мотнул мой сосед головой. — Это мальцы у нас бегают. А я что, дурак? Папка даст рыбакам на «красненькую», когда они с неводом ходят, и ешь сколько хочешь.

— Плохи, брат Кубик, твои дела, — сказал я, — совсем плохи.

— Почему плохи? — удивился мальчишка.

— Да как сказать... Радости рыбалки не знаешь.

— Какая ж радость — мерзнуть попусту?.. У кого ружье и уда, тот жить будет худо, — подвел итог маленький философ.

Мне стало вовсе жаль шустрого Кубика.

— А хочешь, Кубик, я подарю тебе везучую блесну?

— Ну да?! — усомнился тот в моей щедрости.

Я достал коробку, вынул ребристого, сверкающего золотом «жука» и протянул Кубику. Вот так же лет двадцать назад подарил мне первую блесну полковник Анатолий Петрович Васичкин. Удивительный это был человек. Рубили его басмаческие сабли, тюкали японские и немецкие пули, а он жил и по-детски радовался жизни. И первую блесну, сделанную из расклепанного полтинника, я храню до сих пор. Возьми и ты, Кубик, свою первую. Не раз и не два повернется твоя жизнь и, может, еще поймешь, как хорошо быть мальцом и бегать на озеро, не думать о том, что жить будешь худо. Может, и вспомнишь когда-нибудь обо мне, о золотом «жуке»...

В поселке Петровском мы расстались.

— Прощай, Кубик! Удачи тебе!

Тогда я действительно думал, что навсегда прощаюсь с ним.

Дальше — десять километров — мне предстояло добираться своим ходом.

Остановился я, как всегда, в маленькой хатке Фрузы Ивановны Картавенковой. Она жила с двумя взрослыми сыновьями — Михаилом и Анатолием.

Много в деревне больших и светлых домов, но я прихожу в эту маленькую послевоенную хатку, потому что вряд ли встретишь где-нибудь еще столько простоты и доброты. Я приезжаю сюда на свой праздник, но, мне кажется, он становится праздником и для этих людей...

С утра я ловил хорошо. Окунь был резв и брал с лету. Но к полудню северный ветер переменился на северо-западный, и повалил густой, хлопьями, снег. Домой я возвращался уже почти по колено в мягком белом пуху. За мною тянулся след, похожий на зимнюю кабанью тропу.

Всю ночь пуржило, и утром, когда я вышел к берегу озера, вчерашней тропы не было и в помине. Ветер недавно стих, и все казалось погруженным в какую-то тихую, прозрачную дрему. Сколькo ни вслушивайся — ни звука, ни голоса.

Теперь снег уже выше колен. Не поднимая ног, я, как бульдозер, гребу его перед собой. С непривычки устали ноги, выступила испарина на спине. Отсчитывал сорок девять шагов, а на пятидесятом снимал с плеча зелено-голубой рыболовный ящик, усаживался на него и несколько минут отдыхал.

Тишина вокруг такая, что в ушах от нее легкий звон. И кажется, что не мир вокруг тебя безмолвствует, а ты вдруг перестал слышать. Несколько раз я ловил себя на этом и даже снимал с головы шапку, но ничего не менялось. Все так же звенела в ушах тишина, все такой же безжизненной выглядела снежная равнина.

Умом я, конечно, понимал, что безжизненность эта только кажущаяся. Где-то подо мной, под десятисантиметровой корочкой льда, какое-то живое существо ест траву. Где-то в лесу, забившись в рыхлый снег, дремлют тетерева, где-то у самой земли торят свои ходы мыши полевки. Они конечно пищат и дерутся из-за каждого съедобного корешка, но их писк заглушается пыльным и снежным одеялом.

Что это? За моей спиной раздается звонкое и — в застоявшейся тишине — почти пронзительное попискивание. Оборачиваюсь и вижу маленький желто-зеленый комочек перьев с двумя живыми бусинками глаз. В трех-четырёх шагах от меня комочек перепархивает с места на место, оставляя на снегу легкие лунки.

Много я видел разных птиц — невзрачных и экзотических, но ни одна из них никогда не казалась мне столь прекрасной, как эта пичуга. Ярко-желтое брюшко с темным галстучком-полоской от шеи до самого подхвостья, желто-зеленый кургузый пиджачишко, зеленая с отливом шапочка и белые щеки, над которыми весело поблескивают темные точки проворных глаз.

Отложив в сторону меховую рукавицу, я достаю коробку с приманкой и жертвую синице двух личинок жука-короеда. Жирные белые червячки с темными головками неуклюже извиваются на рукавице. Не отрывая от них глаз-бусинок, синица прыгает вокруг, но не решается схватить лакомство.

Не бойся же, дуреха! Я дарю тебе этих короедов.

Голод, видно, сильнее страха. Синица опускается на рукавицу, хватает червячка и, держа его в клюве, летит к островному кустарнику. Через минуту она возвращается, берет еще одного короеда и проглатывает его, не взлетая с рукавицы. Поняла, что по отношению к ней у меня нет злых намерений.

Думается, именно с этого момента я и по-

дружился с синицей. Каждое утро, едва я только подходил к острову Долгому, как раздавался знакомый писк, и синица неотступно следовала за мной. Садясь отдыхать, я откладывал в сторону рукавицу и доставал из кармана специально приготовленные лакомства — пшеничную крупу, очищенные от мучной пыли крупные отруби, тертые семена репейника, коноплю и кусочки сала. Конопляного семени и несоленого сала доставала у кого-то в деревне Фруза Ивановна. Она прониклась к синице состраданием и повторяла, что птищечка, должно быть, какая-нибудь больная или калеченая, поскольку летает в одиночестве и кормится возле человека.

Но синица не была больной. Отъевшись на щедрых харчах, она повеселела и ко мне привязалась накрепко. Весь день я переходил от лунки к лунке, отыскивая окуней, и весь день за мной сновала синица. Ее попискивание казалось уже не жалобным, а скорее озорным. Мне чудилось иногда, что синица выводит не свое обычное «фю-ить, фю-ить», а «клю-ет, клю-ет».

Два раза в день мы с нею устраивали совместные пиршества. Я варил на спиртовке кофе, грел бутерброды, а для синицы накрывал рукавицу-самобранку.

Через некоторое время после нашего знакомства я уже не снял рукавицу, а насыпал на нее еду и протянул синице: «На, ешь, белошекая!»

Синица долго верещала, прыгая вокруг, но голод опять сказал свое веское слово. Птица уселась на рукавицу, обхватив большой палец своими цепкими коготками.

К концу недели, мне казалось, я окончательно приручил синицу, а на самом деле, не я, а синица приручила меня. Подойдя утром к острову Долгому, я усаживался на свой ящик и ждал, когда моя подруга изволит явиться и просветить: «При-вет! При-вет!» Иногда мне приходилось ждать долго. И уловы мои с каждым днем уменьшались. Только об этом я не печалился. Наверное, был счастлив, как бывает счастлив тот, кто испытал взаимную любовь.

Но в воскресенье, когда на лед высыпали свободные от занятий школьники и местные взрослые любители, меня стала мучить ревность. Моя желтогрудая подруга оказалась существом легкомысленным. Она доверчиво села полакомиться и на руку Миши, который сумел прижать три передних коготка синицы большим пальцем и остальной частью рукавицы и свободной рукой накрыть пичугу сверху. Я думал, что синица заверещит, вырываясь. Но она пригелась в рукавицах и, казалось, не прочь была бы и подремать. Но стоило Мише разжать руку, как синица тотчас улетела в прибрежный кустарник.

— Больше не вернется,— сказал Толя.— Не надо было пугать.

— И к лучшему,— философски заметил Миша.— Потому что люди бывают разные...

В тот день синица больше не появилась, и я уже подумывал, что все мои попытки приручить ее пошли насмарку. По этому поводу вечером за ужином состоялась целая дискуссия. Фруза Ивановна ругала своего старшего, что он как бы нарушил песню, которая складывалась сама собой. Я же про себя удивлялся, что крохотное «ничейное» существо так занимает взрослых, обремененных заботами людей.

Когда я назавтра подошел к острову, утренние сумерки рассеялись еще не до конца, но синица меня уже ждала. Весело попискивая, она вилась вокруг. И опять почти всю неделю я был счастлив. Синица будто старалась загладить свою вину и садилась мне на шапку, цеплялась своими острыми коготками за палец голой руки. Несколько раз меня подмывало взять ее в руки, но что-то удерживало...

В четверг я провалился в полынью, не остерегся, забыл о теплых ключах, бьющих со дна озера. И был наказан за это жестокой ангиной.

С болью в горле и сердце провожал я в воскресенье утром братьев на рыбалку, а потом ждал их возвращения. Короткий зимний день показался мне бесконечно долгим.

Чтобы хоть как-нибудь скоротать время, я выпросил у Фрузы Ивановны фанерную крышку от посылочного ящика и стал сооружать кормушку.

Миша вернулся с озера уже притемно. Он поставил у порога почти полное ведро крупных окуней и, повернувшись к нам спиной, стал зло колотить носками заледенелых валенок о порог. По одному этому можно было судить, что случилось неладное.

— Толик где? — выдохнула Фруза Ивановна, бледнея.

— Побежал догонять петровских школьников. Синицу поймали...

Через час пришел Толик. Он молча содрал с мокрой головы шапку, бросил ее на скамейку и стал снимать валенки.

Весь вечер в доме молчали. Вероятно, каждый из нас думал одно и то же: «Как же нам теперь без синицы?»

Странная все-таки эта штука — привязанность. Еще две недели назад мы не знали синицы и жили спокойно. Десятки ее желтогрудых сестер прилетали к нам под окна, порхали по яблоням и, может быть, в сотый раз осматривали каждый сучок, каждую складку в поисках какой-нибудь затаившейся букашки. Может быть, у кого-то и мелькала мысль, что хорошо бы покормить голодных птиц, но тут же забывалась. У всех были свои неотложные дела, а синицы были «ничейные».

Как ненужное напоминание о «нашей» синице на табуретке у окна лежала недоделанная кормушка. Чтобы она не мозолила глаза, Фруза Ивановна положила ее за припечек. Теперь по

утрам, собирая мне пакет с едой, старая женщина уже не скажет: «Это тебе, Васильевич, а это — синичке. Не перепутай, для нее соленое — вредно».

Ах, синица, синица! Видно, тебе же на горе я приручил тебя.

В понедельник утром встал я рано, как на рыбалку, и пошел в Петровское искать «свою» синицу.

— Мне надо знать, кто из учащихся был вчера на озере Дго,— сказал я в учительской.

— А что случилось? — насторожились учителя.

— Да случилось вот, понимаете... — стал я подыскивать наиболее убедительные слова. — Ваши ребята...

— Нахулиганили?

— Опять солому жгли?

— Да нет, синицу поймали...

Вот оно, оказывается, что! Взрослый, немолодой уже человек приходит с такой ерундой к занятым людям, отнимает у них время.

— А вам что, нужна эта синица?

— Да, собственно, не мне...

— А кому?

— Всем...

На перемене в гулком и шумном школьном коридоре я нашел того, кто поймал «мою» си-

ницу. Это был ничем особенным не примечательный мальчишка-сорванец, каких в любой школе много.

— Ты поймал синицу? — как можно спокойнее спросил я.

— Ага,— подтвердил мальчуган,— шапкой накрыл. Она была какая-то чумная: людей не боялась. Сдохнет, наверно.

— А где она сейчас?

— У Кубика. За блесну променял.

— За золотистого «жука»?

— Ага, за «жука»,— удивился мальчуган моей осведомленности.— Деловая блесна.

Потом я отыскал и Кубика.

— Здравствуй, Кубик! — протянул я ему руку.

— Привет! — звонко хлопнул мальчишка своей ладошкой по моей...

Мы долго шли с ним на самый край поселка и толковали о синице. Кубик шагал не по-мальчишечьи степенно, медленно переставлял ноги в новых высоких валенках с галошами.

— Подарками, Кубик, торговать нехорошо,— попытался было я корить мальчугана.

— Почему нехорошо? — удивился Кубик.— Ты же мне блесну отдал насовсем?

— Насовсем.

— А раз насовсем, то, значит, куда я ее хочу, туда и дену. Так?

— Так-то оно, так... Ты яблоки любишь?
— Кто ж их не любит? Разве, у кого зубов нет.

— А знаешь, Кубик, что одна пара синиц с потомством целое лето оберегает от гусениц, тли и других вредителей около сорока яблонь?

— Ну и что?

— А то, что синицы-родители приносят птенцам ежедневно до шестисот гусениц. Эта птичка — одна из самых храбрых.

— Ну и что? — опять равнодушно спросил Кубик.

— Выпусти, Кубик, синицу, а?

— А ты что, вот так за каждой синицей и ходишь?

— Да нет, не за каждой, но эта синица — мой друг. Понимаешь, Кубик...

— Синица — твой друг? — хохотнул мальчишка.

— Между прочим, и твой тоже.

— Это мы уже проходили, — ответил Кубик. — Птицы — друзья человека.

— Значит, ты выпустишь? — обрадовался было я.

— Неа, — отрезал Кубик. — Может, я продать ее хочу.

Никогда я не бил детей и даже не представляю себе, как это вообще возможно. Но Кубика готов был ударить.

Вот он спокойно шагает рядом в новых блестящих галошах и чувствует свою правоту. И зачем ты, взрослый человек, пришел к мальчишке и донимаешь его своими разговорами о какой-то там синице? Да таких синиц многие тысячи летают по белому свету. А Кубик честно выменял за блесну твою птицу.

Неуязвим был Кубик. Как древний рыцарь, закованный в стальные латы, он бесстрашно и уверенно шагал по земле и не обращал внимания на какие-то легкие стрелы, которые, ударяясь о его броню, не оставляют на ней даже крошечной отметины. Когда-то, лет шестьсот пятьдесят назад, неглупый король Людовик Баварский издал специальный вердикт: «Тяжкий штраф ждет того, кто поймает синицу, усердного ловца насекомых». Но даже король, будь он жив сейчас, ничего бы не сделал с Кубиком, который синицу не ловил, а просто выменял.

— Хочешь, Кубик, я дам тебе за синицу пять самых лучших блесен?

— Зачем они мне? Я рыбу не ловлю.

— Ну, а пять рублей хочешь?

— Пять рублей?! За синицу — пять рублей?

— Пять! — я радуюсь, что, наконец, нашел у Кубика уязвимое место.

— Давай, — протягивает Кубик руку и ехидно улыбается, будто ему удалось уличить меня в чем-то недостойном. — Ну, что же ты не даешь?

Теперь и я не льком шит. Пять рублей

отдам — не жалко, но лишь после того, как он отдаст мне синицу. А пока вступаю в игру.

— Понимаешь, Кубик, — растерянно хлопаю я себя по карманам, — деньги-то у меня в деревне остались. Но я даю тебе честное слово...

— Честным словом сыт не будешь, — философствует Кубик.

— Возьми в залог, — я снимаю с головы шапку и сую Кубику в руки.

— Заношенная, — как профессиональный скупщик, выносит Кубик свой приговор. — Да и как же ты без шапки назад пойдешь?

— Об этом не беспокойся, — весело говорю я. — Шарфом голову заматаю, и будет еще теплее, чем в шапке. А синица-то у тебя где, в клетке?

— Неа, под решетом сидит.

— А почему под решетом?

— Чтобы Рыжий не сожрал. Кот у нас сибирский...

— Так он же может решето перевернуть или прогрызть?!

— А я сверху двумя железками прижал. И сетка в решете железная. Сегодня утром Рыжий когти об нее поломал, — рассмеялся Кубик. — Потеха, да и только. Рыжий, значит, видит синицу и хочет ее схватить. Не понимает, дурак, что сетка железная. Потеха, да и только.

— Если, Кубик, шапка тебе не нравится, могу свой офицерский ремень в залог оставить, — говорю я. — Ты не смотри, что он выглядит не новым, он со мной уже пятнадцать лет, и я с ним налетал в самолетах почти три тысячи часов. Это, Кубик, много...

Нет, и это не тронуло его. Кубик ничего не ответил.

Мы уже подошли к его дому, такому же новенькому, чистенькому и аккуратненькому, как мой собеседник, и Кубик стал копать в портфеле, отыскивая ключ от большого всячего замка. Терпение мое было на пределе, и я начал закуривать.

— Ты, дядь, не кури, — рассудительно сказал он. — А то будет в доме пахнуть дымом. Папка подумает, что я курил...

О том, что я увидел дальше, мне трудно говорить. Решето, под которым сидела синица, оказалось опрокинутым, а на чистом, высокoblенном и еще не покрашенном полу виднелось несколько капелек крови и валялись мелкие желтовато-зеленые перышки.

— Все-таки сожрал Рыжий! — вслух удивился Кубик. — Бери свою шапку назад...

По-прежнему тянет меня на озеро Дго, но я туда больше не езжу.

По поводу «Кубика»...

Трудно объяснить, почему именно к этому невыдуманному рассказу бывшего летчика Николая Васильевича Журковича мне захотелось написать послесловие. Бывает так — затронет автор давно наболевшее, и потекут размышления чередой.

Возможно, что кому-то из читателей рассказ покажется сентиментальным: то ли, мол, в жизни бывает, люди гибнут, а тут из-за какой-то птички сыр-бор. Да и кто выводит больше? Не сам ли герой, приручивший синицу? Не сотвори он этого, не далась бы так просто синица в руки школьному шалопаю. А уж Кубик совсем ни при чем, по-честному выменял птичку на блесну, да еще позаботился, чтобы ее кот не съел...

Может быть такое суждение? Допускаю, что может быть. И от этого еще скованнее делается в груди.

Однажды платил я за квартиру в центральной сберкассе города. Большой зал с колоннами, десятка два окошечек в стеклянных стойках, очереди, куда — погуще, куда — пожиже. И было время ослепнуть.

В углу зала, где не толпились, в сторонке от всех, перешептывались два мальчугана лет по двенадцати. В руках у них были карточки «Спортлото». По несколько штук у каждого. Они, волнуясь, что-то объясняли друг другу, потом враз повернулись спинами, пристроили портфели, как столики, и начали усердно перекрещивать шесть «заветных» цифр.

Это была не игра в «морской бой» или в «крестики и нолики», а нечто другое, возможно даже, расчет на выигрыш, денежный выигрыш, щедро обещаемый уличными зазывалами, оснащенными ныне портативными мегафонами, кургузыми раскладушками и пачками, пачками, пачками разных билетов. Не исключено, что «Спортлото» продавалось и в этой сберкассе.

Известно — спиртных напитков подросткам не продают. А лотерейные билеты? За тридцать копеек можно стать обладателем нескольких тысяч рублей. Очень заманчиво. Реальных тысяч, а не каких-то там «попаданей» в пятикеточный крейсер на тетрадном листочке.

Мальчишки долго соображали, «на что поставить?», и, закончив волнительный труд, чинно пошли к жел-

той урне. Они, судя по всему, этот путь знали.

«Им давали деньги на обед, они сэкономили и вот обзавелись карточками, — думал я. — А вдруг выиграют? И крупно? Скажут родителям? Детям-то, наверно, выигрыши не оплачивают? Или эти юные Каупервуды найдут ребят постарше и за определенный процент договорятся, чтобы те получили выигрыш? Бесконтрольные деньги — ох, как они заманчивы! ...А если сами родители не видят ничего дурного в таких «играх?»

Так и прошли мимо меня эти двое мальчишек — с полной уверенностью, что сие им дозволено. Еще не взрослые и уже не дети. Еще не выигравшие и уже проигравшие. Кубики? Не знаю. Кубик из рассказа, вероятнее всего, пожалел бы не твердо обеспеченных затрат. Он, вероятнее всего, предпочел бы трезвый расчет сомнительной авантюре. Хотя, кто его знает — жажда денег продемонстрировала миру такие ситуации и характеры, что, как говорится, нарочно не придумаешь.

Деньги...

Они — и мера труда, и гордость, если хотите, они — и зло, когда душевные помыслы уже отравлены стремлением накопительства. (О деньгах, нажитых нечестно, и говорить не будем, это просто грязные, уловенные деньги.)

Пытаюсь убедить себя, что те двое мальчишек — просто случай. Ну, всякое бывает. Одноразовая забава, желание острого ощущения — «вдруг да повезет?» А прочтут потом в газете, что номера их не совпали, посмеются и забудут. И вправду посчитают, что «морской бой» куда интереснее. Пытаюсь так думать...

Но Кубик-то не вымышлен.

Очень рано узнают наши дети цену деньгам. Очень многие детские радости так или иначе определяются стоимостью — конфет, мороженого, игрушки, катания на карусели; и тем, во что и как они одеты, и тем, какой достаток в семье.

Они ведь все слышат и все понимают — наши дети.

«Нет у меня на яблоки, и нечего кваситься, три дня еще до зарплаты...», «Вот будет получка — купим тебе костюмчик», «Горюшко ты мое, да мне денег не хватает каждый раз ботинки тебе покупать...», «Вот Галкины жить умеют: был «Запорожец», а нынче на — «Жигулях», «Ты мне сдачу всю до копеечки принеси, слышишь?», «Тринадцатую получим — и будет тебе велосипед», «Витьке мать трехку дала, а мне полтинник сунула — и будь здоров».

Сколько подобных разговоров в семье и около. Деньги, деньги...

Гордость, зависть, раздражение.

И тона, и полутон — фиксирует, преломляет на свой манер неокреп-

шая душа подростка. И никуда от разговоров о материальном достатке не денешься. Это — сама жизнь. Но насколько же должен быть высок нравственный климат в семье, в школе, на улице, чтобы не вынес ребенок «из личных наблюдений» превратное представление о деньгах и заработках, чтобы в конце концов в состоянии был подумать: «Мой-то полтинник ничуть не хуже твоей трешки. Сколько могли родители, столько и дали».

Народная мудрость оставила нам в поговорках и пословицах россыпи мыслей, искусно интонированных то горечью, то издевкой. «Бога-тый-то с рублем, а бедный-то со лбом», «Убогий на богатого сердится, а вслед за ним без шапки ходит», «Кресты да перстни — те же деньги», «У кого деньги вижу, души своей не слышу», «Через золото слезы льются», «Лишний грош — перед гильею»...

Это — о прежних деньгах, о прежнем богатстве. Но если вслушаться, то кое-какие мысли и до сих пор живучи. Недаром же «мудрый» Кубик со слов отца, вероятно, изрекает уверенно: «У кого ружье и уда, тот жить будет худо».

А что значит «жить хорошо» по мнению Кубика? Удачно повернуть пока еще мальчишескую сделку?

Нет, нам далеко не безразлично, какими они вырастут, наши дети: настоящими ли труженниками, для которых сама по себе работа — радость, а деньги — необходимое условие существования, или упадет неискоренимо одно лишь стоящее: пересчитывать свои дни, порученные дела, окружающих людей по денежной иерархии — от рубля до сотенных.

Если у кого из читателей, и юных, и взрослых, возникнет желание откликнуться на все то, о чем здесь сказано (а сказано, конечно, очень мало, поскольку тема бесконечна), мы с интересом и, думается, с пользой для нашего общего дела прочтем каждое письмо, подпишется ли товарищ своей фамилией или пожелает остаться неизвестным.

Может быть, и тем двум мальчишкам, игравшим в «Спортлото», попадет этот номер журнала, и они напишут? А может быть, и сам Кубик (автор тактично не дал его настоящего имени) посчитает задетым себя за живое и не согласится с собою, прежним? Ведь он уже подросток, уже, наверно, школу заканчивает, и глубже стал разбираться в нашей жизни, где отнюдь не деньгами должно мерить человека и человечность.

Лев
РУМЯНЦЕВ

Разноцветный горизонт

**Альберт
ГУРУЛЕВ**

*Рисунки.
Н. Мооса*

Мои друзья

Вот уже несколько лет подряд я приезжаю на Братское море, в деревню. К Валентину, своему университетскому другу. Когда-то новое море, новая жизнь в этих краях, тихая страсть к рыбалке увели его сюда.

В деревне я как бы заново понимаю, что туманы обещают грибные дни, июльское парное тепло — хороший урожай, а ясные закаты и высокий полет ласточек — ведро. И все имеет смысл. И все имеет отношение ко мне. Поднимется ветер, пойдет снег, разыграется море, полетят гуси — все это и определяет там мою жизнь.

Всегда с радостью приезжаю в этот дом. Трудно подобрать слова, точно передающие это ощущение, слова прозрачные, легкие, ускользающие. Быть может, все в том, что люди, живущие в этом доме, давно стали частицей моей судьбы, частицей моего я...

С Валентином мы познакомились давно, в самом начале студенческой жизни. Приехал я в ту пору из поселка пыльного, лишенного всякой зелени, далекого от рек. И, видимо, потому зеленый мир, живая вода вызвали во мне тихий восторг. Даже рассказы о тайге, о кострах, ночевках, речных переправах слушались как волшебные сказки. Валентин учился на географическом и практику проходил то на Байкале, то в других не менее счастливых местах. А на четвертом курсе, прервав на год учебу, ушел с геологической экспедицией в район будущего Братского моря. Изредка я получал от него письма и завидовал его костровой бродячей жизни. И я не удивился: когда пришло время распределяться на работу, Валентин выбрал Братское море, море, которое тогда еще только рождалось.

Просторный дом Валентина стоит на самом берегу моря. Нужно лишь выйти за ограду, пройти узкую полосу соснового леса, и вот

— Пожалуй, ты прав,— серьезно соглашается Светлана.— Да и вообще-то это ружье мне нравится. Правда, отдача у него немного резковатая.

«Отдача резковатая». Это что-то новое в лексиконе Светланы. Сказывается влияние Валентина. Я никогда не предполагал, что услышу от нее такие слова: Светлана всегда была какая-то слишком домашняя и городская, что ли. А вот — довелось услышать.

Почти каждый раз, приезжая к Валентину, я нахожу в его коллекции новое ружье, но не нахожу уже знакомых.

— Подарил,— отвечает Валентин на мой вопрос.

К таким ответам я привык: сколь велика у Валентина страсть покупать ружье, столь же нравится ему их дарить. И в моей квартире висит тяжелое садовое ружье прекрасного боя — подарок Валентина.

Трудно рассказывать о человеке, которого хорошо знаешь. Мне хочется рассказать о Валентине объемно, полно, а в памяти возникают отдельные эпизоды.

Вот мы на полузатопленных островах. В то время я еще только привыкал к ружью, стрелял в белый свет и, конечно, мечтал об удачном выстреле. Мы прятались в низкорослом, едва доходящем до пояса сосновом подросте и ждали уток. И дождались. Вначале, где-то на грани воды и неба, появилось комариное облачко. Облачко стало расти, приближаться и заполнять собою небо. Никогда больше, ни прежде, ни потом, не видел я враз так много уток. Они шли плотным валом, шли так низко над водой и островами, что можно было отчетливо различить каждое перышко на их светлых брюшках. Воздух уплотнился и могучно гудел под взмахами сотен крыльев. И было ясно: подними ружье, нажми курки, и из лавины уток две-три непременно упадут. С восторгом смотрел я на эту живую жизнь и что-то мешало мне поднять ружье, а когда решился и изготовился, услышал сдавленный Валькин крик:

— Не надо! Не стреляй!

Потом уже, когда небо опустело, я спросил Валентина:

— Ты это чего — не стреляй?

— Не надо было стрелять — и все тут! В общем, не надо было стрелять...

Я-то теперь знаю, что действительно не надо было стрелять. Быть может, тогда я, еще смутно, но почти понял, что на охоте не всегда надо спешить хвататься за ружье и что это не охота, когда всех-то забот у тебя — поднять ружье и нажать курок. И вообще охота для нас с Валентином — скорее повод побывать на природе, чем забота о добыче.

И сейчас, много лет спустя, перед глазами видится: синяя вода, зеленые маленькие сосны,

полузатопленные острова, и над всем этим плотной завесой идут утки. И густой воздух гудит под их сильными крыльями.

Или другой вспоминается случай. Хотя какой случай? Ведь ничего и не случилось особенного, а вот вспоминается тот холодный предосенний день.

За окном непогода и мы сидим около жарко топящейся печки. Сквозь ее кирпичные бока сочится сухое тепло. В доме тихо и уютно. Еще вчера мы думали: плыть на рыбалку. А утром встали — куда поплывешь? Низкие серые тучи. Холодная сырость пропитала весь мир. И потому мы сидим около печки, листаем журналы и тоскливо смотрим в окно: день пропал. Даже Димка, сын Валентина, не рвется на улицу. А это уж совсем редкость. Даже собака Лада получила сегодня разрешение находиться не на улице, а в доме, но, правда, только в прихожей. Лада положила голову на низкий порожек и умиротворенно смотрит на хозяина. Через минуту оказывается, что Лада и передними лапами перебралась через порог. А так, вроде, все по-прежнему: как лежала, так и лежит. Валентин не выдержал, улыбнулся наивной собачьей хитрости. Улыбка чуть заметная, но Лада уловила ее и поняла по-своему: она уже в комнате, благодарно и виновато машет хвостом. Хотя кого бояться?

Ничего не случилось, а вот булькнула неосознанная радость в груди.

Крупный кот по имени Васька, любимец Валентина, с достоинством вышел из соседней комнаты, мягко прыгнул на колени к хозяину, ласково заурчал.

— Окушка Ваське надо. Заскучал Васька без окуней.

Кот услышал знакомые слова, заурчал сильнее, просительно выгнув спину, потерся о хозяина.

— Уважить бы надо Ваську.

— Достоин того.

— А чего тогда сидим?

Всего-то вот такая малость и нужна иногда бывает, чтобы рыбачий азарт окончательно овладел душой и никакая мокреть и стылость не могли бы уже удержать человека дома.

Потом, уже на острове, отогреваясь около костра под защитой брезентового навеса, Валентин с удовольствием ворчит:

— Если б не нужда гнала, разве пошел бы я в такую погоду на рыбалку. Да ни в жисть.

Такая вот «нужда» угнала его как-то за море по неокрепшему еще льду. Море только день или два как стало, лед еще был тонкий и прозрачный, потрескивал и, казалось, прогибался под тяжестью человека, но Валентин ушел на тот берег. К вечеру он не вернулся, а ночь наступила кромешно темная, без звезд. Опасаясь, как бы Валентин при возвращении

не сбился с пути, мы разожгли на берегу большой костер. Первые дрова уже почти сгорели, когда в темноте бесприютной ночи послышались чертыхания, и Валентин появился в свете костра.

— Это вы хорошо придумали — костер, — простуженным голосом похвалил нас Валентин. — Я бы определенно в сторону ушел.

Потом, отогревшись, Валентин рассказывал, как было страшно переходить ночью море, как трещал лед и откуда-то из темноты под ноги шла вода. Вода намерзала на валенках, валенки становились тяжелыми, неуклюжими и очень скользкими. Ножом он срезал с подошв ледяные наросты, но это помогало ненадолго.

— Жить тебе надоело, что ли? — сказал я ему тогда. — Какой леший тебя по такому льду погнал?

Валентин ответил серьезно:

— Нет, тут ты не прав. Жить я люблю. Даже очень люблю. Мне интересно жить. Именно интересно. Ты понимаешь?

Валентина я, вроде, понимаю. Я знаю, что он очень любит свою школу, свою работу, но и не представляет своей жизни без нового моря, без тайги и всего, нередко многотрудного и рискованного, что с нею связано.

...Обычно в конце зимы от Валентина приходит письмо с первыми планами на лето. Пришло такое письмо и нынче.

«Мне все чаще и чаще стала сниться тайга. На отпуск Светлана сманивает меня в Европу. Соглаasia я еще не дал: гораздо интереснее было бы побродяжить по дальним уголкам моря. Как и где думаешь провести лето? Пиши.»

И я, конечно, пишу.

Вдогонку за стаей

Как только зашуршат в увядших травах предупредительные заморозки, приходит время сбора опят.

Километрах в десяти от деревни, на заросшем старыми березами мысу, еще в прошлые годы присмотрели мы грибное место. Собирались поехать втроем — с Валентином и Светланой, — но у Валентина находились неотложные дела, поездка откладывалась со дня на день, и, наконец, опять-таки сославшись на крайнюю занятость, он заявил:

— Одни поезжайте. А я раньше, чем через неделю не освобожусь.

Легко сказать — поезжайте. Добраться туда мы можем только на лодке и уже одно это заставляло меня задуматься. Лодочный мотор я освоил совсем недавно. И даже не освоил, это сказано чересчур громко, а только научился его

заводить и управлять им на ходу. Гордостью и вершиной моих технических знаний было умение вывинтить и зачистить пробки. Наше море, хоть оно и не совсем настоящее, а не любит шутить. Не дай бог, волна... А тут еще Светлана...

Но Валентин пытался настроить меня на бодрый лад.

— Что тут плыть? Тридцать минут туда и тридцать обратно. И делать нечего.

— А если мотор заглохнет?

— Лодку оставите, а сами по берегу домой.

И мы решили плыть.

Лодка у Валентина в то время оставалась только одна, трехместная фанерная «Маринка».

На озерной тиши лучше «Маринки» трудно придумать: и остойчивая, и быстроходная, и легкая. Ровно гудит мотор, стелется за лодкой пологий бурун, плывут мимо далекие зеленые берега, голубеют вода и небо. До заветного мыса мы добежали минут за тридцать, а то и меньше. И все мои опасения уже казались ненужными, придуманными.

И я все делал правильно и уверенно. Во время уменьшил обороты мотора, хорошо провёл лодку среди прибрежных топляков и коряг

и в нужную секунду выключил мотор. И лодка плавно уткнулась в берег.

Очень красив лиственный лес в ясные и теплые дни того времени года, когда не поймешь, то ли это конец лета, то ли начало осени. Березы еще в зелени, в расцвете жизненных сил, но на некоторых уже появилась первая, неяркая пока желтизна. А лес уже как бы поредел, высветлился, и в нем теперь много просторнее.

Прямо от воды увидели семейство опять. Очень благополучное и многочисленное семейство. А чуть поодаль второе, третье, пятое. Господи, сколько же здесь грибов! И радостно, что грибов так много, и лес этот светлый жаль, жаль старые березы. Представилось, что нелегко им от такого нашествия опять.

С шумом вылетели из березового подростка тетерева, замелькали среди белых деревьев. Я захватил с собой фотоаппарат в надежде сделать хорошие снимки, но вот не приготовился и даже не расчехлил камеру. Надо бы аппарат, как ружье носить, всегда наготове. Но тут же находил успокоительные слова: если заранее к работе не готов, не настроен, то внезапно взлетевшего тетерева вряд ли сфотографируешь. Правда, эти косачи, вроде, уж очень медленно летели...

Но досада быстро проходит: вон сколько грибов. Упитанных. Солнечных. Знай, не ленись. Очень быстро мы со Светланой нарезали ведер пять-шесть опять. Можно бы и еще брать грибы, но в крошечной лодке свободного места не так уж и много. Да и погода начала портиться. С северо-запада, из гнилого угла, поползли размытые, темные понизу, облака. И ветер посвежел, и заметно стал холоднее. Но самое неприятное — голубое море потеряло свой цвет, стало серым и по нему пошла волна. Пусть еще не крутая, а все ж волна.

Торопливо я стал собираться в обратный путь, а сам все с опаской поглядывал на море и небо: ветер как будто еще усилился.

Мотор завелся сразу. Но едва я вывел лодку на открытую воду, как понял, что волна для нашей «Маринки» не совсем шутейное дело. И управлять ею стало не так просто. Чуть прибавишь обороты двигателю — лодку жестоко колотит о волны, через правый борт обдает холодной водой. Уменьшишь газ — того хуже, не слушается лодка руля. Пока принаравливался к волне, совсем забыл о Светлане. А когда понял, что плыть все-таки можно, подумал: надо ободрить Светлану.

— Это не волна, а ерунда. Для разнообразия даже приятно.

— Пустяки, — согласно кивнула она. — Но приятного немного. У меня уже весь бок мокрый. Но и это, вообще-то, пустяки.

Я посмотрел на Светлану, пытаюсь ее понять: или она бодрится и прячет страх, или сме-

ла от неведения. Но Светлана сидит в носу лодки совершенно свободно, без напряжения. И даже как к неизбежному, без всякого видимого неудовольствия, относится к заплескивающейся в лодку воде.

И я уже увереннее почувствовал себя на руле.

Один совет Светлана все же подала:

— Ты правь к острову. А потом вдоль острова пойдем. Там много тише будет.

Дельный совет. Идти к острову направление волны вполне позволяет. А с заветренной стороны острова определенно тише будет. От острова мы двинемся к берегу. Это хоть и удлинит наш путь, но зато вскорости мы окажемся укрытыми от большой волны.

Близ острова протянул над головой утиный табунок. Совсем невысоко прошел. Отличный бы снимок можно было сделать: низкие темные тучи, белые барашки волн и на первом плане утиная стая. И причем так близко, что можно отчетливо увидеть поджатые красные лапки и бусинки глаз. Но у острова хоть волна и ослабела, однако далеко не на столько, чтобы бросить руль и схватить фотоаппарат. Светлана, проводив табунок взглядом, повернула ко мне загоревшееся азартом лицо.

— Ах, какой снимок ты упустил.

Я согласно кивнул.

— Давай я на руль, а ты с фотоаппаратом на нос лодки.

Я заулыбался и дал понять, что шутку вполне оценил.

— Давай руль. Я ведь вполне серьезно. — Светлана, вроде, даже сердится. — Вон ведь опять стая летит.

Видя мою нерешительность, Светлана ловко, почти не нарушая равновесия лодки, пробралась на корму.

— Быстро на нос! Корму перегрузим.

И сам вижу — перегрузили. Скрепя сердце, я передал ей руль и тут же забыл о нем: приоближались утки.

А это какой-то закон: нет фотоаппарата или ружья — утки могут садиться чуть ли не на голову, глухари — подпускать на двадцать метров, да еще при этом долго и оценивающе тебя разглядывать, зайцы — чуть ли не сбивать с ног. Но когда вышел специально на такую охоту — все живое словно бы вымирает. Вот и сейчас утиная стая, не в пример первой, стала отворачивать от нашего курса. Если бы прибавить скорости нашей лодке и пойти наперерез утиной стае, то лишь тогда можно было надеяться, что удастся сделать хороший снимок.

А тем временем голос мотора окреп, наполнился высоким гулом, из-под носа лодки высоко взметнулись водяные усы, и лодка, изменив курс, стремительно понеслась по волнам.

Стая ближе, ближе. Торопливо отщелкиваю

кадры. Но нужно еще ближе. Несколько секунд и... Остров, дотеле прикрывавший нас от большой волны, кончился и, дабы избежать беды, нужно было немедленно погасить скорость лодки. И лодка замедлила скорость, стала носом к волне. Все было сделано так, как надо, быстро и, главное, в нужный момент.

Я спрятал фотоаппарат под брезент, приготовился закурить, чтобы как-то унять охотничий азарт, и тут только с удивлением осознал, что лодкой управляла Светлана. Понял это с удивлением и какой-то спокойной радостью. И путь домой уже не казался мне таким далеким. И уже не пугало, что может внезапно заглохнуть мотор. Да и вообще мир стал надежнее.

Еще несколько минут, и лодка укроется от больших волн за длинным лесистым мысом. А там и до дому рукой подать.

Листопад

Сквозь тягучую утреннюю полудрему за стенками палатки слышно жестяное шуршание. Оно однообразно и непрерывно, не затихает и не усиливается. Звук этот новый — не приходилось, вроде, такого слышать. Быть может, ветер шумит вот так по-особому? Да нет, не ветер. Нет ветра совсем. Тихо. И тишина какая-то застойная, глухая: не зашумят деревья, не ударит волна о близкий берег. И в этой тишине беспрерывное жестяное шуршание.

В тайге любой непонятный звук требует немедленного опознания, иначе заполонит душу тревожное беспокойство. Откуда этот звук? Что за ним кроется?

Валентин еще спит, утром он вообще спать горазд, и никакие звуки его пока не тревожат. Я отбросил полог палатки — и в глаза хлынул белый свет.

Ночь-то сегодня холодная была. На бревнах, лежащих у берега, льдистая, в солнечных искрах, сверкающая изморозь. На траве — морозный белый налет. И на ощупь трава жесткая, промерзшая. Пожалуй, это первый такой крепкий заморозок.

А непрерывный шорох, шуршание — еще громче, ближе. Глаза привыкли к свету, и стало видно, что движение и шорох по всему молодому березовому лесу — идет листопад. При полном безветрии падают листья почти отвесно на сухую, в инее траву.

Воздух родниково прозрачен. Дальние сопки и хребты словно приблизились. Еще вчера лесистые сопки в той стороне, куда уходит речка Тангуйка, были темными и загадочными. Там, над сопками, часто собирались угрюмые тучи,

из того угла приходила непогода, и туда, за сопки, скрывалось солнце. А сейчас сопки в ярких желтых проплешинах, словно в солнечных зайчиках, и угрюмый угол как-то разом повеселел, стал понятным, простым по-домашнему.

Белесое малокровное солнце поднялось довольно высоко, но у него не хватает еще сил согреть настывшую за ночь землю.

Тихий осенний день. В такую пору и сам становишься умиротворенным, тихим и грустным. И ничего тебе большего не надо, кроме того, что уже есть.

На море, против нашего табора, плот — громадное скопище бревен, окруженное связкой из тех же бревен и канатов. А впереди прилепился сонный маленький буксир — совсем игрушечный рядом с необъятностью плота.

Когда я вернулся к палатке, Валентин уже проснулся и спокойно, как Будда, сидел у входа.

— Слышишь, как падают листья? — спросил он меня.

— Слышу.

Мы сварили чай на нежарком костре, и потом долго, без утренней спешки, пили его и смотрели на проплывающие легкие облака, на лес, на воду, и было хорошо вот так смотреть и никуда не торопиться. Мы провели тихий

день, а поздно вечером снова разожгли костер и в светлой лени лежали около огня.

Было спокойно и тихо.

И в этой тишине вдруг поплыл низкий трубный звук. Он плыл густой волной, плыл над освещенными луной лесистыми хребтами, над черной водой, усыпанной отражениями звезд. Кричал изюбрь.

Сентябрь — время изюбрового гона — удалое время. Я знал, зачем кричит изюбрь — он зовет на бой. И, быть может, потому в реве так легко угадывались, слышались торжество, ярость, мощь и жажда жизни.

Гулко заколотилось сердце.

Валентин торопливо вытащил из палатки ружье, переломил его и приставил стволы к губам. Он глубоко, всей грудью вздохнул и подул — и ружье закричало по-изюбриному. Валентин держал стволы вниз, и звук тяжело катился по земле, но вот стволы плавно пошли вверх, и звук оторвался от земли и поплыл в прозрачном лунном свете. Казалось, Валентин трубит негромко, но когда он замолк, эхо долго еще стонало в хребтах.

Изюбрь затрубил снова. Он принял вызов и сейчас, конечно, ломится сквозь чащу навстречу сопернику.

— Здорово, а? — голос Валентина вздрагивает от напряжения и радости.

Изюбрь снова затрубил, уже с другого места, ближе к нам, но не получив ответа, требовательно и яро повторил свой вызов.

— Ах, какой молодец! — приплясывал Валентин у костра. — Нет, ты послушай, послушай, какой молодец! Это как же так — и подражаться ему не с кем?

Но вот с далекого темного хребта ревуну ответил другой изюбрь, и бойцы пошли навстречу друг другу...

Ночь была холодной, и утром шорох падающих листьев стал еще громче. Но было хорошо и радостно в этом светлом, расцвеченном яркими красками, полном горячей жизни осеннем лесу.

Гордей

Гордей живет весело. Даже прохожих облаивает весело. И прохожий, оглянувшись на лай и увидев собаку, невольно задержит шаг, улыбнется, скажет лаятелю хорошее слово, да так — с улыбкой — и пойдет дальше.

Роста Гордей совсем никчемного. Настолько малого, что перебраться в лесу через старое упавшее дерево для него иногда просто непосильная задача. Пес неизмеримо лохмат. Похож

на вывернутый рукав овчинного полушубка. Задорно торчит черный нос, да светятся из шерсти горячие глаза. При всем при этом, Гордей не игрушечный, как, к примеру, болонки, а вполне самостоятельный пес, со своим характером и чувством собственного достоинства. Даже зимой он остается на улице, упорно отказываясь ночевать в доме.

Попал он в этот дом случайно. Как-то Валентин, возвращаясь из Братска, опоздал на рейсовый автобус и в ожидании следующего ему пришлось провести несколько скучных часов на автовокзале. Вот тогда-то он и приметил забавного собаченыша. Щенок болтался под ногами в людской толчее, явно кого-то искал и маялся от этого. Наконец нашел себе занятие. Два туристского вида парня сбросили свои объемистые рюкзаки около скамейки и отправились покупать билеты. Вот эти оставшиеся без надзора рюкзаки и решил взять под охрану щенок. Видно, такие вещи, как рюкзаки, были ему знакомы. Вернувшись, парни наткнулись на грозного сторожа. Он свирепо кидался на всякого, кто подходил слишком близко к охраняемым вещам. Не отдал он рюкзаки и хозяевам. Туристы посмеялись — а ехать было еще рано — и ушли по своим делам, уже немало не беспокоясь о сохранности своего багажа. А когда пришло время уезжать, ребятам пришлось отвоевывать свое имущество хитростью. Подошли, вроде бы как прогуливаясь, безо всякой цели, и, враз схватив рюкзаки, кинулись в противоположные стороны. Растерявшийся щенок горько взвыл от такого людского коварства. Пока он метался то в одну, то в другую сторону — за кем сперва гнаться? — «грабителей» и след простыл.

Валентин заговорил со щенком, погладил его кудлатую голову и, щенок, согласившись взять Валентина себе в хозяева, сел около его ног и больше уже не отходил. Он так преданно заглядывал Валентину в глаза, что тот почувствовал — грех оставлять собаченыша, хотя опасался, что Светлану это может совсем не обрадовать. И для таких опасений основания были: Светлана, увидев, к примеру, истоптанную цветочную клумбу или собачьи следы на чистом полу, в сердцах ругалась и божилась, что не потерпит больше в своем доме никакой новой живности, а собаку Ладу и кошку Дашку и всех их друзей терпит лишь потому, что давно к ним привыкла.

— Тебе, малыш, очень нужно хозяйке понравиться, — сказал щенку Валентин. — Твое благополучие только от этого и зависит.

Но все обошлось как нельзя лучше. Светлана была на берегу, и Валентин пошел на берег. Щенок замешкался в кустах и появился над крутым обрывом, когда Валентин и Светлана уже разговаривали. Щенок еще никогда, видимо, не встречал столько воды и теперь картинно

застыл, удивленный и взволнованный необычным. Потом увидел людей и приветственно тьякнул.

— Ах, какая прелесть! — восторженно сказала Светлана. — Это чей такой славный песик?

— Не знаю, — Валентин полон равнодушия.

— Ты чей? — спросила Светлана щенка.

Щенок, поняв, что обращаются к нему, поднял невидимые дотолы ушки-локаторы, склонил кудлатую голову набок — весь внимание.

— Нет, ты посмотри, Валя, какая прелесть. Ты посмотри, какие у него глаза. Ну, чудо просто.

— Нравится?

— Еще бы!

Тогда Валентин призывно посвистел щенку, и тот с готовностью подбежал, преданно блестя глазами.

— Познакомься-ка, мать, с нашим новым членом семьи.

Светлана мгновение непонимающе смотрела на мужа и собаченюша, затем наступило прозрение, но рассердиться она уже не смогла.

— Ах, вы негодники и хитрецы...

А вечером щенок получил имя.

Осваиваясь в новом доме, щенок — по незнанию — нарушил одно из главных правил поведения — стал пробовать на зуб хозяйкины туфли, — и Светлана взялась за веник. Но щенок не почувствовал себя виноватым, наказание его возмутило, и он смело кинулся в драку. Удивлению и возмущению Светланы не было границ, а муж и дети были в восторге.

— Ишь, какой Гордей! — удивился Алексей Иванович, сосед Валентина. — С характером.

Вот так и стал с тех пор собаченюш Гордеем.

Для этого имени у него были все основания. Правда, с хозяевами он больше никогда не скандалит, проникшись к ним любовью, безграничным доверием и признав их верховную власть над собой, но во всех других случаях умеет постоять за себя и в любой момент готов к драке. Странное дело: даже самые задиристые деревенские собаки его не трогают. И живет Гордей весело и безбоязненно, завоевав себе право на такую жизнь и всегда готовый защитить это право.

У Гордея целый день заполнен делами.

Ночевать пес уходит на улицу. Но под утро занимает наблюдательный пост против окон.

Когда ему откроют, Гордей врывается в дом как после долгой разлуки, вихрем пронесится по всем комнатам. Ему нужно враз всех увидеть, враз всех поприветствовать. И если кто спит, Гордей стаскивает с того одеяло, стремится лизнуть в лицо. И родителям нет нужды будить детей. С этим прекрасно справляется Гордей — весело и по-дружески.

В доме хозяина Гордей дружелюбен со всеми. И вообще у Гордея, можно сказать, нет

врагов. Разве что кошка Матильда, живущая в соседнем доме. Несколько особые отношения у него и с соседским псом Пронькой. Когда Пронька, крупный и решительный пес, гуляет на свободе, Гордей его как бы не замечает. Но очень часто Проньку за его безалаберный нрав держат на цепи. Тогда Гордей устраивает себе развлечение: идет дразнить Проньку. Пронька на цепи — сторож, и на каждое новое существо, появившееся в ограде, обязан глядеть с подозрением. И вот лохматый Гордей с невинным видом появляется в соседском дворе, смотрит на сторожа, затем берет оброненное курицей перо или, на худой конец, щепку и исчезает за забором. Пронька урона хозяйству вытерпеть не может, громыкает цепью, возмущенно лает. Гордей появляется снова и подбирает ту щепку, что ближе к Пронькиной будке. Возмущению и ярости сторожа нет предела. И только цепь не дает ему оттрепать нахала по заслугам. Но если Проньку даже через несколько минут

отпустят с цепи, он счеты с обидчиком не сводит, а дружелюбно машет при встрече хвостом. Возможно, Пронька даже по-своему благодарен лохмачу: как-никак тот помогает скрасить ему унылую собачью службу.

Но главное дело дня Гордея — провожать на работу и встречать обитателей дома. Занятие это многотрудное и, главное, хлопотное. Обычно раньше других уходит хозяин — его надо проводить. А тут и хозяйке подходит время идти на уроки. А тут и Ольге с Димкой в школу собираться. Но главное впереди — радости встречи. Сколько расставаний, столько и встреч.

Как-то мне пришлось услышать разговор одного уверенно живущего на земле человека с Валентином.

— Зачем тебе такая собака? Кормить только. По мне так лучше держать поросенка.

И человек стал приводить экономические выкладки в пользу сала и окороков. Все вышло точно и обоснованно.

— Когда мне понадобится свинья, непременно зайду к вам, — пообещал Валентин.

В летние предвечерние часы мир наполняется тишиной и покоем. Хорошо тогда усталому посидеть на прохладных ступеньках крыльца. И Гордей знает: не надо в этот момент тревожить человека. Но все-таки псу интересно: от чего тот молчит, о чем думает. Гордей устраивается напротив и терпеливо, заинтересованно глядит на сидящего. Голова склонена набок и одно ухо — торчком.

Затесы

Да и не заблудились мы тогда. Просто потерялась тропа и смешались ненадолго стороны света, как это бывает в вагоне поезда: будто едешь в другую сторону и никак не можешь от этого чувства избавиться, но проходит время и разом все становится на свои места. Столько лет прошло, а помнится вот. И помнить-то, в общем, нечего, так себе: пустячок, дымка, легкое головокружение. А помнится...

Были случаи посерьезнее, и они в память врезались, но не волнуют уже, когда их припоминаешь. Ну, вот хотя бы. В канун майских праздников перед ледоходом потемну переходили с одним мужиком речку то ли Чуну, то ли Бирюсу. Ночь темная, без луны. Единственный ориентир — неяркие подфарники ожидающей нас на том берегу машины. На их свет мы и шли. И сам теперь не знаю, как такое могло получиться: забрели впотьмах в странное место и в какую бы сторону ни толкались, везде под ногами всхлупывала вода. Пытались и в обратную сторону, по своим следам идти, но и там оказалась вода. И уже затосковал я тогда...

Или вот еще. По весеннему льду перешли мы со старым другом Братское водохранилище, а широкие прибрежные разводья переплыли на резиновой лодке. Ночью вызвездило, ударил морозец, и разводья покрылись льдом. Лед был тонким, черным над глубинами, легко проламывался веслами. Когда я уже почти пробил дорожку чистой воды через все разводье, неожиданно налетел набравший разбег над ледяными полями ветер, круто развернул лодку и чиркнул ею о ножевую кромку молодого льда. Лодка охнула, враз скособочилась, и через сникший борт хлынула вода. А на мне тяжелая, почти зимняя одежда. Да и пловец-то я не ахти какой.

И этот случай, хоть и остался в памяти, а не волнует. А помнится и волнует другой день.

Тогда мы с Валентином впервые пошли в кедровую тайгу. Заключение договора на заготовку орехов и с самыми радужными надеждами двинули по незнакомой тропе. Шли налегке, без груза, не несли даже малых запасов еды. Еще по зимнику на базу, куда мы шли, были завезены продукты и, заключившему договор зачем было ломать себе хребет рюкзаком.

Тропа и на самом деле оказалась вполне торной. Она неторопливо вилась с увала на увал и вела все дальше и дальше, в глубь тайги. Временами следы лошадиных подков надолго исчезали, но потом, как добрый знак, появлялись вновь. И когда мы уже изрядно устали от дороги и душевного беспокойства — по той ли тропе идем? — впереди поредели деревья, и мы вышли на небольшую вырубку. Посредине поляны желто светились новым деревом рубленные избушки. Они держались малой, но плотной ватажкой и чем-то напоминали пробившееся из земли семейство опять. Было тут застожно тихо и безлюдно, и лишь около приземистого амбара отыскался небритый мужик, назвавшийся приемщиком.

Еще дорогой мы мечтали, что придем на базу, вручим ее хозяину договор, наберем на складе продуктов, устроим отдых, а назавтра, со свежими силами, примемся за дело. Но небритый мужик отказался выдать продукты, на договор даже и не посмотрел и лишь длинно сплюнул, когда мы стали говорить о пунктах договора.

— Пустая тайга, — объяснил мужик. — Кедровка, почитай, всю шишку спустила. Мне орехи нужны, а не бумажки! Если я по этим бумажкам буду продукты раздавать, то черта лысого план выполню. Будут орехи, будут и харчи.

Дальнейшие переговоры были излишни, и с решительностью голодных мы двинулись в тайгу. Нам повезло. Наткнулись на богатый шишками кедрач. А к вечеру, взопревшие от непривычной работы, мы вернулись на базу и принесли два мешка шишек.

Пришел приемщик, окинул нас долгим взглядом и буркнул:

— Пошли на склад.

Теперь мужик вел себя щедро: отвалил полрюкзака сухарей, не поскупился на тушенку, чай и сгущенное молоко. Потом, в знак полного расположения, угостил куревом и попросил не думать о нем плохо.

— Были у меня случаи: наберет человек продуктов, а потом посмотрит, что в тайге нынче делов нема, и поминай, как звали. Хорошие шишкарки, которые здесь из года в год работают, и те, почитай, все ушли. Вот вас увидел и подумал: не люди еще, а так себе, студенты, не работники...

Таежными заработками мы избалованы не были — лишь бы харчи оправдать, и то ладно, а потому решили остаться самое малое на две недели: давно мечталось пожить в кедровой тайге, побродить по этим вольным местам.

— Дело, говорите, ребята, дело, — поддержал нас приемщик. — Тут один воздух чего стоит.

В первые дни, опасаясь заблудиться, старались не отрываться далеко от тропы, но постепенно освоились и посмелели. А потом ведь известно: чем дальше в лес, тем больше дров. И мы надеялись, что есть где-то — пусть маленькие, крошечные — участки тайги совсем не тронутые шишкарками и кедровкой.

В тот день с первым светом, как обычно, мы ушли в тайгу. Весь день колесили по кедровникам, выглядывая сохранившиеся шишки, а когда мешки основательно потяжелели и таскать с собой их стало неподручно, решили выйти к тропе, оставить там груз, а самим налегке побродить еще с часок.

Тропу мы нашли быстро. Но что-то нам в ней не понравилось. Прошли немного и стали догадываться: не наша тропа.

Чтобы не терять голову, сели отдохнуть, покурить, а потом решили пройти по тропе с километр без груза для разведки: а вдруг это все-таки наша тропа. Но очень скоро убедились — не наша. Тропа пошла под крутой уклон и исчезла на каменной россыпи.

Вот тогда-то и смешались стороны света, не стало ни севера, ни юга, поплыл в голове легкий туман. В какую сторону идти? Не было нам никуда дороги. И тайга разом показалась чужой и равнодушной. Мы снова сидели около своего груза, курили, неспешно вспоминали день — в каком направлении шли, куда поворачивали, — но это ничего не дало.

Время, звонкое и легкое в азартной работе, стало тяжелым и тягучим. Минуты наполнялись медленно и тяжело.

— Слушай, — сказал Валентин. — Мы тут неподалеку видели затесы. Давай посмотрим — куда они ведут. Не понравится — вернемся.

И то верно. Что-то делать надо.

Затесы не новые, оплыли смолой, но все-таки их хорошо видно. Шли мы осторожно, не трогались от зарубки, пока взглядом не отыщем следующую.

А через полчаса мы вышли на тропу. Это без сомнения была наша тропа. Мы десятки раз уже ходили по ней. Вот даже в сырой выбоине между корнями следы наших сапог.

И разом все стало на свои места. Север? Да вот в ту сторону. И юг, и восток есть. Все есть. И четко знаем, до градуса, направление на наш табор. Разом нахлынуло это чувство светлого прозрения, радости и благодарности к тому, кто когда-то проложил эти затесы.

И вот все это помнится до сих пор, помнится и волнует. И видится картина: колоннада сосен и кедров, плотный, почти осязаемый свет предзакатного солнца ломится меж стволами, высвечивая затесы на деревьях. Хотя — стоп! — было ли тогда солнце? Ведь будь солнце — мы бы никак не смогли потерять направление. Но все это теперь мне видится именно так: деревья и высвеченная солнцем, уходящая в глубину леса, яркая строчка путеводных затесов.

Второй Урал

Вторым Уралом называют геологи Сихотэ-Алинь. И в самом деле, чего только здесь нет! Седые отроги хранят много полезных ископаемых — цветные и редкие металлы, свинец, олово, цинк, серебро, висмут, золото, вольфрам...

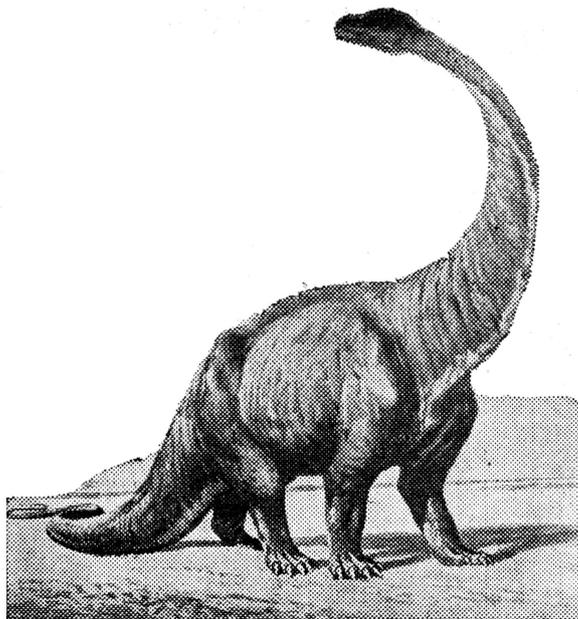
В рудниках Второго Советского находят белоснежные кальциты, искрящиеся друзы горного хрусталя, серебристые галениты.

Десять лет назад в поселке Дальнегорск был создан геологический музей Восточной геологоразведочной экспедиции. Усилиями геологов и горняков была собрана огромная коллекция, представляющая большую научную ценность.

Вот скарны датолитовой руды. Их срезы, сделанные алмазной пилой, удивляют «марсианскими» пейзажами, гаммой красок. Рядом — увесистые куски касситерита, или оловянного камня. Сейчас в хранилище музея более десяти тысяч экспонатов.

Частыми гостями музея бывают ребята из местной школы. Здесь они занимаются в кружке юных геологов. А летом ребята стажировались в геологоразведочных партиях Восточной экспедиции.

И. ШИМАНСКИЙ

Великан из великанов

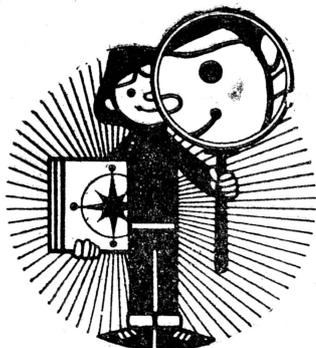
Впервые в нашей стране останки крупного динозавра (утконосого) были найдены в 1916 году в районе Амура. Позднее в разных географических зонах находили кости, позвонки, скелеты и даже яйца этих животных. Но самой сенсационной была находка вблизи киргизского города Таш-Кумыра уникального образца динозавра. Длина его составляла около 20 метров. Этот гигантский ящер жил 150 миллионов лет назад.

Скелет динозавра из рода прохенеозавров нашла экспедиция, руководимая известным советским палеонтологом А. Рождественским. В 1973 году, ведя раскопки в пустыне Гоби, доктор геолого-минералогических наук Г. Мартинсон на-

шел двух динозавров... застывших в схватке друг с другом. Одним из животных оказался тарбозавр — самый грозный хищник всех времен. А недавно в окрестностях Благовещенска-на-Амуре юные помощники палеонтологов откопали груды костей динозавров. Это место объявлено заповедником.

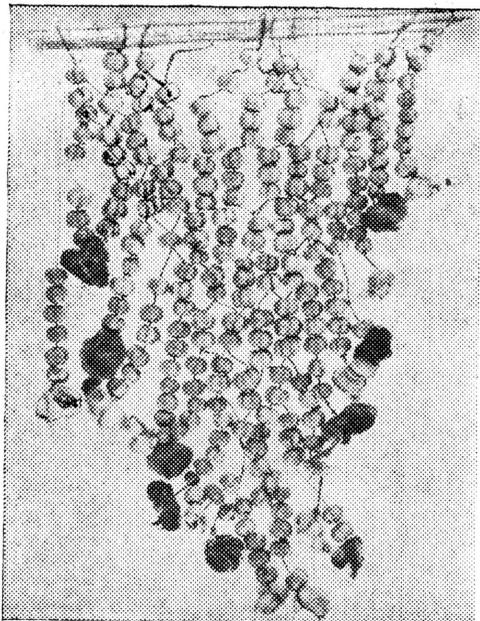
В палеонтологическом музее (Москва) и в Центральном геологоразведочном музее в Ленинграде теперь можно увидеть скелеты динозавров — гигантских рептилий мезозойской эры. Художники-таксидермисты воссоздали облик исчезнувшего миллионы лет назад чудовища.

На рисунке: динозавр-гигант.

МИР

НА ЛАДОНИ

Ожерелье из гармалы

Эти ягоды были собраны в Каракумах 60 лет назад. Сегодня они постукивают, как камешки, нанизанные на тоненькие проволочки. С годами ягоды гармалы не сморщились, не потеряли цвет — ярко-красный.

Нарядное ожерелье носила на груди туркменская девушка Нурджахан, она и подарила его ботаникам.

Старожилы говорят, что первый красный флаг, пронесенный над Каракумами, был окрашен красителем, полученным из гармалы.

На снимке: ожерелье из гармалы шестидесятилетней давности.

Кора очищает воду

Для борьбы с нефтяными отходами промышленных предприятий и судов изобретатели предлагают различные способы. Пожалуй, самый простой и дешевый — очистка загрязненных нефтью водоемов с помощью древесной коры.

Кору измельчают в порошок, прессуют и брикеты укладывают на нейлоновую основу. Их опускают в загрязненную воду. Кора энергично поглощает нефть. Впоследствии кору можно использовать как топливо. Смоченная нефтью она горит гораздо лучше. Опыты показали: килограмм коры может поглотить пол-литра нефти.

Порошок...

от тяжелой работы

Этот порошок глюкозы и фруктозы норвежские исследователи создали для спортсменов, грузчиков, водителей, для всех, кто затрачивает большие физические усилия. Порошок надо лишь растворить в воде и выпить, чтобы снять усталость.

У дороги самовар

Проехать мимо самовара, установленного на обочине Суджанского тракта, не так-то просто. Заметен! Высота его составляет два человеческих роста. Это знак, обозначающий границу Курской области РСФСР и Сумской области Украины. Самовар вместе с «сервисом» — чайником, чашкой и блюдцем — сделаны на века, из бетона.

Жарко

Раньше всех...

— А мне нравится ваша шляпка...

Рисунки
В. Милейко, Л. Голубева (г. Ленинград),
К. Ибрагимова (Дагестанская АССР)

Пушка стреляет жидкостью

Центр вооружений США изоощряется в создании военной техники. Произведены испытания самолетной

четырехствольной пушки, которая заряжается без гильз и стреляет... дымящей азотной кислотой. Пушка с жидким метательным зарядом якобы по точности поражения самолетов в четыре раза превосходит стандартную двадцатимиллиметровую пушку, применяемую на истребителях.

Патруль ищет айсберги

Лондонский «Ллойд лист» сообщил о работе Международного ледового патруля в Северной Атлантике. В 1975 году было зафиксировано около тысячи айсбергов, дрейфовавших южнее 48-й параллели. Рекордное число ледяных гор — 1587 — наблюдалось в 1972 году.

Айсберги, пересекающие 48-ю параллель, опасны для судоходства в водах Северной Атлантики.

Сезон 1976 года начался с патрулирования опасных районов с самолетов дальнего действия. Данные о количестве обнаруженных айсбергов в минувшем году пока не названы. Но патрульная служба предотвратила немало катастроф.

Плавающий туннель

Проекты соединения острова Сицилия с материковой частью Италии железнодорожными и автомобильными магистралями предлагались не раз. Собирались построить мост через Мессинский пролив. Но от моста пришлось отказаться из-за высокой сейсмической опасности в этом районе.

Сейчас одобрен проект

английских инженеров, предложивших продолжить плавающий туннель. Три параллельные трубы, одетые в одну железобетонную рубашку, должны быть по секциям изготовлены на берегу и опущены потом под воду.

Туннель пройдет на глубине 50 метров и будет закреплён специальными якорями.

Чья картина больше?

Многие художники рисовали картины-гиганты. Рубенс по заказу Марии Медичи написал двадцать одну картину размером три на четыре метра каждая. Огромно полотно Тинторетто под названием «Рай». Оно заполнено людьми в натуральную величину, и их на этой картине в общей сложности — около шестисот! Феликс Топольский написал для Букингемского замка картину, изображающую коронацию королевы Елизаветы II. Длина картины — 38 метров.

Находчивые птицы

Туннель в горах, связывающий Францию с Италией, позволяет сокращать путь не только автомобилистам. Когда наступает время перелета птиц из Франции в теплые края, ласточки не летят, как прежде, над

Альпами, а избирают самый краткий путь — через туннель. Птицы так свыклись с новым маршрутом, что не боятся путешествовать на крышах легковых автомобилей.

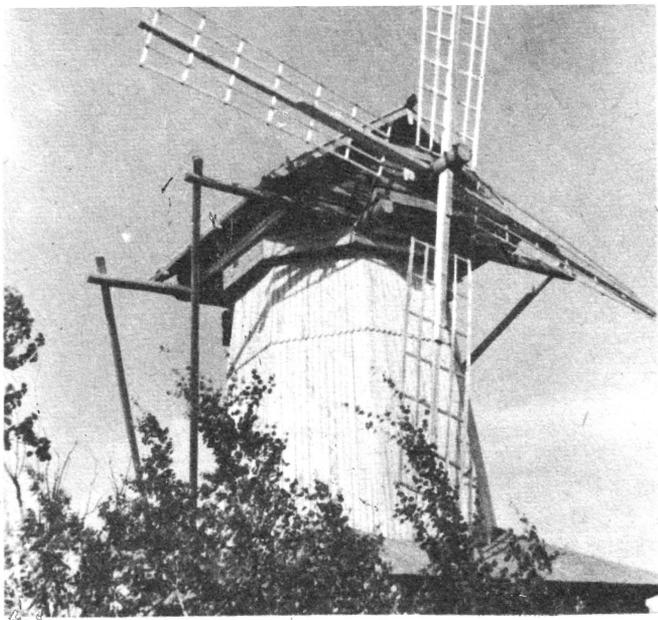
«Отписка» Семена Дежнева

Все строения Якутского воеводства поначалу были деревянными. Однажды, в ночь на 27 декабря 1701 года, случился в крепости опустошительный пожар.

После пожара и построили первое в Якутске каменное здание на вечной мерзлоте. Это была воеводская канцелярия. Именно здесь приехавший из Петербурга Г. Миллер в 1736 году обнаружил затерявшуюся и пролежавшую 88 лет «отписку» якутского казака Семена Дежнева с сообщением о величайшем географическом открытии в 1648 году — установлении пролива, отделяющего Азию от Америки.

Одноэтажный приземистый каменный дом, построенный 270 лет назад, сейчас стоит в окружении многоэтажных зданий. И, как своеобразный паспорт, в Якутском краеведческом музее хранится круглая каменная плита с надписью славянскими буквами: «Божию милостью, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца, построены сия палаты лето господня 1707...»

Мельницы Малых Корел

Эта старинная деревянная шатровая колоколенка три столетия одиноко стояла в глуши архангельских лесов. Сейчас ее перевезли на 500 километров вниз по течению Северной Двины, к Архангельску. Теперь колоколенка не одинока — рядом с нею выросли седые и могучие ветряные мельницы, строгие шатры

деревянных храмов, избы, баньки, амбары... Это — Малые Корелы, музей-заповедник древнерусской деревянной архитектуры. Сюда, в музей, будет перевезено — по бревнышку, на вертолетах — 80 деревянных строений.

Тропинка убегает под полог леса, затем круто ныряет в глубокий овраг

и вновь выводит на холм. Сверкая осиновым лемехом главки, стоит на самом виду колоколенка. И снова — холмы, овраги, крутые спуски и подъемы. Деревянные шедевры здесь не на виду, как в большинстве других подобных музеев-заповедников — в Кижах, Костроме, Суздале, под Новгородом. В Малых

Корелах рельеф позволил расположить как бы независимо друг от друга Онежскую, Северодвинскую, Беломорскую, Пинежскую, Мезенскую деревни, множество мельниц, старинных построек крестьянского быта, колоколен, часовенок.

Александр МИЛОВСКИЙ

Фото автора

Это — марки-самodelки... Их нарисовала новосибирская школьница Ада Каплун, не перерисовала чьи-то марки, а придумала свои. Другие ее рисунки и рассказ о юной художнице мы публикуем на вклейке этого номера.

Как в далеком сне, Ветер Иван спускался к сумеречным садам вокруг города. Тут, на дорожках, занесенных песком, белым, словно окаменелый снег, его встретили первые статуи. Одежды, развеваемые воздушными струями, давным-давно утихшими. Руки, скованные в попытке закрыться от непонятной угрозы. Глаза, вобравшие синеву неба...

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ЕВГЕНИЯ КРИВЕНКО «ТАНЕЦ ПЕРЕД ПОВЕЛИТЕЛЕМ СТАТУЙ»